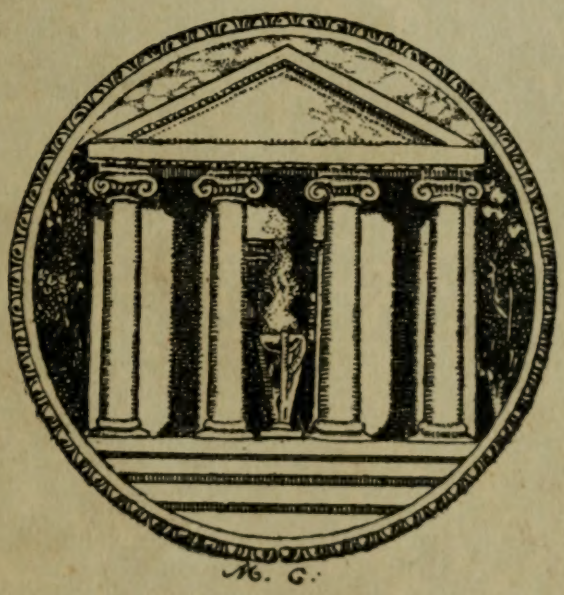
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ С. А. ВЕНГЕРОВА

Т. II.

ПИСАТЕЛЬ-ГРАЖДАНИНЪ — ГОГОЛЬ.



ИЗД-ВО „ПРОМЕТЕЙ"
СПБ.

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00301366 1
PG
3335
Z8V43

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Т. II.

С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Т. II.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“.
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

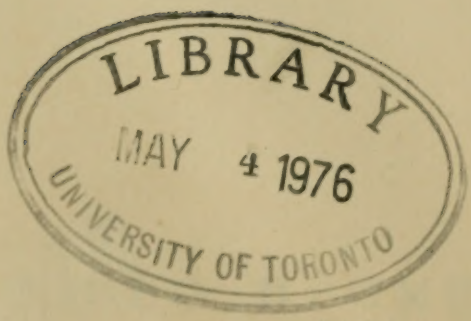
С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

ПИСАТЕЛЬ-ГРАЖДАНИНЪ.

ГОГОЛЬ.

1913.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

PG
3335
Z8 V43



Тип. В. Безобразовъ и К° (Вл. Н. П. Зандманъ), В. О., Больш. пр. 61.

Въ составъ настоящаго тома (по плану изданія—второго, фактически четвертаго) вошло четыре этюда:

1) Основной этюдъ—„*Писатель-Гражданинъ*“ напечатанъ въ „Рус. Богатствѣ“ 1902 г. и перепечатанъ въ 1 и 2 изд. моихъ „Очерковъ по исторіи русск. литературы“. Почти безъ измѣненій этюдъ напечатанъ и здѣсь.

Тѣ новыя мысли о Гоголѣ, которыя назрѣли у меня, а также тѣ новыя данныя о Гоголѣ, которыя появились за послѣдніе годы, нашли свое отраженіе въ двухъ новыхъ этюдахъ, въ отдѣльномъ изданіи еще не появлявшихся:

2) „*Гоголь совсѣмъ не зналъ русской дѣйствительности*“ Незадолго до выхода настоящаго тома этюдъ былъ напечатанъ въ двухъ фельетонахъ „Рѣчи“ (1913, №№ 56 и 57).

3) Нигдѣ не былъ еще напечатанъ этюдъ „*Гоголь-ученый*“ Онъ написанъ на основаніи новыхъ гоголевскихъ текстовъ, напечатанныхъ П. Г. Георгіевскимъ въ 1908-10 гг. и ярко подкрѣпляющихъ давнишній тезисъ мой о томъ, что научныя занятія Гоголя вовсе не такъ ничтожны, какъ это принято думать.

4) Наконецъ, здѣсь почти совершенно заново данъ комментарій къ перепискѣ Гоголя съ Бѣлинскимъ. Въ 1905 г. я издалъ отдѣльной брошюрой знаменитое зальцбруннское письмо Бѣлинскаго, снабдивъ его лишь коротенькимъ предисловіемъ въ нѣсколько страницъ. Впервые также занялся я теперь установленіемъ текста письма.

С. В.

С.-Петербургъ
8 мая 1913 г.

ПИСАТЕЛЬ-ГРАЖДАНИНЪ.

I.

Творческое начало Гоголевской тоски.

Наступаетъ пятидесятилѣтіе заключительнаго момента одной изъ самыхъ страшныхъ драмъ, какія только знаетъ исторія человѣческихъ страданій [1]).

Драмы, тѣмъ особенно страшной, что вся она произошла безъ всякаго внѣшняго повода.

Нѣтъ въ ней тѣхъ ударовъ судьбы, которые мы привыкли видѣть, какъ въ драмахъ, созданныхъ воображеніемъ писателей, такъ и созданныхъ самою жизнью и въ необычайности которыхъ сознаніе страдающаго подъ ихъ тяжестью находитъ своего рода утѣшеніе. Въ трагическомъ завершеніи жизни Гоголя весь узелъ драмы былъ въ собственной психологіи страдавшаго, въ томъ, что всю жизнь онъ тосковалъ, всю жизнь метался въ тревожныхъ поискахъ. Мучительно искалъ онъ сначала пути, на которомъ могъ бы выразить всю полноту того, что скопилось у него на душѣ, а затѣмъ съ тою же мукою усомнился— правиленъ ли найденный путь, несмотря на весь блескъ и утѣхи славы, къ которымъ онъ его привелъ.

Есть цѣлый рядъ объясненій гоголевской тоски.

Главнѣйшія изъ нихъ сводятъ ее либо къ причинамъ патолого-психіатрическаго свойства, либо къ тому, что Гоголь палъ подъ тяжестью тѣхъ огромныхъ ожиданій, которыя на него возлагали послѣ „Ревизора“ и „Мертвыхъ

---

[1]) Настоящій этюдъ написанъ въ 1902 г.

душъ“ и оправдать которыя онъ не чувствовалъ себя въ силахъ.

Ни одно изъ этихъ объясненій не выдерживаетъ сколько-нибудь серьезной критики, потому что они либо фактически невѣрны, либо скользятъ по поверхности.

Особенно поражаетъ своею несостоятельностью весьма, однако, распространенное убѣжденіе, что Гоголь впалъ въ безысходную тоску отъ сознанія своего творческаго безсилія. Это убѣжденіе основывается на томъ, конечно, весьма важномъ фактѣ, что Гоголь собственноручно сжегъ вторую часть „Мертвыхъ душъ“. Но приэтомъ никто, однако же, не обращаетъ вниманія на ничтожность промежутка, отдѣляющаго выходъ первой части „Мертвыхъ душъ“ отъ „Избранной переписки съ друзьями“, гдѣ съ такою торжественностью говорилось объ уничтоженіи продолженія великой „поэмы“. „Мертвыя души“ появились въ 1842 г., „Переписка“ въ 1846 г. уже вышла въ свѣтъ, а начата гораздо раньше: первыя письма, вошедшія въ нее, относятся къ 1843 году.

Когда же, спрашивается, Гоголь могъ почувствовать такъ ясно свое безсиліе, чтобы впасть отъ сознанія его въ безнадежное отчаяніе?

Всякое свое произведеніе Гоголь вынашивалъ долгими годами, безконечно его передѣлывая и даже создавъ цѣлую теорію многолѣтняго „вылеживанія“ произведеній въ авторскомъ портфелѣ. У него въ раннихъ годахъ, въ періодъ полнаго расцвѣта творческихъ силъ, были полосы, когда онъ почти ничего не писалъ. Таковъ, напримѣръ, весь 1833 годъ. Но онъ отъ этого, однако, не впалъ въ отчаяніе и подчасъ добродушно самъ подсмѣивался надъ собою въ письмахъ къ близкимъ и только ругалъ свою „лѣнь“. А тутъ вдругъ черезъ два-три года, когда еще не остылъ пылъ первыхъ похвалъ, когда еще въ критикѣ ломались копья за и противъ великаго произведенія, Гоголь почему-то долженъ былъ такъ безнадежно-ясно узрѣть свою неспособность оправдать великія ожиданія, чтобы печатно поставить крестъ на всей своей писательской дѣятельности.

Несравненно больше правдоподобія въ попыткахъ медицински-психіатрическаго объясненія гоголевской тоски.

Очень можетъ быть, что оно фактически вѣрно, даже оставляя въ сторонѣ соблазнительную теорію сродства генія и ненормальности. Весьма вѣроятно, что въ индивидуальной психо-физической организаціи меланхоличнаго съ самыхъ раннихъ лѣтъ Гоголя было опредѣленное предрасположеніе къ его печальному концу, къ той страшной подавленности, при которой какой-нибудь о. Матвѣй, этотъ изступленно-невѣжественный изувѣръ, могъ стать полнымъ повелителемъ его исчезающаго сознанія.

Но допустимъ даже полную обоснованность гипотезы психіатрическаго происхожденія безпокойнаго метанія Гоголя и его болѣзненныхъ поисковъ „настоящаго" пути. И все же мы не получаемъ тутъ ключа къ пониманію того *разряда* нравственныхъ страданій, которыя съ такою мучительностью преслѣдовали Гоголя цѣлую половину жизни, чтобы не сказать—всю. Вѣдь „незримыя міру слезы" душили ему грудь и въ эпоху полнаго расцвѣта его „видимаго смѣха", когда еще и помина не было ни о явно-психіатрическихъ проявленіяхъ послѣднихъ лѣтъ, ни объ упадкѣ творческой силы. Почти одновременно съ Гоголемъ умеръ, уже всецѣло принадлежащій психіатріи, Батюшковъ,—человѣкъ тоже съ очень тонкой душевной организаціей и изящнымъ духомъ. Однако же, въ творчествѣ Батюшкова, за сравнительно незначительными исключеніями, совершенно нѣтъ грустныхъ нотъ, и въ исторіи русской литературы онъ—одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей вакхическихъ возгласовъ въ честь любви и наслажденія.

Психіатрическое объясненіе, слѣдовательно, ровно ничего для пониманія источниковъ Гоголевской тоски не даетъ.

Оно только указываетъ почву, на которой создается душевная неуравновѣшенность, но нимало не опредѣляетъ ни ея формъ, ни ея проявленій. Даже при явномъ и формальномъ нарушеніи сознательной дѣятельности не почва является опредѣлителемъ уклоненія отъ нормы, а тѣ сѣмена, которыя въ нее брошены окружающимъ міромъ. Вспомните Гаршинскій „Красный цвѣтокъ", въ одно и то же время и глубоко-реальный, и глубоко-символическій, въ одно и то же время и „выдумка", и горькая автобіографическая правда. Красный цвѣтокъ, получившій въ боль-

номъ мозгу героя разсказа такое необычайное значеніе, символизируетъ собою міросозерцаніе всего поколѣнія, къ которому этотъ герой принадлежалъ. Безуміе его заключалось только въ томъ, что онъ представлялъ себѣ такъ удобоисполнимой побѣду надъ зломъ. Но въ самомъ порывѣ, въ страстномъ стремленіи сорвать все зло міра безумный представитель поколѣнія семидесятыхъ годовъ ярко отразилъ собою завѣтныя думы всѣхъ своихъ сверстниковъ.

Свойства гоголевской тоски также переносятъ ее изъ узкой и патологической сферы личнаго недуга, личной меланхоліи въ широкую область общественныхъ настроеній.

Великій представитель великаго народа, Гоголь выразилъ въ своей тоскѣ одинъ изъ знаменательнѣйшихъ моментовъ въ исторіи самосознанія этого народа.

Будь его тоска его личнымъ недугомъ или свойствомъ,— онъ бы ею никого не заразилъ, а если бы кого и заразилъ, то къ невыгодѣ. Но на самомъ дѣлѣ гоголевская тоска по общественномъ и нравственномъ совершенствѣ, подъ конецъ разошедшаяся съ лучшею частью общества въ путяхъ достиженія, но не въ силѣ и свойствахъ самаго порыва, явилась творческимъ началомъ всей послѣдующей русской литературы. Велика и славна теперь во всемъ мірѣ русская литература и славна именно своею тоскою по идеалу, тѣмъ, что ей,—по гоголевскому возгласу въ одной изъ самыхъ „веселыхъ“ его повѣстей,—„скучно на этомъ свѣтѣ“, доколѣ въ немъ властно царитъ пошлость. Все это идетъ отъ Гоголя, и страннымъ недоразумѣніемъ является часто дебатируемый вопросъ: отъ кого пошла новѣйшая русская литература—отъ Пушкина или отъ Гоголя. Она пошла и отъ того, и отъ другого. Въ лицѣ Пушкина подражательная до него русская литература обрѣла свой собственный духовный обликъ, стала по творческой способности наряду съ литературою самыхъ культурныхъ европейскихъ народовъ. Пушкинъ далъ ей „этотъ чудный, мощный языкъ“, хранить который во всей его неприкосновенности завѣщалъ своимъ преемникамъ; цѣлыхъ полвѣка спустя умирающій Тургеневъ далъ ей недосягаемые до сихъ поръ образцы художественной гармоничности и законченности, наконецъ,

вывелъ ее на путь здороваго реализма, идя по которому простота не рискуетъ впасть въ низменность и вульгарность. Въ лицѣ Пушкина литература въ Россіи перестала быть забавою и превратилась въ національное дѣло, въ которомъ сказалась вся мощь народнаго духа.

Но Пушкинъ именно выразилъ только полноту силъ.

Пушкинъ—это ясная улыбка пробудившагося сознанія своей мощи, радостное ощущеніе переливающейся по жиламъ молодой, свѣжей жизни.

Такое довольство не могло долго длиться, какъ не длится долго радостное возбужденіе и въ реальной жизни вошедшаго въ полную силу человѣка. Не замедлили овладѣть лучшею частью молодого русскаго общества и тревога, и мятежное исканіе. Эти порожденія душевной неудовлетворенности были уже чужды Пушкину, какъ выразителю совсѣмъ иной стадіи развитія русскаго духа, какъ человѣку, удивительно-художественная цѣльность котораго была проявленіемъ натуры ясно-созерцательной, стремящейся къ стройности и гармоничности и органически враждебной всякимъ диссонансамъ. Въ этомъ смыслѣ новѣйшая русская литература, съ ея „святымъ недовольствомъ“, съ ея лихорадочною порывистостью, не могла пойти отъ Пушкина. Общій мажорный тонъ пушкинской поэзіи не подходилъ болѣе къ новому настроенію. „Я слезъ хочу, пѣвецъ!“—говорила эта новая душевная потребность и, какъ всякое сильное настроеніе, быстро нашла выраженіе въ наиболѣе одаренныхъ представителяхъ своего времени—въ горькомъ смѣхѣ Гоголя и мрачномъ озлобленіи Лермонтова.

Разъ сдвинутая сильнымъ импульсомъ съ той или другой позиціи, общественная мысль не можетъ не дойти до полнаго своего логическаго развитія, если въ основѣ его лежитъ дѣйствительно глубокое чувство.

Въ частности, по отношенію къ Гоголю,—орудіе такой страшной силы, анализъ такой сокрушающей ѣдкости, какой былъ данъ ему въ удѣлъ отъ природы, не могъ не привести къ самымъ разительнымъ результатамъ, какъ только онъ былъ приложенъ къ крупнымъ явленіямъ жизни. Пусть самъ Гоголь испугался своихъ произведеній,

пусть онъ по поводу „Ревизора“ увѣряетъ себя и другихъ, что напрасно „частное принимать за общее, случай—за правило“ (Письма I, 371). Было поздно. Ударивъ яко-бы только по „шести чиновникамъ“, бичъ его сатиры въ дѣйствительности ударилъ по всему строю общественно-государственной организаціи. Прокатившись затѣмъ вмѣстѣ съ Чичиковымъ по Россіи и откопавъ въ этой поѣздкѣ только коллекцію нравственныхъ уродовъ и, въ лучшемъ случаѣ, Тентетниковыхъ и Маниловыхъ, Гоголь далъ такую пищу общественному анализу, который уже ни къ чему другому не могъ привести, какъ къ сознанію полной несостоятельности этой безотрадной дѣйствительности. Вотъ почему тоска и отчаяніе Гоголя носили въ себѣ творческое начало, вотъ почему онъ навсегда останется дорогъ русской общественной мысли какъ писатель-гражданинъ по преимуществу.

Задача настоящаго этюда—извлечь изъ писемъ Гоголя, столь тщательно изданныхъ В. И. Шенрокомъ [1]), новыя доказательства того, что духовное существо Гоголя было прямо переполнено гражданскими стремленіями и притомъ *вовсе не такъ безсознательно*, какъ обыкновенно принято думать.

---

[1]) Письма Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока. Изданіе А. Ф. Маркса. 4 тома. Спб. 1901.

II.

Мнимая безсознательность творчества Гоголя.

На первый взглядъ ни къ кому изъ русскихъ писателей не примѣнимо въ такой степени понятіе о безсознательности творчества, какъ къ Гоголю.

Относительно большинства другихъ великихъ представителей русскаго слова можно установить прямую и непосредственную связь между ихъ теоретическими воззрѣніями и ихъ художественною дѣятельностью. Возьмемъ опять Пушкина, съ которымъ, въ качествѣ родоначальника новой русской литературы, всегда сопоставляютъ Гоголя. Какъ ни „ясенъ“ онъ въ своемъ взглядѣ на міръ и жизнь, но онъ никогда, однако, не оставался безучастнымъ къ тому, что вокругъ него происходило, былъ тѣмъ эхомъ, съ которымъ онъ сравнивалъ поэта. Лира его давала „откликъ“ на „всякій звукъ“, и, въ общемъ мудро-уравновѣшенная, все-таки посылала „отвѣтъ“ не только пѣснѣ „дѣвы за холмомъ“, но и „грохоту громовъ и гласу бури и валовъ“. Вотъ почему было время, когда движеніе, создавшее декабризмъ, находило въ немъ горячаго приверженца. Въ эти годы онъ не только пишетъ рядъ стихотвореній, которыя могли увидѣть свѣтъ лишь многіе десятки лѣтъ спустя, но и все его творчество носитъ необузданный характеръ и состоитъ изъ сочувственнаго изображенія разбойничьей психологіи, изъ прославленія свободы, первобытной жизни, изъ проклятій, посылаемыхъ условности цивилизованной жизни и т. п. Но

вотъ бурное кипѣніе молодости улеглось, декабризмъ пошелъ на смарку. Пушкинъ изъ вынужденнаго деревенскаго уединенія переходитъ въ высшія петербургскія сферы, и творчество его отливается въ иныя формы, наступаетъ періодъ того „объективнаго“ творчества, которое уже въ самомъ желаніи полнаго отрѣшенія отъ суеты жизни заключало въ себѣ вполнѣ опредѣленную программу.

И если связь теоретическихъ воззрѣній и художнической дѣятельности можно прослѣдить относительно такого представителя „чистой красоты“, какъ Пушкинъ, то что уже и говорить о писателяхъ, которые тѣмъ преимущественно и славны, что отражали всяческіе „моменты“ своего времени и были воплощеніемъ тревожныхъ поисковъ новыхъ идеаловъ. Выросши въ обществѣ Бѣлинскаго, на освободительныхъ началахъ 40-хъ гг., Тургеневъ далъ „аннибаловскую клятву“ бороться съ крѣпостнымъ правомъ и написалъ „Записки охотника“; Толстой—издатель „Ясной Поляны“ и авторъ „Казаковъ“, Толстой—авторъ нравственно-соціальныхъ трактатовъ и Толстой-художникъ послѣднихъ 30 лѣтъ его жизни—одно и то же лицо; Достоевскій—авторъ публицистическаго „Дневника писателя“ и Достоевскій — авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ“ тоже ни въ чемъ не расходятся. И такъ далѣе, и такъ далѣе, о чемъ подробнѣе сказано въ первомъ томѣ настоящаго собранія.

Но Гоголь-теоретикъ и Гоголь-художникъ какъ-будто два совсѣмъ разныхъ лица, и то настроеніе, которое Гоголь-художникъ создавалъ, Гоголь-мыслитель съ тою же силою разрушалъ. Разрушалъ не только тѣмъ, что общій смыслъ его творчества шелъ въ одну сторону, а теоретическая проповѣдь въ совершенно противоположную, но разрушалъ прямо и непосредственно, посвятивъ всю послѣднюю полосу своей жизни борьбѣ съ собственными произведеніями. „Переписка съ друзьями“, какъ объяснялъ авторъ въ предисловіи, для того издавалась, чтобы положить конецъ ложному толкованію его „необдуманныхъ и незрѣлыхъ“ сочиненій, которыя „почти всѣхъ привели въ заблужденіе насчетъ ихъ настоящаго смысла“.

При такомъ, едва ли не единственномъ [1]) во всей исторіи литературы, зрѣлищѣ борьбы автора съ собственными произведеніями сама собою рождалась мысль объ инстинктивномъ, почти безсознательномъ творчествѣ.

Уже Бѣлинскій, только-что вырвавши Гоголя изъ сердца своего какъ автора „Переписки", но продолжая его все-таки безконечно любить какъ художника, въ этой безсознательности видитъ единственное объясненіе непримиримаго противорѣчія. Въ печати Бѣлинскій только собирался выяснить такое свое пониманіе гоголевскаго творчества и уже заранѣе мучительно страдалъ при мысли, что цензура помѣшаетъ и что „надо будетъ много говорить не такъ, какъ думаешь". Но въ длинномъ письмѣ къ Кавелину, которое, какъ всегда у него, больше статья, чѣмъ письмо, онъ категорически заявляетъ: „Что Гоголь дѣйствовалъ безсознательно—это очевидно". Бѣлинскій даже находитъ тутъ извѣстный законъ; „Коршъ больше чѣмъ правъ, говоря, что всѣ геніи такъ дѣйствуютъ. Я отъ этой мысли года три назадъ съ ума сходилъ, а теперь она для меня аксіома безъ исключеній".

Въ печати мысль объ инстинктивности творчества Гоголя становится общераспространенной со средины 50-хъ г.г., когда появились первые серьезные матеріалы для біографіи Гоголя и началось изученіе его литературнаго творчества въ связи съ его личностью. Уже первая обстоятельная біографія—книга Кулиша и тѣмъ же Кулишемъ изданныя письма дали Чернышевскому поводъ устанавливать полную противоположность между безсознательнымъ, глубоко разрушительнымъ смысломъ произведеній Гоголя и столь же глубокимъ консерватизмомъ его сознательныхъ общественно-политическихъ идеаловъ.

За полвѣка, отдѣляющіе насъ отъ біографіи Кулиша и статей Чернышевскаго, появились цѣлыя горы разныхъ новыхъ біографическихъ матеріаловъ о Гоголѣ и неизданныхъ писемъ его. Все это какъ-будто подтвердило освѣ-

---

[1]) Толстого съ его пренебрежительнымъ отношеніемъ къ великимъ произведеніямъ перваго періода тутъ припоминать не приходится. Онъ не отрекался отъ своихъ романовъ, а просто считалъ ихъ пустяками.

щеніе гоголевскаго творчества, впервые ясно формулированное Чернышевскимъ. 90-ые годы, съ ихъ реакціонной борьбой противъ идей 40-хъ и 60-хъ годовъ, принесли нѣсколько попытокъ „оправдать“ Гоголя, якобы „оклеветаннаго“ Бѣлинскимъ въ его знаменитомъ письмѣ, вызванномъ появленіемъ „Переписки съ друзьями“. Но эти попытки, главнымъ образомъ, стремятся только къ тому, чтобы показать, какъ искрененъ былъ Гоголь въ своей книгѣ, какъ правъ былъ онъ, возставая противъ излюбленныхъ „шаблоновъ“ либерализма и т. д. Собственно же самаго факта полнаго разлада между Гоголемъ, своимъ „горькимъ смѣхомъ“ подкопавшимъ весь нашъ государственный укладъ, и Гоголемъ въ „Перепискѣ“, провозгласившимъ рядъ *византійскихъ* идеаловъ, новѣйшіе проповѣдники византизма ни мало не поколебали.

Въ связи съ противоположностью человѣка и художника, Чернышевскій установилъ и тотъ, до сихъ поръ, однако, все еще мало проникшій въ общее сознаніе фактъ, что насквозь пропитанная такимъ мрачнымъ обскурантизмомъ „Переписка“ нимало не представляетъ собою какую-то перемѣну фронта, какъ тогда всѣ думали и какъ можно заключить изъ неистово-пламеннаго негодованія Бѣлинскаго. Никакого перелома на самомъ дѣлѣ не было, вплоть до того невыносимо-наставническаго тона и высокомѣрія, которые возстановили противъ „Переписки“ даже общественно-политическихъ единомышленниковъ Гоголя. На самомъ дѣлѣ между теоретическими воззрѣніями Гоголя въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ и принципами, нашедшими выраженіе въ „Перепискѣ“, никакой разницы не было. „Переписка“, слѣдовательно, создалась по тому же инстинкту, по которому созданы и великія произведенія Гоголя.

И это, въ общихъ только чертахъ высказанное, объясненіе Чернышевскаго на первый взглядъ тоже вполнѣ подтверждается всѣми позднѣе изданными матеріалами о Гоголѣ.

Въ нихъ не трудно найти рядъ прямыхъ доказательствъ того, что, если бы Гоголь хоть сколько-нибудь предчувствовалъ пріемъ, который встрѣтила его книга, онъ никогда бы ее не издалъ.

При всей своей отчужденности отъ міра и искреннемъ желаніи убѣжать отъ него, Гоголь былъ очень практиченъ и никогда сознательно не предпринималъ шаговъ, которые ему вредили. Издавая „Переписку“, онъ былъ искренно убѣжденъ, что книга понравится и произведетъ большое и хорошее для автора впечатлѣніе. Неуспѣхъ книги онъ приписывалъ литературнымъ проискамъ, забывая, какой энтузіазмъ возбуждала его литературная дѣятельность именно въ тѣхъ сферахъ, которыя онъ теперь такъ противъ себя возстановилъ. Побужденій и точки зрѣнія Бѣлинскаго онъ прямо не понялъ и свой (частный) отвѣтъ ему свелъ къ вещамъ совершенно второстепеннымъ.

Зъ своей „Авторской исповѣди“ Гоголь раздѣляетъ отклики, вызванные „Перепискою“, на три разряда:

„*Первое*, что книга есть произведеніе неслыханной гордости человѣка, возмнившаго, что онъ сталъ выше всѣхъ своихъ читателей, имѣетъ право на вниманіе всей Россіи и можетъ преобразовать цѣлое общество; *второе*, что книга эта есть твореніе добраго, но впавшаго въ прелесть и въ обольщенье человѣка, у котораго закружилась голова отъ похвалъ, отъ самоуслажденія своими достоинствами, который вслѣдствіе этого сбился и спутался; *третье*, что книга есть произведеніе христіанина, глядящаго съ вѣрной точки на вещи и ставящаго всякую вещь на ея законное мѣсто“.

Только эти три сорта впечатлѣній и подмѣтилъ Гоголь и протестъ Бѣлинскаго тутъ даже не регистрированъ.

Отнюдь не слѣдуетъ въ данномъ случаѣ примѣшивать цензурныя затрудненія. Если бы Гоголя сущность негодованія Бѣлинскаго сколько-нибудь затронула, онъ бы, конечно, нашелъ форму для отвѣта. Кое-что онъ даже и опровергалъ. Такъ, напр., онъ нашелъ возможность въ той же „Авторской исповѣди“ мимоходомъ возразить, что онъ не противъ народнаго просвѣщенія. Но возразилъ именно мимоходомъ, вяло, очевидно не заинтересованный. Гоголь всегда считалъ Бѣлинскаго „чудакомъ“ и съ извѣстнымъ недоумѣніемъ относился къ его восторженнымъ

похваламъ. Теперь онъ взглянулъ на негодованіе Бѣлинскаго съ тѣмъ же самымъ недоумѣніемъ.

Бѣлинскій, какъ мы знаемъ, сначала „съ ума сходилъ“ отъ мысли, что всякій геній творитъ безсознательно. Затѣмъ онъ, мало того, что примирился съ этою мыслью, но, со свойственной ему способностью сейчасъ же все доводить до крайнихъ предѣловъ, пришелъ къ убѣжденію, что безсознательность-то и есть главное отличіе генія отъ обыкновеннаго таланта. Въ томъ же письмѣ къ Кавелину, которое уже было цитировано, онъ говоритъ:

„Геній—инстинктъ, а потому и откровеніе: бросить въ міръ мысль и оплодотворить ею его будущее, самъ не зная, что сдѣлалъ, и думая сдѣлать совсѣмъ не то. Сознательно дѣйствуетъ талантъ, но зато онъ кастратъ, безплоденъ, своего ничего не родитъ, но зато лелѣетъ, раститъ и крѣпитъ дѣтей генія“.

Съ тѣхъ поръ, какъ написаны эти слова, теорія не то что полной безсознательности творчества, но строгой его зависимости отъ условій, внѣ его лежащихъ, сдѣлала огромныя завоеванія: страшно сузила историческая школа значеніе авторскаго произволенія и сущность писательства сведена къ отражательной способности. Конечно, внѣ условій времени и пространства поставлена самая сила отражательной способности, т.-е. размѣры и свойства таланта. Но *въ содержаніи* воспроизводимаго всякій *историкъ* литературы обязанъ искать ту незримо въ воздухѣ носящуюся потребность времени, которую всегда нетрудно найти въ каждомъ крупномъ произведеніи, ударившемъ по сердцамъ „съ невѣдомою силой“. Строй теоретическихъ воззрѣній, *лично* принадлежащихъ самому художнику, такимъ образомъ, отходитъ на второй планъ. Съ этой точки зрѣнія разладъ между Гоголемъ-художникомъ и Гоголемъ-мыслителемъ, представляя, конечно, большой интересъ, не заключаетъ, однако, въ себѣ никакого непримиримаго противорѣчія.

И все-таки, не по „наукѣ“, а просто „по человѣчеству“, есть что-то глубоко обидное въ томъ, что мы не имѣемъ возможности любить одинаково горячею любовью всю совокупность духовной личности великаго писателя. Грубо вы-

ражаясь, выходитъ, что человѣкъ, отъ котораго пошло все то, чѣмъ такъ безконечно сильна новѣйшая русская литература, не вѣдалъ, что творилъ. Можемъ ли мы и должны ли мы примириться съ такою постановкою вопроса, уничтожающей все обаяніе, связанное для насъ съ понятіемъ о волшебной силѣ всякаго писателя-творца, открывающаго намъ далекія перспективы тамъ, гдѣ мы, простые читатели, до него никогда ихъ не подозрѣвали, осмысливающаго для насъ явленія, мимо которыхъ мы до него проходили совершенно равнодушно?

Михайловскій, разбирая разныя теоріи причинности историческихъ явленій, говоритъ и о той „коростѣ", которою легко могутъ покрыться эти сами по себѣ неподлежащія оспариванію теоріи. Онъ всецѣло, конечно, присоединяется къ тому, что историческая жизнь есть результатъ разныхъ органическихъ и непреложныхъ условій. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, спѣшитъ предостеречь почитателей строго „научнаго" міровоззрѣнія отъ одной ошибки, въ которую такъ легко впасть при чрезмѣрной послѣдовательности.

Если, въ самомъ дѣлѣ, все на свѣтѣ такъ причинно, если, такъ сказать, паденіе всякаго волоса съ головы обусловлено цѣлымъ комплексомъ подготовительныхъ условій, то причемъ тутъ окажется живая человѣческая личность, ея стремленіе къ добру и злу и т. д.?

Не одинъ ли тутъ шагъ даже до восточнаго фатализма?

И вотъ нашъ соціологъ энергично вооружается противъ такого приниженія человѣческой личности и справедливо называетъ всякое желаніе безмолвно покориться предъ историческимъ ходомъ вещей злокачественной „коростой" на здоровомъ тѣлѣ теоріи исторической причинности. Условія условіями, а живая человѣческая личность, при всѣхъ стѣсненіяхъ „историческихъ условій", тоже величина самодовлѣющая.

Такой же коростой на здоровомъ тѣлѣ теоріи писательства, какъ отраженіе потребностей времени, думается, долженъ быть признанъ взглядъ на одного изъ величайшихъ дѣятелей русской литературы, какъ на человѣка, который не вѣдалъ, что онъ творилъ.

Думается, что, не опускаясь въ философскія глубины вопроса о сущности творчества и объ элементахъ безсознательности въ немъ, мы должны непремѣнно попытаться найти ясность въ собственной духовной жизни писателя, который внесъ такую ясность въ русское общественное самосознаніе, которому мы обязаны самымъ отчетливымъ анализомъ условій нашего общественнаго быта.

III.

О психологическомъ рисункѣ.

И думается также, что усмотрѣть полное единство всей творческой дѣятельности Гоголя и полную сознательность ея совсѣмъ не такъ трудно.

Для этого нужно только расширить понятіе о „направленіи“, исходя изъ котораго обыкновенно констатируютъ глубокій разладъ между началомъ и концомъ гоголевскаго творчества, между внутреннимъ смысломъ его произведеній и тѣмъ ужасомъ, съ которымъ онъ позднѣе отъ нихъ открещивался.

Можно относиться къ понятію о „направленіи“ какъ къ понятію видовому и какъ къ понятію родовому.

Въ первомъ случаѣ, конечно, задача отысканія единства въ духовной личности Гоголя совершенно безнадежна. Если сводить вопросъ о „направленіи“ только къ подраздѣленію на общественно-политическія партіи, къ консерватизму и либерализму, къ программамъ прогрессивнымъ и реакціоннымъ, къ принципамъ свободнаго мышленія и клерикализму, тогда, несомнѣнно, бездна между Гоголемъ „Ревизора“ и Гоголемъ „Переписки“ будетъ такая, что никакого соединительнаго моста тутъ не перекинешь.

Но когда рѣчь идетъ о томъ, чтобы понять психологію писателя, который такъ мучительно метался всю жизнь, какъ Гоголь, то нельзя ограничиться однимъ частнымъ, видовымъ понятіемъ, потому что то или другое „направленіе“ можно себѣ усвоить, не мѣняя общаго душевнаго

склада своего. Надо подняться до широкаго родового понятія о „направленіи“, не ограничивающагося такою перемѣнною величиною, какъ то или другое отношеніе къ общественно-политическимъ вопросамъ. Надо сосредоточить свое вниманіе на основномъ, позволяю себѣ такъ выразиться, *психологическомъ рисункѣ*, на который обстоятельства времени и мѣста накладываютъ только ту или другую окраску, не мѣняя, однако, ея сущности и основныхъ очертаній.

Чтобы сдѣлать мою мысль вполнѣ ясной, возьму писателя, который прямо неистово переходилъ отъ одного общественно-политическаго міросозерцанія къ другому и который, тѣмъ не менѣе, по общему признанію, остается единымъ во всѣхъ этихъ своихъ киданіяхъ изъ стороны въ сторону. Я говорю о Бѣлинскомъ. Если нельзя перекинуть никакого соединительнаго моста надъ бездной, отдѣляющей неумолимую разрушительную силу „Ревизора“ отъ слѣпой покорности „Переписки“, то еще болѣе исключаютъ одна другую отдѣльныя полосы общественно-политическаго міросозерцанія Бѣлинскаго. Не онъ ли изступленно преклонялся предъ всею совокупностью нашего общественно-государственнаго строя 30-хъ годовъ и не онъ ли съ тою же изступленностью поносилъ его черезъ нѣсколько лѣтъ? Слѣдовательно, съ видовой точки зрѣнія отдѣльныхъ міросозерцаній Бѣлинскій есть воплощеніе непримиримыхъ противорѣчій. Но личность его получаетъ полное единство какъ только мы беремъ родовое понятіе о „направленіи“, какъ о совокупности тѣхъ глубокихъ предрасположеній, съ которыми человѣкъ рождается. Изъ консерватора стать радикаломъ, и наоборотъ,—нетрудно, если мы сколько-нибудь искренно составили себѣ то или другое міросозерцаніе. Жизнь или наука развернула предъ нами новыя стороны, предъ нами открылись другіе горизонты, мы увидѣли ошибочность прежняго своего пониманія вещей и, если міросозерцаніе для насъ не карьерная вывѣска, мы его мѣняемъ, конечно, съ душевною болью и муками, но всетаки всецѣло и радикально.

Но никакіе уроки жизни и исторіи не могутъ измѣнить тѣхъ глубинныхъ основъ, которыя заложены въ человѣкѣ, какъ совокупность темперамента, наслѣдственности и дру-

гихъ стихійныхъ элементовъ, а также, конечно, культурныхъ переживаній, и вмѣстѣ создаютъ его природный душевный обликъ.

Люди рождаются съ равнодушіемъ къ истинѣ или съ пламеннымъ къ ней стремленіемъ; съ легкою, но перемѣнчивою воспріимчивостью или съ такою, что уже разъ что усвоено, такъ на-вѣкъ; съ стремленіемъ къ наслажденію или аскетическими наклонностями; съ жаждою подвига или глубокимъ эгоизмомъ; съ жизнерадостностью или равнодушіемъ къ благамъ земнымъ; съ органическою потребностью самопожертвованія или столь же органическою неспособностью къ нему.

Вотъ что составляетъ, дѣйствительно, основныя черты всякаго человѣческаго характера. Подъ вліяніемъ разныхъ условій онѣ могутъ принять тѣ или другія формы, но никогда не мѣняются по существу и однѣ только и даютъ вѣрный ключъ къ пониманію душевнаго и духовнаго облика.

И стоитъ только понять этотъ, какъ его, кажется, лучше всего назвать, *психологическій рисунокъ* человѣка, чтобы затѣмъ узнать его при всѣхъ измѣненіяхъ, какъ мы узнаемъ общій обликъ свѣжаго, безбородаго лица юноши и въ обросшемъ густою бородою возмужаломъ лицѣ зрѣлаго мужа, и въ сморщившихся, изборожденныхъ морщинами чертахъ старика.

Такой психологическій рисунокъ мнѣ и кажется родовымъ понятіемъ о „направленіи", которое, съ этой точки зрѣнія, можетъ отливаться въ самыя разнообразныя комбинаціи, не теряя своихъ основныхъ свойствъ и не создавая психологической загадки.

Съ такой широкой точки зрѣнія общаго психологическаго рисунка, выясняется полное единство духовнаго облика Бѣлинскаго, несмотря на всѣ его бурные переходы изъ одной крайности въ другую. Онъ всегда въ нихъ остается тѣмъ же самымъ неистовымъ искателемъ правды, съ одними и тѣми же лозунгами, въ которые онъ, смотря по тому или другому переживаемому фазису *умственнаго* развитія, вкладываетъ разное содержаніе, но которые всегда одинаково настраиваютъ нравственное чувство читателя.

Такое же единство направленія, т. е. *разряда* настрое-

ній, создаваемыхъ писателемъ, мы не преминемъ усмотрѣть и въ духовномъ обликѣ Гоголя, какъ *писателя-гражданина* по преимуществу.

Не будемъ только связывать понятіе о гражданскомъ строѣ мысли непремѣнно съ тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ общественно-политическимъ міросозерцаніемъ!

Гражданинъ есть тотъ, который въ той или другой формѣ, но страстно и напряженно думаетъ о благѣ родины, ищетъ пути для достиженія этого блага и подчиняетъ всѣ остальныя свои стремленія этому верховному руководящему началу. И такимъ гражданиномъ Гоголь былъ всю свою жизнь.

Пусть его произведенія говорятъ одно, а его собственные комментаріи нѣчто совершенно противоположное—это въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого значенія. Важенъ общій источникъ, изъ котораго рождались и произведенія, и позднѣйшее авторское недовольство ими. У Герцена есть превосходное сравненіе для выясненія взаимнаго соотношенія славянофильства и западничества въ моментъ ихъ возникновенія. „У нихъ (славянофиловъ) и у насъ (западниковъ),—говоритъ онъ,– запало съ раннихъ лѣтъ одно сильное, безотчетное, физіологическое, страстное чувство—безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума. *Мы, какъ Янусъ, смотрѣли въ разныя стороны, въ то время, какъ сердце билось одно*".

Гоголь-художникъ и Гоголь-теоретикъ совершенно такой же двуликій Янусъ.

Пусть обѣ его ипостаси смотрятъ въ разныя стороны, но сердечный порывъ всегда былъ у него тотъ же самый, кругъ интересовъ всегда былъ одинъ и тотъ же. Его не захватываетъ ни любовь, ни семейное счастіе, ни область личныхъ радостей и разочарованій, ни воспроизведеніе обстановки, какъ таковой, не захватываетъ его также почти ничего изъ той сферы интимныхъ настроеній человѣка, что такъ глубоко волнуетъ всѣхъ другихъ писателей и занимаетъ такое огромное мѣсто даже въ произведеніяхъ такихъ спеціальныхъ ловителей общественныхъ „моментовъ", какъ Тургеневъ, Гончаровъ и др.

Сфера интересовъ и воспроизведенія Гоголя почти всегда *соціальная, массовая,* онъ, за незначительными исключеніями, никогда почти не рисуетъ индивидуальныхъ портретовъ, а всегда даетъ портреты типовые, всегда набрасываетъ широкія картины, со множествомъ лицъ, которыя оттѣняютъ и дополняютъ одно другое. Всякій характеръ у него выясняется не столько самъ по себѣ, сколько по столкновенію съ окружающимъ, всякая личность у него часть общественнаго цѣлаго. Коллективное всегда поглощаетъ въ произведеніяхъ Гоголя индивидуальное. За исключеніемъ почти автобіографическихъ этюдовъ о мукахъ творчества, у Гоголя нѣтъ даже героевъ въ обычномъ смыслѣ. Героями его произведеній всегда являются лица собирательныя, какой-нибудь классъ, какое-нибудь сословіе, какая-нибудь полоса жизни. Даже въ стоящихъ особнякомъ произведеніяхъ Гоголя изъ малороссійской жизни, нимало не сатирическихъ и, слѣдовательно, совершенно свободныхъ отъ общественныхъ задачъ, массовое все-таки выступаетъ на первый планъ. Въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“ нѣтъ ни одного центральнаго лица, и героемъ является весь малороссійскій народно-эпическій бытъ; въ „Тарасѣ Бульбѣ“, несмотря на всю яркую колоритность самого Бульбы, центральное впечатлѣніе даетъ казачество въ его совокупности.

Отъ этого органическаго интереса Гоголя къ общественности одинъ только шагъ къ его тоскѣ по общественному совершенству.

Родившись съ душою, въ которую съ дѣтскихъ лѣтъ было заложено стремленіе ввысь, которую именно потому и оскорбляли такъ глубоко грубость и низменность, и вмѣстѣ съ тѣмъ одаренный необыкновенною способностью къ анализу, Гоголь оттого и имѣлъ глаза, такъ широко раскрытые на все пошлое и недостойное. Грубое непониманіе Булгариныхъ и утратившаго чуткость Полевого могли принять реализмъ Гоголя за любовное копаніе въ грязи. Но въ дѣйствительности Гоголь принадлежалъ къ самымъ экстатическимъ натурамъ своего времени, и болѣзненная жажда идеальнаго, съ родственнымъ пониманіемъ изображенная Гоголемъ въ лицѣ художника Пискарева изъ „Невскаго

проспекта“ и художника Черткова въ „Портретѣ“, есть точное изображеніе идеальныхъ порывовъ, волновавшихъ собственную душу автора. Безъ этой страстной жажды высокаго зрѣлище пошлости никогда бы не могло такъ глубоко его задѣвать, не было бы столько послѣдовательности въ томъ неумолимомъ постоянствѣ, съ которымъ Гоголь изображалъ пошлость и отступленіе отъ интересовъ общаго блага.

И въ этой-то странной потребности съ одной стороны отыскать все недостойное и вытащить его на свѣтъ Божій для всенародной казни, а съ другой стороны въ глубочайшей скорби о томъ, что пошлость заѣдаетъ міръ, и заключается настоящее „направленіе“ Гоголя. Ему онъ никогда не измѣнялъ, и въ этомъ отношеніи психологическій рисунокъ его души былъ всегда одинъ и тотъ же. Пусть онъ ошибался, направляя подъ конецъ жизни поиски спасительныхъ началъ туда, гдѣ ихъ было всего менѣе,—это была только печальная ошибка, ошибка фактическая, но не по намѣреніямъ. И въ обскурантскомъ міровоззрѣніи „Переписки“, и въ его неудачныхъ, съ художественной точки зрѣнія, но глубоко-выстраданныхъ попыткахъ второй части „Мертвыхъ душъ“ дать не только отрицательные, но и положительные типы, столько же глубокой жажды добра, какъ и въ грозной обличительной дѣятельности, положившей начало русскому общественному самосознанію.

И вотъ зададимъ себѣ опять тотъ же самый вопросъ: могла ли душевная дѣятельность такой страшной напряженности, такого послѣдовательнаго направленія ударовъ въ одну точку происходить безсознательно? Могъ ли человѣкъ такой геніальной проницательности, сумѣвшій пробраться даже въ душу какого-нибудь лишеннаго человѣческаго образа Акакія Акакіевича, оказаться невнимательнымъ къ тому, что происходило въ его собственной душѣ?

Поищемъ отвѣта на этотъ вопросъ въ вышедшихъ подъ редакціей В. И. Шенрока четырехъ убористыхъ томахъ переписки Гоголя, которая прежде была разбросана по многимъ десяткамъ журнальныхъ книжекъ и была малодоступна сколько-нибудь систематическому ознакомленію.

IV.

Порыванія Гоголя-лицеиста.

Письма, изданныя Шенрокомъ, не представляютъ собой какой-нибудь полной историко-литературной новинки. Большинство изъ нихъ было уже напечатано. Но, во-первыхъ, не всегда полностью. Особенной кастраціи подверглись письма, появившіяся вскорѣ послѣ смерти Гоголя въ собраніи его сочиненій, вышедшемъ подъ редакціей Кулиша въ 1857 г. (6-томное). Многое, именно все очень интимное, было выброшено самимъ редакторомъ, которому надо было считаться съ щепетильностью еще живой тогда матери Гоголя и другихъ его родственниковъ.

Но не мало было и такого, что пришлось опустить и по требованію цензуры. Хотя тогда уже наступали „новыя вѣянія", однако, надо было поступаться фразами и отдѣльными словами, нецензурность которыхъ теперь уже мудрено понять. Такъ, напр., была изгнана квалификація Петербурга, какъ „чухонскаго города", была выброшена фраза Гоголя, что на открытіе памятника Александру I наѣхало „офицерья и солдатства страшное множество — и прусскихъ, и голландскихъ, и австрійскихъ. Говядина и водка вздорожали страшно". Переписка Гоголя съ его землякомъ Максимовичемъ, промѣнявшимъ каѳедру въ Москвѣ на профессуру въ Кіевѣ, была, очевидно, подвергнута изученію съ точки зрѣнія того щедринскаго сердцевѣда, который открылъ заговоръ съ цѣлью отдѣленія Миргорода отъ Малороссіи. Поэтому не могъ увидѣть свѣта такой возгласъ Гоголя: „Бросьте въ самомъ дѣлѣ кацапію, да поѣзжайте въ гетьманщину" и т д

Помимо возстановленія всѣхъ этихъ пропусковъ, изданные Шенрокомъ четыре тома гоголевской переписки имѣютъ тотъ первостепенный историко-литературный интересъ, что хронологическое распредѣленіе какъ бы развертываетъ передъ нами дневникъ великаго писателя и даетъ возможность слѣдить за постепеннымъ наростаніемъ и обостреніемъ его настроеній.

Переписка начинается съ очень ранняго возраста Гоголя—съ 1820 г., когда 11-лѣтній мальчикъ былъ отправленъ въ Нѣжинскій лицей или „гимназію высшихъ наукъ". Письма Гоголя-мальчика, прежде всего, поражаютъ своею трезвостью и дѣловитостью. Всякій, кто приступаетъ къ изученію ихъ съ обычнымъ представленіемъ о громадной роли безсознательнаго элемента въ духовной жизни Гоголя, не можетъ не быть удивленъ и совершеннымъ отсутствіемъ въ нихъ дѣтскости и замѣчательною ихъ сознательностью. Это тонъ вполнѣ взрослаго человѣка.

Правда, встрѣчаются въ нихъ и очень сентиментальныя мѣста, какъ будто свидѣтельствующія о дѣтской чувствительности. Такъ, напр., въ первыхъ письмахъ изъ Нѣжина Гоголь самъ же сообщаетъ „дражайшимъ родителямъ" о чисторебяческой плаксивости своей: „Всякій Божій день слезы рѣкой льются, и самъ не знаю отчего, а особливо когда вспомню объ васъ, то градомъ такъ и льются. Прощайте, дражайшіе родители! далѣе слезы мѣшаютъ мнѣ писать". Въ позднѣйшихъ письмахъ Нѣжинскаго періода несравненно рѣже, но тоже попадаются такія же дѣтски-чувствительныя мѣста, какъ попадаются, впрочемъ, подобныя же сообщенія о „льющихся слезахъ" и въ письмахъ Гоголя-мужа (Ср., напр., письмо къ Жуковскому отъ 1836 г., I, 383).

Но все это имѣетъ свое объясненіе.

Во-первыхъ, въ томъ, что письма молодого Гоголя весьма часто были для него упражненіями въ слогѣ и, конечно, въ слогѣ высокомъ. А затѣмъ тутъ сказалась одна изъ существенныхъ сторонъ всего его психологическаго склада. Я говорю о той загадочной смѣси глубочайшей искренности съ хохлацкой хитростью, которую такъ быстро примѣ-

тилъ въ Гоголѣ даже очень любившій его Пушкинъ и которая составляетъ одну изъ основныхъ чертъ его характера.

Въ письмахъ Гоголя-отрока эта смѣсь выступаетъ очень ярко.

Почти каждое письмо его состоитъ изъ двухъ частей. Сначала идутъ трогательнѣйшія нѣжности и проявленія сыновней любви, нѣжности, безусловно искренней въ основѣ, но всегда на нѣсколько градусовъ взвинченной. А затѣмъ обязательно слѣдуетъ маленькій, но настойчивый пост-скриптумъ или мимоходомъ брошенная просьба о присылкѣ денегъ, книгъ, вещей.

И родители, а въ особенности мать, очень любившіе своего „Никошу", отлично знали эту повадку сына, чѣмъ и объясняется, что они по цѣлымъ мѣсяцамъ не отвѣчали ему на его пересыпанныя нѣжностями просьбы. Вотъ небольшой образчикъ этой своеобразной переписки:

„Дражайшіе родители, папенька и маменька. Долгое молчаніе ваше удивляетъ меня. Не знаю, какая тому причина. Мѣсяца три не получаю отъ васъ извѣстія. Это повергаетъ меня въ горестное уныніе. Я начинаю думать, не случилось ли вамъ какого несчастья (чего сохрани Богъ). Ради Бога, не терзайте меня симъ печальнымъ недоумѣніемъ. Утѣшьте хоть двумя словами...

P. S. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю присылки тѣхъ вещей, о которыхъ я васъ просилъ. Прошу васъ покорнѣйше прислать мнѣ для рисованія тонкаго полотна нѣсколько аршинъ" (I, 20).

Безъ такого рода пост-скриптума или мимоходной по формѣ, но настоятельной по существу просьбы не обходится почти ни одно письмо молодого лицеиста, какъ рѣдко, впрочемъ, обходится безъ нихъ и вся вообще переписка Гоголя, даже съ интимнѣйшими его друзьями.

Извѣстно, что эта характерная черта гоголевской переписки не разъ уже возстановляла противъ него тѣхъ, кому приходилось ее изучать. На что былъ незлобивый человѣкъ и писатель покойный Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Но когда ему пришлось писать вступительную замѣтку къ нѣкоторымъ письмамъ Гоголя, напечатаннымъ въ „Русской Старинѣ" (1875 г., т. XIV), и когда буквально въ каждомъ изъ этихъ писемъ приходилось имѣть дѣло съ такою схемою:

сначала рядъ разсужденій о высокихъ предметахъ, а затѣмъ просьбы или порученія, онъ не вытерпѣлъ и разразился характеристикою, въ которой исчезло всякое доброе чувство къ великому писателю. По этой характеристикѣ Гоголь былъ чѣмъ-то вродѣ систематическаго вымогателя денегъ и подачекъ всякаго рода.

Я не стану теперь останавливаться на искреннемъ негодованіи не только прямодушнаго, но въ данномъ случаѣ и близорукаго въ своей прямолинейности Миллера. Онъ совершенно упустилъ изъ виду, что Гоголь былъ страшно замкнутый въ себѣ и скрытный человѣкъ, и что онъ почти не ощущалъ потребности въ томъ, чтобы съ кѣмъ-нибудь дѣлиться мыслями и впечатлѣніями и кому-нибудь изливать свою душу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ онъ писалъ письма *только* тогда, когда ему что-нибудь нужно было. Неудивительно, слѣдовательно, что въ его письмахъ столько просьбъ и вообще дѣлового. Значительнѣйшая часть его переписки—это дѣловыя просьбы по существу, въ которыхъ все остальное писалось больше для прилику.

Не стану также теперь останавливаться на квалификаціи этого пріема. Онъ получаетъ правильное освѣщеніе только тогда, когда мы его приведемъ въ связь со всѣмъ существомъ Гоголя; когда мы поймемъ, что Гоголь весь состоитъ изъ смѣси добра и зла, изъ искренности и притворства, изъ подъемовъ и паденій, что онъ, по собственному выраженію, „сгоралъ“ въ поискахъ правды и, вмѣстѣ съ тѣмъ, когда имъ овладѣвали земныя побужденія, былъ весьма себѣ на умѣ.

Итакъ, не стану пока останавливаться на подысканіи надлежащаго объясненія къ дѣловымъ кончикамъ гоголевскихъ писемъ. Извлечемъ пока только изъ этой черты немаловажный-таки доводъ въ пользу основного тезиса настоящаго этюда, убѣдимся изъ нея лишній разъ, что безсознательность всего менѣе характеризуетъ Гоголя: хитрость и заднія цѣли, во всякомъ случаѣ, исключаютъ безсознательность.

Тонъ взрослаго и дѣлового человѣка, характеризующій письма Гоголя-отрока, особенно поражаетъ въ тѣхъ слу-

чаяхъ, когда извѣстная утрата душевнаго равновѣсія никого бы не удивила. Въ апрѣлѣ 1825 года онъ получилъ извѣстіе о смерти отца, смерти неожиданной, потому что обычное недомоганіе Василія Аѳанасьевича не давало никакого повода ожидать столь быстраго конца. Отца своего Гоголь, несомнѣнно, очень любилъ, и смерть его, какъ мы сейчасъ увидимъ изъ его же собственнаго письма, несомнѣнно, произвела на него потрясающее впечатлѣніе. Но посмотрите, какимъ философомъ ведетъ себя 16-лѣтній лицеистъ, какую огромную способность сдерживать себя проявляетъ онъ при этихъ совершенно необычныхъ условіяхъ. Вотъ замѣчательное и въ высшей степени характерное письмо, которое онъ пишетъ матери. Въ немъ онъ скорѣе ея старшій братъ, чѣмъ сынъ:

„Не безпокойтесь, дражайшая маменька! Я сей ударъ перенесъ съ твердостью истиннаго христіанина. Правда, я сперва былъ пораженъ ужасно симъ извѣстіемъ; однако-жъ, не далъ никому замѣтить, что я былъ опечаленъ. Оставшись-же наединѣ, я предался всей силѣ безумнаго отчаянія. Хотѣлъ даже посягнуть на жизнь свою, но Богъ удержалъ меня отъ сего; и къ вечеру примѣтилъ я въ себѣ только печаль, но уже не порывную, которая, наконецъ, превратилась въ легкую, едва примѣтную меланхолію, смѣшанную съ чувствомъ благоговѣнія ко Всевышнему.

Благословляю тебя, священная вѣра. Въ тебѣ только я нахожу источникъ утѣшенія и утоленія своей горести. Такъ, дражайшая маменька, я теперь спокоенъ, хотя не могу быть счастливъ, лишившись лучшаго отца, вѣрнѣйшаго друга, всего драгоцѣннаго моему сердцу. Но развѣ не осталось ничего, что-бъ меня привязывало къ жизни? развѣ я не имѣю еще чувствительной, нѣжной, добродѣтельной матери, которая можетъ мнѣ замѣнить и отца, и друга, и всего, что есть милѣе, что есть драгоцѣннѣе?

Такъ, я имѣю васъ, и еще не оставленъ судьбою. Вы однѣ теперь предметомъ моей привязанности, однѣ, которыя можете утѣшить печальнаго, успокоить горестнаго. Вамъ посвящаю всю жизнь свою. Буду услаждать ваши каждыя минуты. Сдѣлаю все то, что можетъ сдѣлать чувствительный, благодарный сынъ. Ахъ, меня безпокоитъ болѣе всего ваша горесть! Сдѣлайте милость, уменьшите ее, сколько возможно, такъ, какъ я уменьшилъ свою. Прибѣгните такъ, какъ я прибѣгнулъ, къ Всемогущему“... (I, 26).

Болѣе чѣмъ странное впечатлѣніе оставляетъ этотъ столь важный, по вызвавшимъ его обстоятельствамъ, отголосокъ внутренней жизни юноши. При всей, несомнѣнно,

глубоко-искренней религіозности и любви къ матери, сколько тутъ риторическаго элемента и отсутствія непосредственности. Передъ нами какой-то образчикъ мудропочтительнаго письма изъ письмовника или нравоучительной книжки. Какое отсутствіе какого бы то ни было „лирическаго безпорядка“, какая стройность изложенія, какой подходящій стиль въ этомъ, очевидно, тщательно-обработанномъ и обдуманномъ, скорѣе „посланіи“, чѣмъ просто письмѣ.

А въ заключеніе еще обычный пост-скриптумъ:

„Ежели я васъ этимъ не безпокою и ежели вы можете, то пришлите мнѣ 10 рублей на книгу, которую мнѣ надобно купить, подъ заглавіемъ „Курсъ Россійской Словесности“, ибо у насъ ее проходятъ“.

И пост-скриптумъ-то еще не простой, а съ извѣстнымъ усиленіемъ эффекта, потому что, изложивши свою просьбу о деньгахъ на покупку книги, Гоголь благонравно прибавляетъ:

„на свои нужды мнѣ ничего не надобно“.

Итакъ, даже въ такой совершенно необычайный и экстраординарный моментъ жизни разсудочность ярко окрасила собою чистый и непосредственный порывъ.

Но, рядомъ съ разсудочностью и дѣловитостью, отроческія письма Гоголя даютъ намъ возможность заглянуть и въ лучшую часть его души. Мы найдемъ здѣсь и богатѣйшіе доводы для второго тезиса настоящаго этюда—для уясненія того, какъ много высоко-гражданскихъ стремленій таилось въ глубинѣ этой всегда задумчивой, всегда серьезной натуры.

Особенности духовнаго существа Гоголя особенно ярко выдѣляются на тускломъ фонѣ лицейскаго быта.

Это, въ общемъ, была обстановка удивительно плоская и ничтожная, которой были чужды какія-бы то ни было стремленія ввысь.

Между учителями почти ни одного, сколько-нибудь будившаго духъ, между товарищами огромное большинство люди, которыхъ Гоголь окрестилъ эпитетомъ „существователи“—добрые малые, но очень ужъ погрязшіе въ малороссійской лѣни и умственной неповоротливости.

И Гоголь отчетливо сознавалъ ничтожество этой обстановки и съ тоскою писалъ одному изъ немногихъ близкихъ товарищей своихъ—Г. И. Высоцкому, годомъ раньше его кончившему курсъ и уѣхавшему въ Петербургъ:

„Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Изъ нихъ не исключаются и дорогіе наставники наши. Только между товарищами, и то немногими, нахожу иногда кому бы сказать что-нибудь. Ты теперь въ зеркалѣ видишь меня. Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ-быть, слеза соучастія, отдавшаяся въ твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ“ (I, 75).

Въ первыхъ строкахъ сейчасъ приведеннаго отрывка мы слышимъ мотивъ, который начинаетъ весьма опредѣленно звучать въ душѣ Гоголя. Имъ начинаетъ овладѣвать страстное стремленіе выбиться изъ „низкой неизвѣстности“ и „означить свое существованіе въ мірѣ“ (I, 89). Мечтая о томъ, какъ онъ будетъ жить въ Петербургѣ, который ему кажется чѣмъ-то волшебнымъ, но попасть куда онъ мало надѣется, Гоголь съ тоскою восклицаетъ въ письмѣ къ тому же любезному его сердцу Высоцкому:

„Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно живать въ этакомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ“ (I, 78).

Въ это-то время и народился злосчастный литературный первенецъ Гоголя—идиллія „Ганцъ Кюхельгартенъ“, напечатанная 2 года спустя, но, такъ сказать, выстраданная именно въ эпоху порываній въ Петербургъ. Тихонравовъ и Шенрокъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Н. В. Гоголя“ давно уже подчеркнули автобіографическое значеніе „Ганца Кюхельгартена“, гдѣ въ формѣ рвущагося уйти изъ мирной домашней обстановки Ганца Гоголь передалъ свою собственную тоску по болѣе блестящей долѣ.

Отчасти одними и тѣми же, какъ въ письмахъ, словами и выраженіями Ганцъ Кюхельгартенъ восклицаетъ:

Все рѣшено. Теперь ужели
Мнѣ здѣсь душою погибать?
И не узнать иной мнѣ цѣли?

И цѣли лучшей не сыскать?
Себя обречь безславью въ жертву?
При жизни быть для міра мертву!
Душой-ли, славу полюбившей,
Ничтожность въ мірѣ полюбить?
Душой-ли, къ счастью неостывшей,
Волненья міра не испить?
И въ немъ прекраснаго не встрѣтить?
Существованья не отмѣтить?

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ Гоголя возникаетъ неопредѣленная, но твердая увѣренность, что ему предстоитъ что-то важное въ жизни. „*Я совершу свой путь въ жизни*“, пророчески пишетъ онъ матери въ послѣдній годъ нѣжинскаго пребыванія, и отсюда его твердое рѣшеніе оставить милую сердцу, уютную, но сонную и погрязшую въ тинѣ ежедневности родную среду.

Въ этихъ порываніяхъ на болѣе широкій просторъ нельзя, конечно, усмотрѣть чего бы то ни было особенно характернаго.

Мы имѣемъ тутъ дѣло съ довольно обычнымъ юношескимъ честолюбіемъ и столь же обычнымъ кипѣніемъ юношескихъ силъ, когда полнота созрѣванія и предвкушеніе жизни въ каждомъ человѣкѣ поселяютъ какое-то особое, приподнятое настроеніе и увѣренность, что предстоитъ что-то большое, свѣтлое, хорошее.

Но присмотримся не только къ источнику, но и къ содержанію гоголевскихъ порываній уйти изъ ничтожества родного быта, и мы сразу встрѣчаемся съ чѣмъ-то совершенно необычнымъ.

Этотъ юноша, вышедшій изъ среды, гдѣ всякій погруженъ только въ животныя заботы о самомъ себѣ, этотъ близкій родственникъ Аѳанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны, этотъ сосѣдъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, видитъ свое счастіе исключительно въ дѣятельности *общественно-государственной*!

Чѣмъ-то безконечно-чуждымъ всей воспитавшей его средѣ отзывается фраза въ письмѣ Гоголя къ матери:

„Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба *государству*“ (I, 58).

Добрая матушка Гоголя, вѣроятно, въ первый разъ и съ понятіемъ такимъ выспреннимъ знакомилась.

„*Государство*“!

Всякій понималъ „службу“, чтобы выслужиться, „устроить свою судьбу“. Но мечтать о службѣ какому-то „государству“ могли только пустые люди, какъ это съ полною очевидностью явствуетъ изъ нижеприводимаго замѣчательнаго письма Гоголя къ Косяровскому. Здѣсь Гоголь прямо заявляетъ, что не рѣшался дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было своими завѣтными мечтами о служеніи „благу государства“:

„Кому бы я повѣрилъ и для чего-бы выказалъ себя? Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ?“ (I, 89).

Но стремленіе служить высшимъ интересамъ до такой степени овладѣваетъ Гоголемъ въ эпоху порываній въ Петербургъ, т. е. въ 1827 году, что въ той или другой формѣ оно сказалось почти во всѣхъ письмахъ, относящихся къ этому году. Разсказывая Высоцкому о томъ, что многіе изъ товарищей, собиравшіеся въ Петербургъ, испугались свѣдѣній о петербургской дороговизнѣ и „навостряютъ лыжи обратно въ скромность своихъ недальнихъ чувствъ и удовольнились ничтожностью, почти вѣчною“, Гоголь затѣмъ прибавляетъ:

„*Хорошо, ежели они обратятъ свои дѣла для пользы человѣчества*. Хотя въ самой неизвѣстности пропадутъ ихъ имена, но благодѣтельныя намѣренія и дѣла освятятся благоговѣніемъ потомковъ...“ (I, 79).

Вскорѣ затѣмъ Гоголь пишетъ матери коротенькое письмецо въ 14 строкъ, но и тутъ, скорбя о томъ, что не можетъ пріѣхать на Рождество домой изъ-за выпускныхъ экзаменовъ, ощущаетъ потребность дать выходъ переполняющему его чувству:

„Вы знаете, какъ я всегда въ это время радъ быть съ вами, а теперь принужденъ лишиться моего прекраснѣйшаго удовольствія, которое я замѣняю только утѣшеніемъ будущаго свиданія по выпускѣ моемъ, а до того времени въ твердомъ, постоянномъ занятіи и въ глубо-

комъ обдумьи *) будущей должности и новаго бытія въ дѣятельномъ мірѣ, для блага котораго посвящена жизнь моя, можетъ быть, незамѣтная, но, по крайней мѣрѣ, всѣ мои силы будутъ порываться на то, чтобы означить ее однимъ благодѣяніемъ, одною пользою отечеству" (I, 93).

Какая серьезность настроенія, какая опредѣленность стремленій! И это пишетъ юноша 18-ти лѣтъ. Глубина этого настроенія исключаетъ всякое заподазриваніе его искренности. Да и передъ кѣмъ нужно было становиться на ходули? Передъ доброй, но весьма малоинтеллигентной женщиной, которую всякая приподнятость могла только отпугнуть. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что тутъ сказалась только замѣчательная сосредоточенность на одной мысли, и не покажется намъ поэтому высокой фразой возгласъ Гоголя въ другомъ письмѣ къ матери:

„Вѣрьте только, что всегда чувства благородныя наполняютъ меня, что никогда не унижался я въ душѣ и что *я всю жизнь свою обрекъ благу*" (I, 98).

Тѣмъ болѣе не должно показаться, что буквально то же самое мы встрѣчаемъ и въ писанномъ въ это же самое время „Ганцѣ Кюхельгартенѣ":

Благословенъ тотъ дивный мигъ,
Когда въ порѣ самопознанья,
Въ порѣ могучихъ силъ своихъ,
Тотъ, Небомъ избранный, постигъ
Цѣль высшую существованья;
Когда не грезъ пустая тѣнь,
Когда не славы блескъ мишурный
Его тревожатъ ночь и день,
Его влекутъ въ міръ шумный, бурный;
Но мысль и крѣпка, и бодра
Его одна объемлетъ, мучитъ
Желаньемъ блага и добра.

Я привелъ цитаты изъ шести различныхъ мѣстъ переписки и литературныхъ произведеній Гоголя, относящихся къ эпохѣ его порываній въ Петербургъ. Яркости ихъ было бы совершенно достаточно, чтобы быть прямо пораженнымъ высотою совершенно опредѣленныхъ стремленій молодого

*) Языкъ Гоголя въ эту эпоху полонъ самыхъ неправильныхъ оборотовъ и искусственныхъ словъ.

лицеиста посвятить себя благу ближнихъ и государства. Передъ нами гражданское міросозерцаніе рѣдкой выдержанности и силы.

Но всѣ цитированныя выше мѣста, вмѣстѣ взятыя, совершенно блѣднѣютъ предъ замѣчательнѣйшимъ письмомъ Гоголя къ дядѣ его, Петру Петровичу Косяровскому. Къ этому письму намъ надо отнестись съ особеннымъ вниманіемъ, потому что тутъ мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло съ самымъ центральнымъ матеріаломъ для характеристики Гоголя въ пору его отрочества. Петра Косяровскаго Гоголь особенно любилъ и предъ нимъ, собираясь оставить Малороссію навсегда, онъ раскрылъ всю свою душу:

„Да, можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется отжить въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ, такую цѣль начерталъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, *съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу.* Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преградятъ дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ быть, мнѣ доведется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ: быть въ мірѣ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно-полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце, я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага. Два года занимался я постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ, законовъ; теперь занимаюсь отечественными. Исполняются ли высокія мои начертанія? Или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей? Въ эти годы эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ. Недовѣрчивый ни къ кому, скрытный, я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышленій, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубь души моей. Да и кому бы я повѣрилъ и для чего бы выказалъ себя? Не для того ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ человѣкомъ? Никому, и даже изъ своихъ товарищей, я не открывался, хотя между ними было много истинно-достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами, оттого-ли, что вы, можетъ быть, принимали во мнѣ болѣе другихъ участія или по связи близкаго родства, этого не скажу, что-то непонятное двигало перомъ моимъ, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствіе вошло въ грудь

мою, что вы не почтете ничтожнымъ мечтателемъ того, который около трехъ лѣтъ неуклонно держится одной цѣли и котораго насмѣшки, намеки болѣе заставятъ укрѣпнуть въ предположенномъ начертаніи. Если же вы и не поучаствуете во мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо, такъ же, какъ я затаилъ въ себѣ одномъ свои упрямыя предначертанія" (I, 89—90).

Умоляющій тонъ послѣднихъ строкъ исключаетъ всякое заподазриваніе полной искренности письма. Это, несомнѣнно, задушевная исповѣдь. Заднихъ цѣлей у Гоголя тутъ не могло быть никакихъ,—онъ отъ Косяровскаго ничего не ждалъ, и ему не для чего было выставить себя передъ нимъ въ эффектномъ нарядѣ. А допустимъ даже, что тутъ есть примѣсь рисовки—это мало мѣняетъ дѣло. *Важно, кто чѣмъ рисуется.*

Всякая вещь познается сравненіемъ. И вотъ, перебирая юные годы писателей гоголевскаго поколѣнія, мы развѣ только въ жизни Герцена и Огарева, въ столь же юные годы давшихъ другъ другу клятву посвятить себя благу человѣчества, можемъ найти нѣчто аналогичное гоголевскому желанію всецѣло отдаться служенію „благу".

Но не забудемъ огромной разницы въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ сложилось направленіе Герцена и Огарева и тѣхъ, въ которыхъ воспитался Гоголь. Герценъ и Огаревъ воспитались подъ вліяніемъ энциклопедистовъ и Сенъ-Симона. Гоголь-же и именъ такихъ не слыхалъ и вообще читалъ мало и до своего настроенія дошелъ путемъ вполнѣ самостоятельнымъ, взявъ его только изъ движеній собственнаго сердца.

А, кромѣ Герцена и Огарева, нельзя уже указать ни одного изъ старыхъ писателей, у котораго стремленіе приносить людямъ „пользу" было до такой степени сильно, ярко и опредѣленно. Тутъ именно поразительна сила сосредоточенности. Отдѣльныя вспышки, отдѣльные моменты такихъ высокихъ стремленій мы, конечно, найдемъ и у Пушкина, и у Лермонтова, и у другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они были молоды, всѣ не только мечтали о томъ, чтобы пить изъ чаши наслажденій, но и пили изъ нея глубокими глотками. Гоголь же прямо даже не мечталъ никогда о какихъ бы то ни было наслажденіяхъ, а еще того менѣе

пользовался ими въ дѣйствительности. Оттого онъ и могъ отдаваться такъ всецѣло своимъ порывамъ и настроеніямъ.

Тутъ сказываются особенности того, что я выше назвалъ психологическимъ рисункомъ человѣка.

Въ основѣ своего душевнаго склада Гоголь—самая аскетическая натура всей русской литературы. Этому человѣку лично для себя почти ничего не нужно было. Онъ обыкновенно ѣлъ ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы минимально поддержать свое истинно-бренное тѣло, онъ почти не пилъ, почти не бывалъ въ гостяхъ въ обычныхъ цѣляхъ развлеченія, не игралъ въ карты, никогда не ухаживалъ за женщинами и, повидимому, не зналъ въ своей жизни ни одной сердечной привязанности. Онъ никогда не мечталъ устроиться „домкомъ", никогда не имѣлъ осѣдлости, вѣчно странствовалъ. Словомъ, по психологическому рисунку своему, это былъ настоящій монахъ, угрюмый, серьезный, всегда отданный думамъ высшаго порядка.

Но аскетизмъ Гоголя никогда не отдалялъ его отъ людей.

Онъ былъ не изъ тѣхъ монаховъ, которые уходятъ въ пустыню, чтобы спасти только свою душу и отрясаютъ отъ себя пыль міра сего. Гоголь всегда и самъ работалъ для міра и другихъ къ этому звалъ. Всѣ обскурантскіе совѣты „Переписки" представителямъ разныхъ общественныхъ положеній—губернаторамъ, помѣщикамъ и т. д. именно основаны на томъ, чтобы всякаго человѣка заставить работать для ближняго, чтобы во всякой сферѣ привести его въ связь съ интересами другихъ людей.

Другой вопросъ, въ чемъ видѣлъ авторъ „Переписки" работу для ближняго, но теперь рѣчь идетъ только о направленіи, въ которомъ билась его мысль въ поискахъ лучшаго общественнаго будущаго.

Отроческая переписка Гоголя показала намъ, что напряженнѣйшія думы о служеніи людямъ столь же переполняли великаго писателя на зарѣ жизни, какъ и на закатѣ ея. Предъ нами, слѣдовательно, одинъ стройный аккордъ, звучащій въ одномъ и томъ же тонѣ, хотя между крайними точками его лежитъ промежутокъ въ двадцать лѣтъ. Можно ли поэтому хотя на одну минуту допустить, чтобы чело-

вѣкъ, съ такою ясно-поставленною и сознанною цѣлью въ началѣ и концѣ поприща, утратилъ эту сознательность въ серединѣ своего поприща, въ центральную эпоху высшаго расцвѣта своего геніальнаго творчества? Можно ли отказать въ сознательности Гоголю-мужу, когда мы вынуждены фактами удивляться ея опредѣленности даже въ Гоголѣ-отрокѣ?

V.

Ложныя представленія о Гоголѣ - профессорѣ.

Пламенная мечта Гоголя осуществилась: онъ въ самомъ концѣ 1828 г. пріѣзжаетъ въ Петербургъ, гдѣ съ небольшими перерывами остается до 1836 г., когда надолго уѣзжаетъ за-границу.

Эти немногіе годы захватываютъ почти всю творческую дѣятельность Гоголя: частью вышло въ свѣтъ, частью начато все то, съ чѣмъ связана великая слава его.

Въ 1831 г. появились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки"; въ 1835 г. вышли 2 части „Миргорода", гдѣ впервые напечатаны „Старосвѣтскіе помѣщики", „Тарасъ Бульба", „Невскій проспектъ", „Записки сумасшедшаго" и перепечатана изъ „Новоселья" „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ"; въ журналахъ 1835 и 1836 г. напечатаны „Носъ" и „Коляска"; къ 1833—1836 гг. относятся „Утро дѣлового человѣка", „Женитьба" и „Ревизоръ"; въ 1834 г. задумана „Шинель", въ 1835 г. начаты „Мертвыя души", первыя главы которыхъ успѣлъ еще прослушать Пушкинъ.

Передъ нами, слѣдовательно, весь Гоголь. Если главная часть „Мертвыхъ душъ" и писана во время заграничнаго пребыванія 1837—39 гг., то, все-таки, въ томъ же тонѣ и направленіи, которые создались въ творческомъ настроеніи Гоголя въ эпоху его петербургской жизни.

Такимъ образомъ, эти годы имѣютъ вполнѣ рѣшающее значеніе для изученія Гоголя. Въ предѣлахъ намѣченной

мною задачи, ознакомиться съ духовнымъ строемъ Гоголя петербургскаго періода — значитъ имѣть ключъ къ уразумѣнію всей его дѣятельности.

Вдобавокъ, въ эти же годы Гоголь выступилъ не только какъ художникъ, но и какъ ученый, занявъ въ качествѣ адъюнктъ-профессора каѳедру всеобщей исторіи въ петербургскомъ университетѣ. Помѣстилъ онъ затѣмъ также нѣсколько критическихъ статей въ только что тогда основанномъ (1836) пушкинскомъ „Современникѣ“ и въ своихъ „Арабескахъ“.

Какъ историческія занятія Гоголя, такъ и его попытки въ области критики должны имѣть особенное значеніе при рѣшеніи вопроса о безсознательности творчества великаго писателя.

Едва-ли кто станетъ спорить противъ того, что знаменателенъ уже самый фактъ, что Гоголь около $1^1/_2$ лѣтъ состоялъ въ числѣ профессоровъ петербургскаго университета.

Столь же поучителенъ, конечно, и фактъ появленія значительной критической статьи Гоголя („О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 гг.“) въ журналѣ такого тонкаго литературнаго цѣнителя, какъ Пушкинъ. Пушкинъ не сталъ бы поощрять съ величайшимъ благоговѣніемъ прислушивавшагося къ его совѣтамъ Гоголя взяться за критику, если бы въ частыхъ бесѣдахъ съ нимъ не подмѣтилъ тонкаго вкуса его и умѣнія разбираться въ литературныхъ вопросахъ. И когда сколько-нибудь вдумываешься въ это появленіе Гоголя въ роли критика, и критика—какъ мы дальше увидимъ—съ безусловно-серьезнымъ чутьемъ и серьезнѣйшими представленіями о роли литературы и журналистики, то какъ-бы самъ собою возникаетъ вопросъ: какъ же такъ Гоголь, въ качествѣ литературнаго судьи показавшій, что онъ превосходно понималъ творчество другихъ писателей, могъ оказаться глухимъ и слѣпымъ къ особенностямъ собственнаго творчества?

Однако, изъ этихъ двухъ важнѣйшихъ фактовъ духовной біографіи Гоголя его критическая дѣятельность обыкновенно совершенно игнорируется, а вопросъ о профессорствѣ Гоголя до сихъ поръ освѣщенъ у насъ односторонне.

О послѣднемъ эпизодѣ біографіи Гоголя говорятъ только осуждая, только со стороны того, что Гоголь не былъ подготовленъ для ученой дѣятельности, обладалъ весьма ограниченнымъ количествомъ знаній и т. д.

Нельзя, конечно, отрицать, что въ значительной степени все это совершенно справедливо. Оставляя даже въ сторонѣ свидѣтельство современниковъ, изъ которыхъ особенною извѣстностью пользуется разсказъ Тургенева въ его воспоминаніяхъ, можно и въ перепискѣ самого Гоголя найти подтвержденіе того, что профессорство его потерпѣло фіаско. Сообщая въ декабрѣ 1835 г. Погодину, что „эти полтора года—годы моего безславія“, Гоголь съ горечью констатируетъ: „общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся“.

И, тѣмъ не менѣе, можно привести цѣлый рядъ фактовъ, совсѣмъ иначе освѣщающихъ профессорство Гоголя и показывающихъ, что если оно и принесло ему „безславіе“, то, главнымъ образомъ, потому, что отъ него, съ такимъ блескомъ выступившаго на литературномъ поприщѣ, ожидали такого же блеска и на поприщѣ научномъ. *Но попробуйте-ка сравнить Гоголя съ среднимъ профессоромъ первой половины тридцатыхъ годовъ,* и онъ окажется не только не ниже, но значительно выше очень многихъ профессоровъ того времени.

Уже одно то, что Гоголь—худо-ли, хорошо-ли, это—другой вопросъ — составлялъ *собственныя* лекціи, было явленіемъ необычнымъ.

Въ то блаженное время, въ огромномъ большинствѣ случаевъ и не слыхать было, чтобы профессоръ преподавалъ что-нибудь самостоятельное. *Читали* тогда въ буквальномъ смыслѣ слова *по* тому или другому переводному руководству. Такъ, напр., читали не словесность вообще, а „словесность *по* Бургію“, „право *по* Гейнекцію“ и т. д. Ужъ на что былъ ученый человѣкъ Каченовскій, но и онъ читалъ не всеобщую исторію, а „всеобщую исторію *по* Пелицу“.

Что касается знаній профессоровъ того времени, то достаточно вспомнить записки Пирогова или „Былое и думы“ Герцена, чтобы опять-таки убѣдиться, что Гоголь и въ этомъ отношеніи всего менѣе представлялъ собою отрицательное явленіе.

Нельзя же его, въ самомъ дѣлѣ, поставить на одну доску, напримѣръ, съ наставникомъ Пирогова—московскимъ профессоромъ В. М. Котельницкимъ, занимавшимъ важную каѳедру фармакологіи въ важнѣйшемъ русскомъ университетѣ и не умѣвшимъ какъ слѣдуетъ усвоить даже содержаніе того учебника, по которому „читалъ". Преподаваніе его заключалось въ томъ, что онъ всходилъ на каѳедру, раскрывалъ книгу и „начинаетъ читать слово въ слово и притомъ съ описками...":

„Василій Михайловичъ съ помощью очковъ читаетъ въ фармакологіи Шпренгеля, переводъ Іовскаго: „Клещевинное масло, oleum ricini,—китайцы придаютъ ему горькій вкусъ". Затѣмъ кладетъ книгу, нюхаетъ съ всхрапываніемъ табакъ и объясняетъ намъ, смиреннымъ его слушателямъ: „вотъ видишь ли, *китайцы* придаютъ клещевинному-то маслу горькій вкусъ". Мы, между тѣмъ, смиренные слушатели, читаемъ въ той же книгѣ вмѣсто китайцевъ—*кожицы* придаютъ ему горькій вкусъ".

Этотъ разсказъ Пирогова относится къ концу 20-хъ гг. Въ томъ же стилѣ разсказы Герцена, относящіеся уже къ 1831—1834 гг., значитъ прямо къ эпохѣ профессорства Гоголя.

Профессоръ Герцена Чумаковъ „*подгонялъ* формулы къ тѣмъ, которыя были въ курсѣ Пуансо, съ совершеннѣйшей свободой помѣщичьяго права, прибавляя, убавляя буквы, принимая квадраты за корни и x за извѣстное". Рейсъ „никогда не читалъ химіи далѣе водорода. Онъ попалъ въ профессора химіи потому, что не онъ, а его дядя занимался когда-то ею. Въ концѣ царствованія Екатерины старика пригласили въ Россію; ему не хотѣлось—онъ отправилъ вмѣсто себя племянника" и т. д.

Всѣ эти разсказы, замѣтимъ, относятся къ профессорамъ такихъ факультетовъ, гдѣ преподаваніе безъ положительныхъ знаній какъ будто и представить себѣ нельзя. Нечего уже говорить, какъ были плохи профессора по наукамъ нравственнымъ, политическимъ и историческимъ, съ ихъ неопредѣленными очертаніями. Престижъ профессорскій былъ такъ малъ даже въ то малоученое время, что въ 1831 г. Пушкинъ писалъ Погодину: „жалѣю, что вы не раздѣлались еще съ московскимъ университетомъ, который

долженъ рано или поздно извергнуть васъ изъ среды своей, ибо ничего чуждаго не можетъ оставаться ни въ какомъ тѣлѣ, а ученость, дѣятельность и умъ чужды московскому университету".

Таковъ былъ общій обликъ московскаго университета, старѣйшаго и лучшаго изъ русскихъ университетовъ, гдѣ, все-таки, были и отдѣльныя, отрадныя исключенія, и въ которомъ уже показывались первые признаки замѣчательнаго подъема научнаго уровня, начинающагося со средины 30-хъ гг.

Петербургскій же университетъ стоялъ значительно ниже, и воспитанники его въ своихъ позднѣйшихъ разсказахъ объ университетскихъ годахъ не находили въ своей памяти почти ни одного профессорскаго имени, о которомъ могли бы говорить съ признательностью. Таковы воспоминанія учившагося въ петербургскомъ университетѣ въ 1835—1837 гг. Тургенева, который такъ мало вынесъ изъ петербургскаго ученія, что, отправившись за-границу „усовершенствоваться", долженъ былъ по многимъ предметамъ засѣсть за азбуку. Сверстникъ его по петербургскому университету Грановскій, послушавъ берлинскихъ профессоровъ, впалъ въ совершенное отчаяніе отъ своего невѣжества и, узнавъ, что такое есть настоящая профессорская ученость, хотѣлъ отказаться отъ всякихъ притязаній на профессорскую дѣятельность, для подготовленія къ которой его послали.

Вотъ тѣ факты, съ точки зрѣнія которыхъ надо разсуждать о томъ, былъ ли подготовленъ Гоголь занять каѳедру.

До введенія устава 1834 года, до заведенныхъ тогда же командировокъ кандидатовъ въ профессора за-границу, общій уровень профессорскаго персонала былъ поразительно низкій. Вотъ почему обычное отношеніе къ профессорству Гоголя, какъ къ чему-то близко граничащему съ нахальствомъ и даже, по выраженію Ореста Миллера, „позорному", страдаетъ полнымъ отсутствіемъ исторической перспективы.

Несостоятельность этого отношенія особенно ярко выясняется перепискою Гоголя, изъ которой мы сейчасъ извле-

чемъ рядъ доказательствъ, что мысль *о профессорствѣ возникла не у него самого, а внушена ему другими,* и притомъ людьми съ установившеюся ученою репутаціею.

Гоголь сталъ петербургскимъ адъюнктъ-профессоромъ въ 1834 г., но до того ему *трижды* предстояло быть адъюнктъ-профессоромъ: сначала въ московскомъ университетѣ, затѣмъ въ кіевскомъ, затѣмъ опять въ московскомъ и всякій разъ не по его иниціативѣ, всякій изъ этихъ трехъ разовъ Гоголю дѣлались предложенія, но онъ ихъ не принималъ.

Отъ кого исходило первое предложеніе, неизвѣстно. Имѣется только глухое заявленіе Гоголя въ его письмѣ къ Пушкину отъ 23 декабря 1833 г.: „назадъ тому три года (я) могъ бы занять мѣсто въ московскомъ университетѣ, которое мнѣ предлагали“ (I, 270).

Второе предложеніе относится къ концу 1833 и началу 1834 г., когда набирали профессоровъ для только что учрежденнаго тогда кіевскаго университета. Въ числѣ ихъ былъ землякъ и большой пріятель Гоголя, извѣстный М. А. Максимовичъ. Онъ и сталъ звать въ Кіевъ Гоголя, который съ радостью принималъ это предложеніе. Въ тѣхъ восторженныхъ выраженіяхъ (нѣкоторыя изъ нихъ, сказать кстати, весьма должны радовать „щирыхъ украинцевъ“), которыми Гоголь отвѣтилъ Максимовичу, слышится истинное воодушевленіе спеціалиста. Гоголь тогда страстно увлекался малороссійскою исторіею и стариною, и ему рисовалось широкое поле дѣятельности:

„Представь, я тоже думалъ: туда, туда! въ Кіевъ, въ древній, въ прекрасный Кіевъ! Онъ нашъ, онъ не ихъ—не правда ли? тамъ или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей. Я работаю. Я всѣми силами стараюсь; на меня находитъ страхъ: можетъ быть, я не успѣю! Мнѣ надоѣлъ Петербургъ, или, лучше, не онъ, но проклятый климатъ его: онъ меня допекаетъ. Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія каѳедры: много можно будетъ надѣлать добра“ (I, 268).

Кіевское профессорство одно время совсѣмъ налаживалось:

„Министръ,—сообщаетъ Гоголь Максимовичу 29 марта

1834 г.,—мнѣ обѣщалъ непремѣнно это мѣсто и требовалъ даже, чтобы я сейчасъ подавалъ просьбу, но я останавливаюсь затѣмъ, что мнѣ даютъ только адъюнкта, увѣряя, впрочемъ, что черезъ годъ непремѣнно сдѣлаютъ ординарнымъ“ (I, 287).

Затѣмъ, однако, вышла заминка со стороны кіевскаго попечителя Брадке, у котораго былъ другой кандидатъ на каѳедру всеобщей исторіи, привлекавшую Гоголя—харьковскій профессоръ Цыхъ. Брадке ни мало не былъ противъ назначенія вообще Гоголя кіевскимъ профессоромъ; онъ только предлагалъ ему другую каѳедру. Въ чрезвычайно характерномъ для выясненія вопроса о профессорствѣ Гоголя письмѣ его къ Максимовичу отъ 28 мая 1834 г. читаемъ:

„Мои обстоятельства очень странны. Сергѣй Семеновичъ (Уваровъ) даетъ мнѣ экстраординарнаго профессора и деньги на подъемъ, однако-жъ, ничего этого не выпускаетъ изъ рукъ и держитъ меня—не знаю для чего—здѣсь, тогда какъ мнѣ нужно дѣйствовать и ѣхать. Между тѣмъ, Брадке пишетъ ко мнѣ, что не угодно ли мнѣ взять каѳедру русской исторіи, что сіе-де прилично занятіямъ моимъ, тогда какъ онъ самъ обѣщалъ мнѣ, бывши здѣсь, что всеобщая исторія не будетъ занята до самаго моего пріѣзда, хотя бы это было черезъ годъ; а теперь, вѣрно, ее отдали этому Цыху, котораго принесло какъ нарочно. Право, странно: они воображаютъ, что различія предметовъ это такая маловажность и что, кто читалъ словесность, тому весьма легко преподавать математику или врачебную науку, какъ будто пирожникъ для того созданъ, чтобы тачать сапоги. Я съ ума сойду, если мнѣ дадутъ русскую исторію“ (I, 298).

Какъ мало соотвѣтствуетъ это письмо обычнымъ представленіямъ о несуразности претензій Гоголя на каѳедру!

Такъ какъ, при согласіи министра, все дѣло назначенія Гоголя зависѣло исключительно отъ Брадке, то Гоголю стоило только написать послѣднему, что онъ беретъ предлагаемую каѳедру, и его тотчасъ же назначили бы экстраординарнымъ профессоромъ. Но для Гоголя профессорство—въ мечтахъ, по крайней мѣрѣ,—было всего менѣе карьерой или выходомъ изъ труднаго денежнаго положенія, въ которомъ онъ тогда находился. Онъ, вѣрно или невѣрно—это уже другой вопросъ,—считалъ себя призваннымъ для каѳедры всеобщей исторіи и только одну ее соглашается брать. Не забудемъ еще и того, что съ чисто-технической

точки зрѣнія каѳедру русской исторіи было гораздо легче занимать, чѣмъ каѳедру всеобщей исторіи, для которой— въ идеалѣ, по крайней мѣрѣ,—требовалось хорошее знаніе классическихъ и иностранныхъ языковъ.

Такъ-то кончились не Гоголемъ начатыя, но исключительно имъ однимъ разстроенныя хлопоты о кіевской профессурѣ. Не лишне будетъ отмѣтить для характеристики тѣхъ требованій, которыя тогда предъявлялись къ кандидатамъ въ профессора, что хлопотавшій за Гоголя Максимовичъ занялъ въ кіевскомъ университетѣ каѳедру словесности, а до того онъ въ московскомъ университетѣ читалъ *ботанику!*

Гоголь же чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ отвергъ и третье предложеніе профессуры, хотя предлагали ему теперь не въ провинцію, а въ Москву, предлагалъ не административный дѣятель и не спеціалистъ по ботаникѣ, а такая крупная научная величина, какъ Погодинъ.

Погодинъ въ то время читалъ всеобщую исторію, но переходилъ на русскую исторію и Гоголя хотѣлъ устроить въ качествѣ адъюнктъ-профессора. Гоголь въ отвѣтномъ письмѣ (I, 305) хотя и восторженно говоритъ о томъ, что „профессорство, если бы не у насъ на Руси, то было бы самое благородное званіе“, но по причинамъ чисто-практическимъ находилъ для себя неудобнымъ перемѣщеніе въ Москву.

Предложеніе Погодина въ высшей степени важно для опроверженія ходячихъ взглядовъ на профессорскія притязанія Гоголя. Погодинъ познакомился съ Гоголемъ въ 1832 г. и сразу записалъ въ своемъ дневникѣ: „Познакомился съ Гоголемъ и имѣлъ случай сдѣлать ему много одолженія. Говорилъ съ нимъ о малороссійской исторіи. *Большая надежда, если возстановится его здоровье*“ *). Дальше идетъ все рѣчь объ историческихъ занятіяхъ Гоголя, значитъ „большая надежда“ относится къ Гоголю-историку.

Съ тѣхъ поръ Погодинъ вступилъ въ тѣснѣйшую дружбу съ Гоголемъ, велъ съ нимъ оживленнѣйшую переписку, лично много говорилъ съ нимъ, наконецъ, что, пожалуй,

---

* *Барсуковъ*, Жизнь и труды Погодина, т. IV, 114.

всего важнѣе въ данномъ случаѣ, внимательно читалъ нѣсколько статей Гоголя по всеобщей исторіи. Онъ, значитъ, имѣлъ ясное и опредѣленное представленіе о силахъ Гоголя. И если, тѣмъ не менѣе, онъ первый предложилъ Гоголю адъюнктство, то не смѣшны ли всѣ разговоры о самонадѣянности Гоголя, да еще въ виду того, что самонадѣянный-то человѣкъ три предложенія профессорства не принялъ?

Ко всему этому можно еще прибавить, что статьи Гоголя по всеобщей исторіи печатались въ ученомъ „Журналѣ Министер. Народ. Просв.“, что этими статьями *до назначенія Гоголя профессоромъ въ Петербургѣ* интересовался ученый министръ народ. просв. Уваровъ, что Уваровъ иной разъ прямо заказывалъ Гоголю научныя статьи для „Журнала министер. народ. просв.“ (I, 301), что ученый издатель „Телескопа“, извѣстный профессоръ и критикъ Надеждинъ, очень гнался за историческими статьями Гоголя (I, 285), что о назначеніи Гоголя профессоромъ въ Петербургѣ хлопоталъ, кромѣ Пушкина и Жуковскаго, также Никитенко.

Поистинѣ печальное впечатлѣніе производитъ въ виду всѣхъ этихъ фактовъ глумящееся отношеніе нѣкоторыхъ юбилейныхъ статей 1902 года къ неудачному по совсѣмъ другимъ причинамъ профессорству Гоголя. Апогея это отношеніе достигло въ статьѣ психіатра Н. Н. Баженова „Болѣзнь и смерть Гоголя“ („Рус. Мысль“ 1902, I). Какъ очень многіе спеціалисты, г. Баженовъ вообще весьма скоръ на всякіе рѣшительные выводы и обобщенія; ему, напр., достаточно прочесть въ письмѣ Гоголя жалобы на боль головы, чтобы тотчасъ же усмотрѣть тутъ типическую „неврастенническую каску“. Но по отношенію къ профессорству Гоголя г. Баженовъ дошелъ до Геркулесовыхъ столбовъ: онъ причисляетъ весь этотъ эпизодъ къ *„странностямъ, почти патологическимъ“* (стр. 143).

Такъ-то, катясь подобно лавинѣ, растетъ и принимаетъ безобразные размѣры всякое невѣрное или одностороннее мнѣніе.

Впервые пренебрежительно заговорилъ въ печати о профессорствѣ Гоголя извѣстный оріенталистъ Григорьевъ въ

своей нѣкогда (1856—57) столь нашумѣвшей и всѣхъ возмутившей статьѣ о Грановскомъ. Но у того были совсѣмъ особыя цѣли: обаяніе Грановскаго, обладавшаго довольно ограниченными спеціальными знаніями, поселяло самое недружелюбное отношеніе къ нему въ сердцахъ разныхъ завистливыхъ спеціалистовъ à la Григорьевъ, богатыхъ знаніями, но бѣдныхъ нравственными силами. Григорьевъ всячески старался подчеркнуть незначительность научныхъ силъ Грановскаго, и тутъ-то, для характеристики уровня той научной среды, изъ которой вышелъ Грановскій, и понадобился Гоголь въ роли профессора всеобщей исторіи.

И вотъ, проходя разные промежуточные фазисы, отрицательное отношеніе къ Гоголю-профессору постоянно упускало изъ виду историческую точку зрѣнія, постоянно имѣло передъ собою какъ единицу сравненія позднѣйшихъ крупныхъ историковъ нашихъ и становилось все рѣзче и рѣзче, пока, наконецъ, не пришелъ психіатръ и не усмотрѣлъ тутъ симптома будущей форменной душевной болѣзни Гоголя.

Ужъ если признать стремленіе Гоголя занять каѳедру „почти патологическою странностью“, то дадимъ только пощаду хлопотавшимъ за него Пушкину и Жуковскому, какъ неспеціалистамъ, а затѣмъ, чтобы быть послѣдовательными, причислимъ къ полупомѣшаннымъ и Максимовича, и Никитенко [1]), и Брадке, и Уварова, и особенно Погодина. Въ себѣ-то еще всякій человѣкъ ошибается, а они чего посходили съ ума, да сажали на каѳедру человѣка, совершенно ей недостойнаго?

Читатель пойметъ, почему я такъ долго останавливаюсь на профессорствѣ Гоголя.

---

[1]) Позднѣйшее негодованіе Никитенки („Дневникъ“ I, 354—355) на Гоголя по поводу исторіи съ профессорствомъ объясняется, главнымъ образомъ, тѣмъ, что, при своихъ скромныхъ знаніяхъ, Гоголь, тѣмъ не менѣе, надменно и свысока смотрѣлъ на другихъ „вялыхъ“, по его выраженію, профессоровъ. Непоколебленнымъ остается, во всякомъ случаѣ, и послѣ злой записи Никитенки тотъ фактъ, что первоначально Никитенко не только усердно хлопоталъ у попечителя о Гоголѣ, но даже старался, чтобы его назначили экстраординарнымъ профессоромъ, въ то время какъ другіе друзья хлопотали только объ адъюнктствѣ.

Помимо того, что хочется положить начало болѣе правильному отношенію къ одному изъ любопытныхъ эпизодовъ біографіи великаго писателя, есть тутъ другая весьма важная сторона.

Въ моихъ стараніяхъ показать, что Гоголь былъ не только человѣкъ безсознательнаго творчества, но и писатель, вполнѣ сознательно намѣчавшій цѣли своихъ произведеній, чрезвычайно важно выяснить, что Гоголь принадлежалъ *къ высшей интеллигенціи своего времени*. Это не прасолъ Кольцовъ, сильный единственно природнымъ геніемъ.

Пусть Гоголь и весьма малознающій ученый съ позднѣйшей точки зрѣнія, пусть насъ поражаетъ то, что человѣкъ, плоховато кончившій гимназію, черезъ два года получаетъ предложеніе занять каѳедру въ московскомъ университетѣ, а черезъ шесть, безъ всякихъ экзаменовъ и диссертацій, въ самомъ дѣлѣ становится профессоромъ. Намъ только важно показать, что въ свое-то время въ этомъ не было рѣшительно ничего экстраординарнаго и что Гоголь былъ вполнѣ нормальнымъ кандидатомъ въ профессора. Пусть только читатель изъ всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ удержитъ въ памяти то, что Максимовичъ, тоже безъ всякихъ экзаменовъ и диссертацій, прямо съ каѳедры ботаники былъ перемѣщенъ на каѳедру словесности, и никто меня не упрекнетъ въ парадоксальности, если я покамѣстъ (дальше-то я потребую бо́льшаго) поставлю такой тезисъ:

Гоголь, отвергшій три предложенія занять каѳедру, добивался затѣмъ самъ профессуры въ Петербургѣ съ научнымъ багажемъ, достаточнымъ для обычныхъ академическихъ требованій начала 30-хъ годовъ.

Въ своей защитѣ *притязаній* Гоголя на профессорство я, однако, не намѣренъ защищать самое профессорствованіе Гоголя, длившееся больше года. Оно, несомнѣнно, было неудачно, судя по отзывамъ современниковъ. Но причины тутъ были совсѣмъ другія, и при разсмотрѣніи ихъ мы убѣждаемся, что одного приравниванія Гоголя къ типу *средняго* профессора начала 30-хъ годовъ мало, что Гоголь по тѣмъ задачамъ, которыя себѣ ставилъ, стоялъ несом-

нѣнно выше очень многихъ изъ своихъ университетскихъ товарищей.

Если бы, въ самомъ дѣлѣ, тѣ, которые такъ сурово отнеслись къ Гоголю-профессору, имѣли бы передъ глазами 6-й томъ тихонравовскаго изданія Гоголя (появился въ 1896 г.), гдѣ помѣщены выдержки изъ гоголевскихъ записныхъ книгъ, они бы поняли, что причина неудачнаго профессорствованія Гоголя, главнымъ образомъ, лежала въ *широтѣ замысловъ его*.

Въ подготовительныхъ работахъ Гоголя къ будущимъ лекціямъ мы находимъ какъ программу всего курса, такъ и наброски отдѣльныхъ лекцій. А такъ какъ Гоголь профессорствовалъ такъ недолго и множество лекцій пропускалъ, то обиліе оставшихся матеріаловъ не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что для каждой лекціи онъ предварительно составлялъ подробный остовъ. Это свидѣтельствуетъ не только о выдающейся добросовѣстности Гоголя, но и о желаніи блестяще поставить свой курсъ и внести въ него что-нибудь новое.

И это-то стремленіе и подкосило Гоголя, который, къ тому же, былъ страшно занятъ какъ-разъ тогда же окончательной отдѣлкой „Ревизора“.

Извѣстно, что въ столь неблестяще сложившейся профессорской карьерѣ Гоголя было, однако, два блестящихъ момента.

Одинъ изъ нихъ—вступительная лекція, появившаяся затѣмъ въ печати въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ и „Арабескахъ“ („О среднихъ вѣкахъ“), другой—лекція, характеризующая эпоху арабскаго калифа Аль-Мамуна, тоже вскорѣ напечатанная (въ „Арабескахъ“).

Послѣднюю лекцію Гоголь тщательно обработалъ, ожидая, что къ нему заглянутъ въ аудиторію Жуковскій и Пушкинъ. Они, дѣйствительно, пріѣхали. Гоголь превосходно прочиталъ свою эффектную характеристику и очаровалъ какъ своихъ высокихъ покровителей, такъ и слушателей. Такимъ образомъ, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, устанавливается, что Гоголь *могъ бы* быть прямо выдающимся профессоромъ.

Но, понятно, это требовало огромной работы.

Читать еженедѣльно двѣ „блестящія“ лекціи такого

типа, какія Гоголь прочиталъ въ присутствіи Пушкина и Жуковскаго, было страшно трудной задачей. Трудно не потому, однако, что тутъ требовалось особенно много спеціальныхъ знаній, — Гоголь, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣлъ для этого достаточно источниковъ подъ руками,—а по причинамъ чисто литературнаго свойства. Всякій, кто заглянетъ въ мало-читаемые гоголевскіе „Арабески“ и ознакомится съ характеристикою Аль-Мамуна, тотчасъ увидитъ, что это—почти беллетристика, рядъ картинъ и силуэтовъ чисто художественнаго пошиба. Гоголь писалъ ее съ тѣмъ же художественнымъ обдумываніемъ и увлеченіемъ, съ какимъ писалъ почти одновременно характеристику казачества въ „Тарасѣ Бульбѣ“, т. е. составляя самую тщательную мозаику изъ наиболѣе яркихъ чертъ и набрасывая одну широкую картину.

Но гдѣ же было справиться съ такого рода обработкой въ короткій промежутокъ между двумя лекціями, да еще при той крайней медленности, которая, вообще, характеризуетъ творчество Гоголя? У него годами созрѣвали даже самыя мелкія по объему произведенія. Лекціи нельзя было высиживать годами, и оттого-то Гоголь такъ быстро и осѣкся. Банально онъ не хотѣлъ читать, а читать блестяще не хватало времени.

Такъ вотъ гдѣ истинная причина того, что университетская дѣятельность страшно занятаго въ то время своими художественными замыслами Гоголя потерпѣла неудачу.

А спеціальныхъ знаній, какъ я уже сказалъ, у Гоголя было достаточно, чтобы прочитать курсъ, вполнѣ удовлетворяющій скромнымъ требованіямъ того времени.

Въ примѣчаніяхъ къ 6-му тому тихонравовскаго изданія (стр. 689) напечатанъ списокъ книгъ историческаго содержанія, которыя впослѣдствіи Гоголь подарилъ другу своему А. С. Данилевскому и которыми онъ своевременно, несомнѣнно, пользовался, готовясь къ лекціямъ.

Это списокъ весьма приличный.

Кромѣ книгъ общаго значенія („Cours de littérature française“ Вильмена, его же „Melanges philosophiques, historiques et littéraires“), мы находимъ тутъ „Introductions à l'histoire universelle“ Мишлэ, французскій переводъ герде-

ровскихъ „Идей о философіи исторіи человѣчества“, „Исторію паденія римской имперіи“ Гиббона во франц. переводѣ Гизо, „Всемірную исторію“ Іоганна Миллера во франц. переводѣ, „Dix ans d'études historiques“ Огюстена Тьери, его же „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands“ и др.

Но это, однако, далеко не всѣ пособія, бывшія у Гоголя подъ рукою. Помимо книгъ на русскомъ языкѣ, напр., трудовъ Беттихера и Герена, о которыхъ Гоголь даже переписывался съ Погодинымъ, тутъ нѣтъ той прекрасной книги по исторіи среднихъ вѣковъ—Галламовской „History of Middle Age“, французскимъ переводомъ которой, какъ это показалъ Тихонравовъ, Гоголь особенно много пользовался.

Слѣды знакомства съ поименованными выше книгами и другими пособіями не трудно прослѣдить какъ по напечатаннымъ историческимъ статьямъ Гоголя, гдѣ мы находимъ, напр., спеціальную характеристику исторіософическихъ взглядовъ Шлецера, Іоганна Миллера и Гердера, цитаты изъ лекцій Шлегеля и др., такъ и по не напечатаннымъ подготовительнымъ работамъ къ университетскому курсу. Такъ, въ весьма обстоятельно составленной „Библіографіи среднихъ вѣковъ“ (т. 6, стр. 273 — 277 и 684—686), часть пособій названа, несомнѣнно, только по указаніямъ другихъ библіографій, но при нѣкоторыхъ сочиненіяхъ сдѣланы краткія характеристики, показывающія, что Гоголь съ ними хорошо знакомъ. Это именно: „Исторія упадка римской имперіи“ Гиббона, „Исторія европейской цивилизаціи“ Гизо, „Европа въ средніе вѣка“ Галлама, первые томы средней исторіи Демишеля.

Слѣды пристальнаго знакомства Гоголя съ иностранными пособіями, которыя были доступны ему только на французскомъ языкѣ, весьма своеобразно и наглядно сказались въ томъ, что множество историческихъ именъ второстепеннаго значенія, для которыхъ еще не установилась русская транскрипція, у Гоголя встрѣчается во французскомъ произношеніи. И уже одна эта мелочь чрезвычайно ярка и характерна. Она наглядно доказываетъ, что Гоголь, несомнѣнно, вносилъ въ свое преподаваніе нѣчто свое, нѣчто такое, чего его предшественники не касались.

А теперь, когда мы заглянули въ самую лабораторію гоголевскаго профессорствованія, спросимъ себя еще разъ: такъ ли ничтожны были знанія Гоголя для *начинающаго*, двадцатипятилѣтняго лектора даже и не той эпохи? Въ первый же годъ чтенія готовить для каждой лекціи подробный конспектъ по ряду превосходныхъ пособій это—по тому времени было явленіемъ прямо изъ ряду вонъ выходящимъ.

Закончу свой экскурсъ нѣсколькими замѣчаніями о статьѣ Гоголя „О преподаваніи всеобщей исторіи". Изъ нея, въ связи съ перепискою, можно извлечь нѣсколько чертъ, весьма цѣнныхъ для моего утвержденія, что въ эпоху высшаго напряженія художественнаго творчества Гоголя онъ напряженно размышлялъ и надъ вопросами теоретическаго характера.

При современной спеціализаціи знанія, когда человѣкъ, проработавши цѣлую жизнь, не дерзаетъ дѣлать обобщеній далѣе одного, двухъ столѣтій, трудно удержаться отъ улыбки, когда читаешь такое опредѣленіе задачи всеобщей исторіи:

„Предметъ ея великъ: она должна обнять вдругъ и въ полной картинѣ все человѣчество—какимъ образомъ оно изъ своего первоначальнаго, бѣднаго младенчества развивалось, разнообразно совершенствовалось и, наконецъ, достигло нынѣшней эпохи. Показать весь этотъ великій процессъ, который выдержалъ свободный духъ человѣка кровавыми трудами, борясь отъ самой колыбели съ невѣжествомъ, природой и исполинскими препятствіями—вотъ цѣль всеобщей исторіи! Она должна собрать въ одно всѣ народы міра, разрозненные временемъ, случаемъ, горами, морями, и соединить ихъ въ одно стройное цѣлое, изъ нихъ составить одну величественную полную поэму".

Хотѣли бы мы видѣть того наиученѣйшаго историка, который взялся бы составить и преподавать курсъ по такой программѣ.

Но, конечно, никто не поставитъ Гоголю въ минусъ мечты о такомъ трудѣ.

Во времена Гоголя доживалъ свои послѣдніе дни, но не отжилъ, однако, совсѣмъ взглядъ на исторію какъ на „историческое искусство", при которомъ отъ историка требовалась не столько основательность разработки, сколько широта обобщеній и художественная изобразительность. Еще не отошло въ область преданій профессорствованіе поэта

и медика по спеціальному образованію Шиллера, которому ученѣйшій іенскій университетъ предложилъ каѳедру всеобщей исторіи за „Исторію отпаденія Нидерландовъ“, съ строго-научной точки почти не имѣющую никакой цѣны и интересную только по блестящему литературному изложенію. Еще вполнѣ свѣжо было колоссальное впечатлѣніе, произведенное исторіею Карамзина, успѣхъ которой покоился не на эрудиціи, а на художественной изобразительности и нравственно-политическомъ морализированіи. Почти десять лѣтъ спустя послѣ появленія „Плана“ Гоголя, Бѣлинскій, самъ хотя и не спеціалистъ, но всегда отражавшій кругъ представленій наиболѣе научно-образованныхъ круговъ своего времени, ставитъ историку такія-же задачи (см. начало его статьи о „Россіи до Петра Великаго“).

VI.

„Ужасающаго величія мысли“ въ эпоху созданія „Ревизора“.

Въ концѣ предыдущей главы приведены мысли Гоголя о всемірной исторіи. Мысли несбыточныя, но въ своемъ стремленіи создать изъ исторіи „одну величественную поэму“ тоже, безспорно, величественныя.

Во всякомъ случаѣ, если можно что-нибудь сказать, съ чисто-научной точки зрѣнія, противъ стремленія превратить всемірную исторію въ „поэму“, то какъ-разъ въ этой „ненаучности“ нельзя не видѣть чрезвычайно благопріятнаго обстоятельства для расширенія творческаго горизонта Гоголя въ одну изъ самыхъ напряженныхъ эпохъ его духовной жизни,—въ моментъ окончательной обработки „Ревизора“.

Тотчасъ по оставленіи университета, 6 декабря 1835 г., Гоголь писалъ Погодину:

„Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ—опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти годы моего безславія,—потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся,—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня!.. Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку! Васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія: когда вы исторгнитесь съ большею силою и не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая чернь, всегда соглашающаяся публика и проч. и проч...“ (I, 357).

Невозможно, конечно, съ полною опредѣленностью сказать, къ какой сферѣ относятся тѣ „исполненныя ужасающаго величія“ мысли, о которыхъ идетъ рѣчь въ этомъ первостепенной важности отрывкѣ изъ лѣтописи творчества Гоголя. Онѣ, несомнѣнно, охватываютъ всю совокупность его душевной жизни въ эпоху профессорствованія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть эпоха упорной работы надъ окончательной отдѣлкой „Ревизора“.

Отчасти, конечно, слова Гоголя относятся къ спеціальному кругу взглядовъ на историческую жизнь.

Но, несомнѣнно, что тутъ и пророческое предвидѣніе того значенія, которое предстояло получить окончательно „исторгнувшемуся“ теперь изъ творческихъ нѣдръ „Ревизору“. „Божественныя минуты“, видимо, съ одной стороны относятся къ уясненію для Гоголя судебъ человѣчества. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ ярко и проникновенно сказалась память о тѣхъ волшебныхъ посѣщеніяхъ генія, когда умственному взору Гоголя представилось во всей его силѣ значеніе великой комедіи. А „новое пробужденіе“, можетъ быть, относится къ дальнѣйшему развитію зачатыхъ уже тогда „Мертвыхъ душъ“.

Но опредѣленность въ данномъ случаѣ не имѣетъ рѣшительно никакого значенія.

Совсѣмъ не важны точныя очертанія тѣхъ мыслей, думъ и чувствъ, которыя волнуютъ писателя,—важно только, чтобы онъ горѣлъ и волновался и чтобы это волненіе направляло его душевную жизнь въ одну опредѣленную сторону. Душа писателя-творца есть горнило, въ которомъ въ моменты рожденія великихъ произведеній плавится благородный металлъ таланта и горитъ святой огонь вдохновенія. Только наличность и порода плавящагося металла и имѣютъ значеніе, а уже ту или другую опредѣленную форму драгоцѣнная масса непремѣнно приметъ.

И сейчасъ приведенный разсказъ Гоголя о томъ, что происходило въ его душѣ въ годы созданія „Ревизора“ прежде всего важенъ тѣмъ, что отъ него пышетъ страшнымъ внутреннимъ огнемъ, что насъ обдаетъ тѣмъ жаромъ, въ пылу котораго выкована великая комедія.

А затѣмъ мы ясно видимъ, что раздувало и поддерживало въ душѣ Гоголя творческій огонь.

Не беззаботный смѣхъ, не зубоскальство, не желаніе забавить, а мысли „ужасающаго величія“ создали „веселую“ комедію.

То единственно-честное лицо среди плутовъ и пошляковъ „Ревизора“, которое Гоголь впослѣдствіи вводилъ въ объясненіе своей комедіи — авторское отношеніе — не фраза, значитъ, потомъ придуманная. Предъ нами реальный фактъ,—„волненіе“ высочайшаго духовнаго напряженія наполняло душу автора въ теченіе всѣхъ двухъ лѣтъ, которыхъ потребовало созданіе „Ревизора“.

И вотъ съ полною опредѣленностью вырисовывается картина духовной жизни Гоголя въ знаменательный періодъ соединенія въ одно неразрывное цѣлое его научной и художественной дѣятельности.

Схема получается такая:

Въ эпоху усиленныхъ историческихъ занятій, въ эпоху мечтаній создать „поэму“ всеобщей исторіи, въ годы, когда Гоголю, какъ онъ писалъ Погодину, казалось, что ему суждено „сдѣлать кое-что необщее во всеобщей исторіи“ (I, 275), онъ столь-же усиленно работаетъ надъ произведеніемъ, которое открываетъ собою гражданскій періодъ русской литературы.

Мыслимо-ли, чтобы не установилось взаимодѣйствіе, когда голова и душа работали одновременно и надъ исторіей, и надъ комедіей, когда утромъ или вечеромъ писалась или обдумывалась лекція, а вечеромъ или утромъ писалась или обдумывалась сцена изъ „Ревизора“?

Разсказывая Погодину въ началѣ 1833 года о тѣхъ крайне-знаменательныхъ (мы еще дальше къ нимъ вернемся) причинахъ, въ силу которыхъ у него не двигалась такъ и оставшаяся неоконченною злѣйшая по замыслу комедія „Владиміръ 3-ьей степени“, Гоголь пишетъ:

„Итакъ, за комедію не могу приняться, а примусь за исторію—передо мною движется сцена, шумитъ аплодисментъ, рожи высовываются изъ ложъ, изъ райка, изъ креселъ и оскаливаютъ зубы, и—исторія къ чорту“ (I, 245).

Если такъ тѣсно было соприкосновеніе въ 1833 году, при сочиненіи неоконченной комедіи и необязательныхъ историческихъ занятій, то что же говорить о 1835 годѣ, съ его интенсивнѣйшей работой надъ оканчиваемой комедіей и обязательными занятіями исторіей для подготовленія къ лекціямъ?

Рука объ руку шли теперь и историческія, и художественныя думы Гоголя.

Напряженно размышлялъ Гоголь о судьбахъ народовъ, размышлялъ всегда въ обобщающихъ и анализирующихъ очертаніяхъ, потому что собственно самое изложеніе историческихъ событій его никогда не занимало.

Размышлялъ онъ также о гражданскомъ бытѣ и государственномъ устройствѣ, которымъ вообще посвящалъ много вниманія въ своихъ историческихъ статьяхъ и подготовительныхъ набросках.

И въ это же самое время онъ весь горѣлъ творческимъ напряженіемъ, чтобы ярче изобразить порядки и атмосферу того города, судьбами котораго заправлялъ Сквозникъ-Дмухановскій.

Мысли „ужасающаго величія“ возникали у него, когда онъ думалъ о явленіяхъ исторической жизни западно-европейскихъ и восточныхъ народовъ.

Неужели же онѣ его оставляли какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда онъ переходилъ къ явленіямъ русской жизни?

Не забудемъ же того, что „Ревизоръ“ не есть непосредственная фотографія съ живой дѣйствительности, а одно изъ самыхъ сконцентрированныхъ синтетическихъ произведеній, гдѣ все есть обобщеніе, все есть результатъ суммированія отдѣльныхъ чертъ.

Предъ нами, такимъ образомъ, моментъ общаго напряженія именно рефлектирующей стороны гоголевскаго духа, періодъ не непосредственнаго, а глубоко-размышляющаго творчества. Это-то, конечно, и сообщило веселому анекдоту, который Пушкинъ разсказалъ Гоголю, такія грандіозныя очертанія и превратило его въ потрясающую картину всего общественно-государственнаго уклада.

VII.

Гоголь-критикъ.

Если Гоголь-историкъ цѣнится у насъ, обыкновенно, незаслуженно-мало, то Гоголь-критикъ просто мало кому извѣстенъ. Въ обширной литературѣ о Гоголѣ эта сторона его дѣятельности почти никѣмъ не разсматривается.

А, между тѣмъ, она достаточно поучительна и уже вполнѣ безспорно обрисовываетъ Гоголя не только какъ безсознательнаго художника-творца, но и какъ литературнаго судью съ вполнѣ опредѣленными взглядами на задачи литературной дѣятельности.

Первымъ критическимъ опытомъ Гоголя является „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“ въ „Арабескахъ“. Небольшая статья теперь, конечно, никого не можетъ удивить новизною или оригинальностью мыслей. Но для своего времени и въ тотъ моментъ, когда она была написана (1833), статья была выраженіемъ серьезнаго и вдумчиваго литературнаго міросозерцанія. Въ началѣ 30-хъ годовъ слава Пушкина стала меркнуть. Публика, пораженная трескомъ и блескомъ Марлинскаго, отнеслась холодно къ той пластичной простотѣ, которая характеризуетъ творчество Пушкина во вторую, наиболѣе зрѣлую пору его дѣятельности. Въ этотъ-то моментъ читательского охлажденія было, несомнѣнно проявленіемъ мало обычной здравости вкуса, когда Гоголь напомнилъ, что „чѣмъ предметъ обыкновеннѣе, тѣмъ выше надо быть поэту, чтобы извлечь изъ него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочимъ, совершенная истина“. Съ

этой точки зрѣнія онъ скорбѣлъ о томъ, что „недостаточно оцѣнены послѣднія произведенія Пушкина. Опредѣлилъ ли кто „Бориса Годунова“, это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней, неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, пестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа“?

Наибольшій интересъ изъ критическихъ опытовъ Гоголя представляетъ появившаяся анонимно въ 1-й книгѣ пушкинскаго „Современника“ (1836) статья „О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 годахъ“. Свидѣтельствомъ современнаго значенія ея можетъ служить отзывъ Бѣлинскаго, который, разбирая въ „Молвѣ“ первый № „Современника“ и не зная, кому принадлежитъ статья, принялъ ее за profession de foi новой редакціи и по ней судилъ о „духѣ и направленіи“ журнала. Передавая содержаніе статьи, Бѣлинскій считаетъ „за долгъ сказать, что всѣ эти сужденія не только изложены рѣзко, остро и ловко, но даже безпристрастно и благородно“.

Послѣдніе эпитеты Бѣлинскій счелъ нужнымъ прибавить въ виду того, что „авторъ статьи не исключаетъ изъ своей опалы ни одного журнала“. „И хотя“,—прибавляетъ Бѣлинскій,—„его сужденіе и о нашемъ изданіи совсѣмъ не лестно для насъ, но мы не видимъ въ немъ ни злонамѣренности, ни зависти, ни даже несправедливости“ (Бѣлинскій, Соч., по моему изд. т. III, 4). Больше всего Бѣлинскаго привелъ въ восторгъ взглядъ статьи на назначеніе журналистики, характеристика безпринципнаго паясничанія брамбеусовской „Библіотеки для чтенія“ и продажности „Сѣв. Пчелы“.

И это дѣйствительно лучшая часть статьи.

Правда, тутъ не все могло казаться новымъ. Такъ, напр., Бѣлинскій совершенно справедливо говорилъ: „О Библіотекѣ для чтенія“ высказаны истины рѣзкія и горькія для нея, но уже извѣстныя и многими еще прежде сказанныя“. Между прочимъ, самимъ Бѣлинскимъ еще въ концѣ 1834 г., въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“, была дана Брамбеусу страстная отповѣдь, въ которую молодой критикъ вложилъ всю силу присущей ему способности возмущаться пошлостью и безпринципностью. Если я, тѣмъ не

менѣе, ставлю Гоголю въ особую заслугу протестъ противъ имѣвшей огромнѣйшій успѣхъ „Библіотеки“, то потому, что въ частной перепискѣ Гоголь давнымъ-давно возсталъ противъ „Брамбеусины“, какъ онъ выразился въ письмѣ къ Погодину (I, 273).

Въ печати, и при томъ въ очень смягченной формѣ, Гоголь выразилъ свое негодованіе только въ 1836 году въ разбираемой теперь статьѣ. Но въ письмѣ къ Погодину отъ 11 января 1834 г. все это было высказано тотчасъ послѣ выхода первой же, столь поразившей публику, книжки „Библіотеки для чтенія“:

„... подъ ногами у тебя валяется толстый дуракъ, т. е. первый № Смирдинской „Библіотеки“. Кстати о „Библіотекѣ“. Это довольно смѣшная исторія. Сенковскій очень похожъ на стараго пьяницу и забулдыжника, котораго долго не рѣшался впускать въ кабакъ даже самъ цѣловальникъ, но который, однако-жъ, ворвался и бьетъ, очертя голову, сулеи, штофы, чарки и весь благородный препаратъ. Сословіе, стоящее выше Брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается и читаетъ. Начальники отдѣленій и директоры департаментовъ читаютъ и надрываютъ бока отъ смѣху. Офицеры читаютъ и говорятъ: „С... сынъ, какъ хорошо пишетъ“. Помѣщики покупаютъ и подписываются и, вѣрно, будутъ читать. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго хозяйства“ (I, 273).

По этой удивительно-мѣткой характеристикѣ успѣха Брамбеуса Сенковскаго можно подумать, что Гоголь хотя и очень быстро и чутко, но, всетаки, только отразилъ мнѣніе кружковъ, „стоящихъ выше Брамбеусины“. Но въ дѣйствительности, однако, Гоголю безусловно принадлежитъ честь перваго опредѣленія литературной цѣны этого столь важнаго литературнаго явленія тридцатыхъ годовъ. Уже 20 февраля 1833 г., за годъ до выхода „Библіотеки“, когда Брамбеусъ и имени еще никакого не имѣлъ, Гоголь писалъ Погодину:

„Читалъ-ли ты Смирдинское „Новоселье“? Для меня оно замѣчательно тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ показались въ печати такія гадости, что читать мерзко. Прочти Брамбеуса: сколько тутъ и подлости, и вони, и всего“ (I, 246).

Въ этой прозорливости нельзя не усмотрѣть весьма тонкаго пониманія особенностей своего собственнаго творчества.

Дѣло въ томъ, что Брамбеусъ до извѣстной степени писалъ въ томъ же стилѣ, какъ и самъ Гоголь. На грубый вкусъ у нихъ были много общаго. Та же „забавность“, то же остроуміе, которое, къ тому же, какъ ни относиться строго къ Брамбеусу, было у него не заурядное, тѣ же, наконецъ, экскурсы въ сферы, для представителей литературной чопорности казавшіяся „грязью“. Благодаря этой внѣшней близости, получалась возможность для людей‘ неспособныхъ отличать золото отъ мишуры, смѣшивать обоихъ „забавныхъ“ писателей. И ихъ смѣшивали не разъ даже люди, безконечно преклонявшіеся предъ Гоголемъ. Почтенная Марія Ивановна Гоголь, безграничное благоговѣніе которой предъ талантами сына доходило до величайшихъ курьезовъ, прямо въ ярость приводила его, приписывая ему нѣкоторыя повѣсти Брамбеуса (I, 293), казавшіяся ей, какъ и всей провинціи, верхомъ ядовитаго остроумія.

Но Гоголь-то съ перваго момента появленія Брамбеуса понялъ всю глубину бездны, ихъ отдѣляющей, все безграничное несходство внутреннихъ побужденій. Онъ, „копавшійся въ грязи“, чтобы показать, какіе перлы таятся на днѣ ея и чтобы сквозь эту грязь провести людей къ свѣту, онъ, „забавляя“ своихъ читателей, ни на одну минуту не разстававшійся съ тоскою по совершенству, не могъ не отнестись съ истиннымъ омерзѣніемъ къ чисто-клоунскому барахтанію въ грязи Брамбеуса, сознательно спекулировавшаго на возбужденіе низменныхъ инстинктовъ.

Оттого-то онъ и встрепенулся такъ, и нельзя объяснять его отношенія къ Брамбеусу однимъ чувствомъ досады. Тутъ замѣчательны искренность и сила презрѣнія. Извѣстно изъ жизни самыхъ великихъ писателей, что, подъ вліяніемъ очень шумнаго успѣха, въ нихъ зарождалось желаніе подражать вещамъ, безусловно ниже стоящимъ ихъ собственныхъ произведеній. Кому, напр., придетъ въ умъ сопоставлять геніальныя въ своей правдивой простотѣ повѣсти Пушкина съ фейерверочнымъ романтизмомъ повѣстей Марлинскаго? Однако, Пушкинъ далеко не сознавалъ этого превосходства и съ извѣстнымъ чувствомъ не личной, а именно творческой зависти приглядывался къ огромному впечатлѣнію, которое производила эффектная напыщенность

Марлинскаго и кое въ чемъ подражалъ ему. И вотъ почему въ глубочайшемъ и искреннѣйшемъ презрѣніи, именно презрѣніи и нимало зависти, Гоголя къ модному Брамбеусу мы не можемъ не усмотрѣть доказательства полнаго и яснаго разумѣнія свойствъ своего собственнаго творчества.

Отношеніе Гоголя къ модному Брамбеусу, убійственная характеристика сильной своимъ вліяніемъ на среднюю публику „Сѣв. Пчелы" и мѣткое приравниваніе дававшаго всѣмъ свое имя Греча къ „почтеннымъ пожилымъ людямъ", которыхъ „приглашаютъ въ посаженые отцы на всѣ свадьбы", были выраженіемъ тонкаго вкуса Гоголя и умѣнья его понимать литературныя индивидуальности.

Но въ этой же статьѣ Гоголь проявилъ и высокія общія представленія о литературной дѣятельности. Главный упрекъ, съ которымъ онъ обращался къ „Библіотекѣ для чтенія", было отсутствіе у брамбеусовскаго журнала „цѣли". Разсказавъ, какъ блестяще была поставлена Смирдинымъ въ журналѣ издательская часть, какъ много даетъ журналъ своимъ подписчикамъ литературнаго матеріала, какъ много было привлечено хорошихъ писателей, критикъ считаетъ, однако, все это недостаточнымъ:

„Никто не позаботился,—говоритъ онъ,—о весьма важномъ вопросѣ: „долженъ-ли журналъ имѣть одинъ какой-нибудь опредѣленный тонъ, одно уполномоченное мнѣніе, или онъ долженъ быть складочнымъ мѣстомъ всѣхъ мнѣній, всѣхъ толковъ, составить какую-то разнохарактерную ярмонку, гдѣ каждый хлопочетъ о своемъ" (X-ое изд., VI, 329).

„Какая цѣль была редактора этого журнала?—спрашиваетъ опять Гоголь черезъ нѣсколько страницъ.—Какой начерталъ себѣ путь журналъ, что такое избралъ онъ девизомъ, какая свѣтлая мысль, какое доброе, радушное, увлекающее слово скажетъ онъ на воспитаніе всеобщее молодого и великаго нашего отечества" (стр. 331).

А еще черезъ нѣсколько строкъ у Гоголя вырывается удивительно характерная для него тирада:

„Прочитавъ всѣ статьи, помѣщенныя въ этомъ журналѣ, слѣдуя за всѣми словами, сказанными имъ (Сенковскимъ), невольно остановишься въ изумленіи: что это такое? что заставляло писать этого человѣка, когда его не мучило иноднo желаніе сказать еще несказанное свѣту"? (стр. 332).

Въ этихъ словахъ весь Гоголь съ его литературнымъ страданіемъ, съ его страстнымъ стремленіемъ выразить всю полноту своей души, которое подъ конецъ жизни только

приняло трагическіе размѣры, но глубоко сидѣло въ немъ съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ.

А во всѣхъ приведенныхъ выдержкахъ, вмѣстѣ взятыхъ, мы уже видимъ ясныя очертанія того пророчески-высокаго взгляда на задачи писателя, который иной разъ приводилъ къ недостаточно обективно комментируемому у насъ „высокомѣрію“ Гоголя, но которое на самомъ дѣлѣ было только естественнымъ отраженіемъ и великаго его генія, и огромнаго значенія пріобрѣтеннаго русскою литературою.

Требованіе „увлекающаго“ и „несказаннаго свѣту“ слова „на воспитаніе молодого и великаго нашего отечества“ до такой степени составляло святая святыхъ Гоголя, что онъ, видимо, не захотѣлъ даже до поры до времени выступать съ нимъ передъ публикою.

Онъ какъ-будто еще стѣснялся провозглашать лозунгъ, который невольно наводилъ на мысль, что самъ-то авторъ говорилъ слово и „увлекающее“ къ добру и еще „несказанное свѣту“.

Въ печать эти лирическія мѣста его статьи не попали. Я цитировалъ не по тексту, который явился въ „Современникѣ“ и потомъ перепечатывался въ собраніяхъ сочиненій Гоголя, а по черновымъ наброскамъ, впервые напечатаннымъ въ VI томѣ тихонравовскаго (X-го) изданія. Для печати самъ Гоголь, который всегда былъ возвышенъ въ первыхъ своихъ порывахъ, но далеко не всегда оставался на высотѣ этихъ порывовъ въ дальнѣйшихъ стадіяхъ, многое сгладилъ, смягчилъ и обезличилъ. Такимъ образомъ, въ приведенныхъ выдержкахъ предъ нами отрывки изъ задушевнаго дневника, возгласы, вытекшіе изъ того же самаго настроенія, которое сказалось въ одномъ изъ первыхъ же петербургскихъ писемъ Гоголя къ матери, гдѣ онъ мечталъ „разсѣевать благо и работать на пользу міру“ (I, 124).

Экскурсіи Гоголя въ область критики не ограничиваются статьями о Пушкинѣ и движеніи журнальной литературы. Онъ позднѣе не разъ высказывался по литературнымъ вопросамъ. Но мы этого теперь не станемъ касаться, потому что насъ покамѣстъ интересуетъ интеллектуальный міръ Гоголя въ эпоху созданія перваго великаго гражданскаго произведенія его—„Ревизора“.

Какъ самое появленіе статьи Гоголя въ казовой книжкѣ

пушкинскаго „Современника“, такъ и самое содержаніе бойкаго, остроумнаго и благороднаго отпора литературной пошлости и безпринципности произвели, несомнѣнно, большое впечатлѣніе на лучшую часть публики. Дѣлая къ ней кое-какія дополненія, одинъ изъ читателей „Современника“—А. Б. въ „Письмѣ къ издателю“, напечатанному въ 3-ей книжкѣ журнала, между прочимъ, говоритъ:

„Статья о движеніи журнальной литературы по справедливости обратила на себя общее вниманіе“.

Если къ этому присоединить восторги Бѣлинскаго, то едва-ли будетъ надобность дальше останавливаться на доказательствахъ того, что статья выдвигаетъ Гоголя въ первые ряды мыслящихъ людей своего времени.

Предъ нами уже совершенно безспорно не только безсознательно творящій художникъ, но и тонкій представитель рефлексіи.

Прибавимъ только еще одинъ чрезвычайно знаменательный фактъ. Въ своемъ дневникѣ Пушкинъ 7 апрѣля 1834 г. сдѣлалъ такую запись:

„Гоголь, по моему совѣту, началъ исторію русской критики“.

Изъ этой затѣи ничего не вышло. Пока Гоголь не попалъ на настоящій путь, пока огромное впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“, не укрѣпило его окончательно въ сознаніи своихъ великихъ силъ, онъ кидался въ разныя стороны и былъ занятъ планами самыхъ разнообразныхъ не художественныхъ предпріятій. То затѣвалъ онъ исторію Малороссіи и печаталъ въ газетахъ просьбы о присылкѣ ему матеріаловъ, то собирался „дернуть“ исторію среднихъ вѣковъ въ восьми томахъ и т. д. Послѣ „Ревизора“ всѣ эти затѣи разсѣялись какъ дымъ, и Гоголь даже не вспоминалъ о своихъ многочисленныхъ проектахъ. Не вернулся онъ и къ исторіи русской критики.

Но отъ этого самый фактъ пушкинскаго предложенія не теряетъ своей знаменательности.

Какого высокаго мнѣнія о Гоголѣ, какъ мыслящемъ человѣкѣ долженъ былъ быть Пушкинъ, съ его тончайшимъ вкусомъ и разностороннею образованностью, чтобы предложить молодому писателю такую сложную и отвѣтственную литературно-критическую задачу?

VIII.

Опредѣленно-отрицательное отношеніе Гоголя ко всей русской дѣйствительности.

Переходя отъ Гоголя-историка и Гоголя-критика къ Гоголю-творцу „Ревизора“ и вопросу о степени сознательности этого великаго литературно-гражданскаго подвига, считаю очень поучительнымъ вспомнить тутъ исторію происхожденія другого великаго литературно-гражданскаго подвига—тургеневскихъ „Записокъ охотника“.

Мы, съ одной стороны, знаемъ изъ собственныхъ показаній творца ихъ, что „Записки охотника“ были исполненіемъ „аннибаловской клятвы“ бороться съ крѣпостнымъ правомъ. Это не была клятва формальная, вродѣ той, которую на Воробьевыхъ горахъ дали другъ другу Герценъ и Огаревъ. Но настроеніе автора, создавшееся подъ совокупнымъ вліяніемъ знакомства съ европейскою жизнью, просвѣтительныхъ идей кружка Бѣлинскаго и ужасныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ родительскаго дома, было опредѣленное.

Какъ же, однако, сказалось оно?

Въ концѣ 1846 года, когда „Современникъ“ переходилъ въ руки новаго литературнаго поколѣнія, Панаевъ обратился къ Тургеневу съ просьбой дать что-нибудь для первой книжки преобразованнаго журнала. У Тургенева ничего „серьезнаго“ въ портфелѣ не оказалось. Но валялся у него маленькій „пустячекъ“, который онъ и предложилъ Панаеву. Панаевъ радъ былъ и пустячку. Однако, соотвѣтственно

безхитростному типу очерка, помѣстилъ онъ его не въ отдѣлѣ заправской беллетристики, а засунулъ въ отдѣлъ „Смѣси“. А, чтобы окончательно обезоружить какія бы то ни было строгія требованія, Панаевъ къ скромному и безъ того заглавію очерка „Хорь и Калинычъ“ прибавилъ еще подзаглавіе: *(Изъ записокъ охотника)*. Этимъ всякія требованія уже окончательно устранялись: чего же и ждать отъ мимолетныхъ впечатлѣній охотника?

Публика оказалась проницательнѣе и автора, и редактора.

Ударивъ въ нервъ времени, отвѣтивъ потребности лучшихъ сердецъ ласково отнестись къ закрѣпощенному народу, „Хорь и Калинычъ“ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Успѣхъ окрылилъ начинавшаго охладѣвать къ своей литературной дѣятельности Тургенева; онъ въ томъ же тонѣ одинъ за другимъ пишетъ рядъ такихъ же очерковъ, которые, вмѣстѣ взятые, и были блистательнымъ исполненіемъ клятвы.

Однако, какъ ни ясны были свойства успѣха очерковъ, значеніе „Записокъ охотника“ не сразу выяснилось въ полной мѣрѣ.

Великій литературный прозорливецъ Бѣлинскій видѣлъ въ Тургеневѣ не больше, какъ писателя далевскаго типа. И въ то время, какъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже стоящій „Антонъ Горемыка“ Григоровича произвелъ на него потрясающее впечатлѣніе, появившіеся при его жизни превосходные первые очерки „Записокъ охотника“, сравнительно, тронули его мало.

Окончательно значеніе „Записокъ охотника“ установилось позже.

Разсказанный эпизодъ въ высшей степени характеренъ и вводитъ вопросъ о сознательности творчества въ надлежащія границы.

Если бы мы не знали, что „Записки охотника“ представляютъ собою исполненіе клятвы, мы бы имѣли тутъ яркое подтвержденіе извѣстнаго уже намъ мнѣнія Бѣлинскаго, что творчество геніевъ вообще и Гоголя въ частности идетъ путемъ безсознательнымъ. Но такъ какъ мы знаемъ совершенно точно, что „Записки охотника“—это един-

ственно *геніальное* произведеніе въ ряду просто первоклассныхъ произведеній Тургенева—имѣли своимъ источникомъ совершенно опредѣленное намѣреніе, выводъ получается иной. Мы убѣждаемся, что въ тѣхъ случаяхъ, когда данная мысль и данное настроеніе насквозь, органически проникаютъ писателя, когда эта мысль и это настроеніе сложились въ душѣ писателя совершенно ясно и отчетливо, то нѣтъ того „пустячка", въ которомъ все это не сказалось бы въ полной силѣ. И достаточно самаго внѣшняго повода, какимъ по отношенію къ Тургеневу былъ успѣхъ перваго очерка, чтобы вдохновеніе забило ключемъ и вывело-бы на свѣтъ Божій все скопившееся на днѣ творческой души настроеніе.

И вотъ такое-то *органическое* проникновеніе можно вполнѣ прослѣдить въ „Ревизорѣ".

Если Гоголь даже и не предвидѣлъ всѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать изъ его комедій, какъ не предвидѣлъ и Тургеневъ широкихъ выводовъ изъ скромнаго „Хоря и Калиныча", то, все-таки, несомнѣнно можно установить, что ни одна деталь въ „Ревизорѣ" не выскочила случайно.

Всѣ части картины находятся въ тѣснѣйшей связи съ тѣми вполнѣ опредѣленными взглядами на отдѣльныя стороны и явленія русской жизни, которые сложились у Гоголя въ эпоху созданія комедіи. Переписка намъ даетъ совершенно опредѣленное указаніе, что злая и безпощадная картина зародилась въ моментъ, когда Гоголь, по собственному знаменательному опредѣленію, чувствовалъ въ себѣ особенный приливъ „правды и злости".

„Правда и злость" были заложены въ самый фундаментъ всего нравственнаго существа Гоголя и съ дѣтскихъ лѣтъ составляли самую яркую особенность великаго меланхолика.

Уже въ 18 лѣтъ, вспоминая „прошлое", онъ пишетъ своему другу Высоцкому:

„Съ *первоначальнаго* нашего здѣсь (въ Нѣжинѣ) пребыванія уже мы поняли другъ друга, а глупости людскія уже рано сроднили насъ; вмѣстѣ *мы осмѣивали ихъ*" (I, 55).

Съ годами, по мѣрѣ того, какъ расширялся умственный

горизонтъ Гоголя, росла въ немъ и опредѣленность отрицательнаго отношенія къ окружающей обстановкѣ и къ эпохѣ созданія „Ревизора“. Гоголь былъ „консерваторомъ“ самаго страннаго сорта.

Безусловный теоретическій поклонникъ существующаго уклада общественно-государственной жизни, разсматриваемаго какъ цѣлое, онъ къ каждой ея детали относился безусловно отрицательно.

Достаточно для этого прослѣдить его отношеніе къ отдѣльнымъ сословіямъ.

Не стоитъ, конечно, сколько-нибудь подробно останавливаться на томъ, какъ относился Гоголь къ чиновничеству: слишкомъ уже связано въ умѣ каждаго читателя имя великаго сатирика съ бичеваніемъ чиновническихъ злоупотребленій и бездушія.

Но интересно будетъ отмѣтить ту глубину презрѣнія, которую питаетъ Гоголь къ чиновничеству и которая рѣзко отдѣляетъ его отъ другихъ писателей, до него бичевавшихъ взяточничество, напр., Капниста.

Для Гоголя чиновникъ не злодѣй, а пошлякъ и ничтожество по преимуществу.

Чтобы хронологически не отходить отъ „Ревизора“, вспомнимъ написанное въ 1833 году „Утро дѣлового человѣка“. Тутъ нѣтъ „бичеванія“, а все насквозь пропитано какимъ-то безграничнымъ презрѣніемъ, желаніемъ выяснить полное ничтожество человѣка, занимающаго очень видный постъ, хотя всѣ его таланты заключаются въ умѣніи слѣдить за каллиграфіей идущихъ къ министру бумагъ. И это общая черта почти всѣхъ чиновниковъ Гоголя: въ нихъ нѣтъ даже простой дѣловитости, они только и умѣютъ что чваниться, кричать на подчиненныхъ, да самымъ грубымъ и элементарнымъ образомъ брать взятки. За исключеніемъ „весьма, по своему, не глупаго“ городничаго, въ огромной галлереѣ гоголевскихъ чиновниковъ и администраторовъ нѣтъ ни одного, которому можно было бы сдѣлать такой сомнительный комплиментъ, что онъ тонкій мошенникъ или хоть и „бестія“ и „шельма“, но „умная“.

Тѣмъ же безграничнымъ пренебреженіемъ проникнуто отношеніе Гоголя къ сословію, которое въ огромномъ боль-

шинствѣ его современниковъ почти не возбуждало къ себѣ критическаго отношенія.

Я говорю о военныхъ.

Для декабриста Марлинскаго, для Лермонтова съ его „горечью и злостью“, съ понятіемъ „офицеръ“ почти всегда связано представленіе о чемъ-то, во всякомъ случаѣ, молодомъ, свѣжемъ, сплошь да рядомъ блестящемъ и увлекательномъ.

Для Гоголя же офицеръ всегда какой-то синонимъ глупости и пошлости, а часто кое-чего и похуже.

Самый типичный изъ военныхъ, фигурирующихъ въ произведеніяхъ Гоголя эпохи „Ревизора“—поручикъ Пироговъ не обладаетъ даже самою элементарною добродѣтелью своего сословія: онъ не храбръ и въ дѣлахъ „чести“ весьма покладистъ. Если „перекидываніе карточками“ принимаетъ трагическій характеръ, то уже тутъ непремѣнно на сценѣ военный и даже не малаго чина. Хлестакова на станціи „срѣзалъ“ на штосѣ пѣхотный капитанъ, а „господинъ маіоръ“ въ первоначальномъ наброскѣ „Коляски“—*въ печати это исчезло*—прямо и рекомендованъ авторомъ какъ „страшный шулеръ“ (X-ое изд. подъ ред. Тихонравова, т. VI, 374).

Не удивительно при такомъ отношеніи, что сообщеніе Максимовичу о томъ, что на открытіе Александровской колонны съѣхалось много военныхъ, у Гоголя вылилось въ такой нѣжной формѣ:

„*Офицерья* и солдатства страшное множество. Говядина и водка вздорожали страшно“ (I, 321).

Отношеніе Гоголя къ высшимъ сословіямъ, хотя и не могло сказаться въ печати въ полной мѣрѣ, все же-таки достаточно опредѣленно.

Косвенно оно сказалось тѣмъ, что въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя нѣтъ и тѣни того инстинктивнаго преклоненія предъ большимъ свѣтомъ, которое такъ ярко чувствуется даже у Пушкина и Лермонтова, несмотря на громы негодованія противъ великосвѣтской пустоты и бездушія. Негодуютъ противъ чего-то сильнаго. А для Гоголя свѣтскость всегда была синонимомъ жеманничанія и ломанія и, вышутивъ великосвѣтскость второго

разбора въ лицѣ губернской аристократіи „Мертвыхъ душъ“, онъ нигдѣ не противопоставилъ ей „настоящую“ великосвѣтскость, какъ это дѣлаютъ и Лермонтовъ, и Марлинскій, и Сологубъ.

Для Гоголя даже не существовала „поэзія бала“, такъ обаятельно дѣйствовавшая на всѣхъ писателей 30-хъ и 40-хъ годовъ: вспомнимъ пять „Мертвыя души“, гдѣ балъ у губернатора описывается съ тѣмъ же подсмѣиваніемъ и подхихикиваніемъ, какъ вечеринка у сослуживцевъ Акакія Акакіевича.

Но всѣ эти косвенныя указанія, однако, совершенно блѣднѣютъ предъ категоричностью той общей формулировки, которую Гоголь даетъ въ письмѣ къ Погодину отъ 1 февраля 1833 года. Рѣчь идетъ о будущей драмѣ Погодина „Борисъ Годуновъ“:

„Если вы хотите непремѣнно вынудить изъ меня примѣчаніе, то у меня только одно имѣется: ради Бога, прибавьте боярамъ нѣсколько глупой физіономіи. Это необходимо. Такъ даже, чтобы они непремѣнно были смѣшны. *Чѣмъ знатнѣе, чѣмъ выше классъ, тѣмъ онъ глупѣе. Это вѣчная истина. А доказательство въ наше время*“. (I, 236).

Отношеніе Гоголя къ буржуазіи того времени—купечеству, въ которомъ и тогда уже находили множество „истинно-русскихъ“, добродѣтелей превосходитъ всякую мѣру презрѣнія. Гоголевскіе купцы это уже исключительно мошенники, лишенные образа человѣческаго, съ которыми никто иначе не разговариваетъ какъ на *ты* и приэтомъ прямо въ лицо называетъ ворами.

Отношеніе Гоголя къ народу составляетъ великій грѣхъ его.

На крѣпостного мужика онъ смотритъ какъ на неопрятнаго, глупаго скота, которому не слѣдуетъ давать ни малѣйшей потачки, и „отлыниваніе“ мужика отъ работы на барина Гоголь самымъ искреннимъ образомъ считалъ преступленіемъ со стороны мужика и проявленіемъ заслуживающей всякаго порицанія „нехозяйственности“ со стороны барина.

Но я теперь этой стороны общественныхъ идеаловъ Гоголя не стану касаться.

Подойдемъ къ нему не какъ къ теоретику, а какъ къ *наблюдателю*.

И тогда выяснится слѣдующее. Всю жизнь Гоголь дѣйствительно оставался человѣкомъ, который ни разу не усумнился въ необходимости и нормальности крѣпостного права. Это безспорно. Но, поосновнымъ качествамъ своего дарованія неспособный отступать отъ жизненной правды, Гоголь въ эпоху расцвѣта своего таланта никогда не идеализировалъ крѣпостной дѣйствительности. Никогда онъ, подобно другимъ теоретикамъ крѣпостного права, не рисовалъ идилліи народно-крѣпостного быта, и крестьянскаго довольства вы у него не найдете. Кромѣ имѣнія Коробочки, почти всѣ остальные мужики „Мертвыхъ душъ“ въ самомъ жалкомъ положеніи.

Пусть все это приводится въ тѣснѣйшую связь съ помѣщичьей безпечностью, и пусть на покосившуюся крестьянскую избу Гоголь смотритъ съ тѣмъ же укоромъ нерадивому помѣщику, съ какимъ мы смотримъ на скверный хлѣвъ, уменьшающій выгоды молочнаго хозяйства.

Самый фактъ, однако, остается во всей своей неприкосновенности, и въ ту мозаичную картину, въ которую кусочками мы вставляемъ отношеніе Гоголя къ отдѣльнымъ сторонамъ русской жизни, благоденствіе крѣпостного мужика никоимъ образомъ не входитъ.

И не слѣдуетъ приэтомъ думать, что представленіе о народной бѣдности безсознательно жило въ творческой душѣ Гоголя просто какъ картина, которую онъ затѣмъ и воплощалъ въ художественныхъ произведеніяхъ своихъ.

Въ изданныхъ только въ 1896 году гоголевскихъ отрывкахъ и наброскахъ я наткнулся на чрезвычайно любопытную рецензію, предназначенную для пушкинскаго „Современника“ 1836 г., но въ печать не попавшую.

Можетъ быть потому, что онъ служилъ когда-то въ департаментѣ удѣловъ, Гоголь взялся написать рецензію о книгѣ „Обозрѣніе сельскаго хозяйства удѣльныхъ имѣній 1832 и 1833 гг.“ и здѣсь разсуждаетъ о причинахъ „младенческаго состоянія“ русскаго земледѣлія. Виноватъ, главнымъ образомъ, мужикъ!

„Что же такое русскій крестьянинъ? Онъ раскинутъ, или, лучше сказать, разсѣянъ, какъ сѣмена, по обширному полю, изъ котораго будетъ

густой хлѣбъ, но только не скоро. Онъ живетъ уединенно въ деревняхъ, отдѣленныхъ большими пространствами, удаленныхъ отъ городовъ,—и городовъ мало чѣмъ богатѣе иныхъ деревень. Лишенный живого, быстраго сообщенія, онъ еще довольно грубъ, мало развитъ и имѣетъ самыя бѣдныя потребности. *Возьмите жизнь земледѣльца—скверна и вредна.* У него пища однообразна: ржаной хлѣбъ и щи,—одни и тѣ же щи, которыя онъ ѣстъ каждый день. Возлѣ дома его нѣтъ даже огорода. У него нѣтъ никакой потребности наслажденія. Много-ли ему нужно трудовъ и усилій, чтобы достать такую пищу? И какое другое желаніе можетъ занять его по удовлетвореніи этой первой нужды, когда окружающая его глубокая простота никакой не можетъ подать идеи"? (X-ое изд. т. VI, 364).

Какъ ни отнестись по существу къ нападкамъ на мужика за то, что „у него нѣтъ никакой потребности наслажденія", знаменательно тутъ ясное и отчетливое представленіе, что жизнь мужика „скверна и вредна". Въ печати эта яркая формула, нѣтъ сомнѣнія, совершенно бы обезцвѣтилась, но теперь она во всей неприкосновенности выразила представленія автора о житьѣ-бытьѣ крѣпостной массы.

Итакъ, вотъ та общая картина, которая слагается изъ отдѣльныхъ представленій „консервативнаго" автора „Ревизора" объ отдѣльныхъ элементахъ современнаго ему общественно-государственнаго уклада.

Жизнь народа „скверна и вредна", купцы—сплошные воры, чиновники и судьи продажны и ничтожны, военное сословіе пошло и лишено нравственныхъ основъ, высшіе классы „смѣшны и глупы". Къ этому слѣдуетъ прибавить выходки противъ „глупой цензуры" (I, 338) и сѣтованія на людей „недальняго ума", которыхъ „у насъ немало на первыхъ мѣстахъ" (I, 270—271).

Я предвижу возраженіе, что подобранныя мною изъ разныхъ мѣстъ отрицательныя воззрѣнія Гоголя на отдѣльныя явленія русской жизни составляютъ, все же, не больше какъ мозаику?

Можетъ быть отдѣльные куски этой мозаики, хотя и однородные, только механически прилажены и нѣтъ въ нихъ широкаго, органически-цѣльнаго размаха одной и той же кисти?

Можетъ быть, приступая къ комедіи, Гоголь просто выводилъ одно лицо за другимъ, а общій мрачный колоритъ

создался самъ собою отъ постояннаго мелькания передъ глазами отдѣльныхъ темныхъ фигуръ?

Тутъ всего проще было бы отвѣтить собственнымъ заявленіемъ Гоголя въ „Авторской исповѣди“ (1848):

„Я увидѣлъ, что въ сочиненіяхъ моихъ (раннихъ) я смѣюсь даромъ, напрасно, самъ не зная зачѣмъ. Если смѣяться, такъ ужъ лучше смѣяться сильно, и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянья всеобщаго. *Въ „Ревизорѣ“ я рѣшился собрать въ кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше требуется отъ человѣка справедливости*, и за одинъ разъ посмѣяться надъ всѣми“.

Если-бы Бѣлинскому было извѣстно это опредѣленное заявленіе, онъ, надо думать, не сталъ бы такъ категорически утверждать, что Гоголь творилъ безсознательно.

Но и намъ, однако, не слѣдуетъ придавать чрезмѣрное значеніе категоричности гоголевскаго заявленія.

Черезъ долгій промежутокъ многое кажется намъ гораздо болѣе цѣльнымъ и стройнымъ, чѣмъ оно было въ дѣйствительности. Несравненно цѣннѣе поэтому вполнѣ точныя *современныя* данныя о настроеніи, изъ котораго вышелъ „Ревизоръ“. Эти данныя связаны съ исторіей неоконченной комедіи Гоголя „Владиміръ 3-й степени“.

„Владиміръ 3-ей степени“ мало кому извѣстенъ подъ своимъ первоначальнымъ именемъ. Но всякій, конечно, знаетъ поразительное по своей ядовитости „Утро дѣлового человѣка“, которое вмѣстѣ съ „Лакейскою“, „Тяжбою“ и „Отрывкомъ“ составляютъ уцѣлѣвшіе обломки комедіи, либо сожженной Гоголемъ, либо вовсе неоконченной. Гоголь страшно былъ занятъ своею комедіею весь конецъ 1832 и большую часть 1833 года. Послушаемъ его собственный разсказъ о томъ, что творилось тогда въ его душѣ. 20 февраля 1833 г. онъ объясняетъ Погодину, почему не двигается начатое имъ историко-географическое сочиненіе „Земля и люди“:

„Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого спокойнаго времени. Я не знаю, отчего я теперь такъ *жажду современной славы. Вся глубина души такъ и рвется наружу.* И я до сихъ поръ

не написалъ ровно ничего. Я не писалъ тебѣ: я помѣшался на комедіи. Она, когда я былъ въ Москвѣ, въ дорогѣ, и когда я пріѣхалъ сюда, не выходила изъ головы моей, но до сихъ поръ я ничего не писалъ. Уже и сюжетъ было на дняхъ началъ составляться, уже и заглавіе написалось на бѣлой толстой тетради: „Владиміръ 3-й степени", и *ско ько злости, смѣха и соли!...* Но вдругъ остановился, увидѣвши, что перо такъ и толкается объ *такія мѣста, которыя цензура ни за что не пропуститъ.* А что изъ того, когда піеса не будетъ играться: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она какъ душа безъ тѣла. Какой же мастеръ понесетъ на показъ народу неоконченное произведеніе?—мнѣ больше ничего не остается, какъ выдумать сюжетъ самый невинный, которымъ бы даже квартальный не могъ обидѣться. *На что комедія безъ правды и злости*"? (I, 205).

Послѣдняя фраза, столь замѣчательная по силѣ сказавшагося въ ней сконцентрированнаго настроенія, имѣетъ, конечно, первостепенное значеніе не только для исторіи „Владиміра 3-ей степени".

Какъ великолѣпна формула: „что комедія безъ правды и злости!"

Наравнѣ съ „незримыми слезами сквозь видимый міру смѣхъ", она даетъ ключъ для уразумѣнія всей сущности гоголевскаго творчества и совершенно не понятно, почему до сихъ поръ это удивительно мѣткое самоопредѣленіе не стало крылатымъ.

Въ частности по отношенію къ „Ревизору", гоголевская формула имѣетъ не только критическое, но и непосредственное, генетическое значеніе, потому что, не закончивъ „Владиміра 3-й степени", Гоголь *немедленно* принимается за „Ревизора". „Ревизоръ" въ 1836 году только появился на сценѣ, но, какъ всѣ гоголевскія произведенія, задуманъ задолго до того. Въ срединѣ 1834 года уже почти была готова вся первоначальная редакція „Ревизора". А такъ какъ эта редакція, уступая позднѣйшей въ отдѣлкѣ чисто-художественной, гораздо рѣзче въ своихъ обличительныхъ стремленіяхъ [1]), то совершенно ясно, что въ замыслѣ „Ре-

---

[1]) Это сравненіе еще не сдѣлано въ критической литературѣ о Гоголѣ, и, чтобы не быть бездоказательнымъ, приведу наудачу нѣсколько образчиковъ.

Въ первой сценѣ городничій читаетъ письмо Чмыхова:

„такъ какъ я знаю, что за тобою, какъ за всякимъ, водятся грѣшки,

визора“ сказалось все настроеніе „Владиміра 3-й степени“, весь приливъ „правды и злости“, охватившей тогда Гоголя.

Потерявъ надежду выразить его въ одной комедіи, Гоголь ухватывается за анекдотъ, разсказанный ему Пушкинымъ въ концѣ 1833 года, не остывъ еще отъ „Владиміра“, тотчасъ берется за „Ревизора“, и одно и то же настроеніе отливается только въ новую форму, оставаясь по существу тѣмъ же самымъ.

Таковъ моментъ зарожденія „Ревизора“.

Предъ нами опредѣленное, цѣльное, ясное настроеніе, и теперь исторія происхожденія великой комедіи, извѣстная намъ изъ „Авторской исповѣди“, можетъ считаться вполнѣ вѣрнымъ историческимъ свидѣтельствомъ.

Гоголь, такимъ образомъ, создавая „Ревизора“, не, только опредѣленно и обдуманно относился къ каждой детали, не только сознательно собиралъ здѣсь „все дурное въ Россіи“, не только весь горѣлъ „правдою и злостью“, но даже опредѣленно зналъ, что его „правда“ нецензурна, жаловался всѣмъ друзьямъ на безвыходность своего положенія, такъ что Пушкинъ справляется о „Владимірѣ 3-ей сте-

---

потому что ты человѣкъ умный и не любишь пропускать того, что плыветъ въ руки...“ (*остановясь*), ну, здѣсь свои“...

Въ первоначальной редакціи это мѣсто гораздо рѣзче и послѣ словъ „плыветъ въ руки“ читаемъ:

„то я совѣтую тебѣ взять предосторожность и *удержаться на время отъ прибыточной стрижки, какъ называешь взносы со стороны просителей и непросителей*“.

Во второй сценѣ второй редакціи городничій въ разговорѣ съ почтмейстеромъ какъ-бы лично придумываетъ способъ перлюстраціи писемъ.

„этакъ немножко распечатать и прочитать, не содержится-ли въ немъ какого-нибудь донесенія или просто переписки. Если-же нѣтъ, то можно опять запечатать“.

А изъ первой редакціи мы узнаемъ, что не одинъ городничій додумался до этого средства; послѣ словъ „опять запечатать“ первый набросокъ прибавляетъ:

„*для этого есть разныя глиняныя формы*“.

Въ этомъ родѣ всѣ отличія первой редакціи отъ второй, менѣе вызывающей и не столь рѣзкой.

пени“ въ такой формѣ: „Кланяюсь Гоголю; что его комедія, въ ней же *закорючка*?“.

Дальше уже, конечно, никакая сознательность идти не можетъ, и потому высокое гражданское значеніе „Ревизора“ дѣлаетъ и автора его писателемъ-гражданиномъ по преимуществу.

IX.

Глубина гоголевскаго анализа.

Огромное и ярко опредѣленное впечатлѣніе, произведенное „Ревизоромъ“, кладетъ, во всякомъ случаѣ, конецъ какимъ бы то ни было разговорамъ о безсознательности творчества во *вторую* половину литературной дѣятельности Гоголя.

Если даже допустить возможность, что Гоголь раньше не вѣдалъ, что творилъ, что какимъ-то образомъ вся „злость и правда“, которую „цензура не пропуститъ“, дѣйствовали въ немъ стихійно, то уже теперь объ этомъ физически не можетъ быть рѣчи.

Потрясающее впечатлѣніе перваго же представленія „Ревизора“ (19 апр. 1836 г.) не оставляло никакихъ сомнѣній ни относительно силы взмаха сатирическаго бича, ни относительно того, противъ чего онъ былъ направленъ.

Иные усмотрѣли тутъ только „глупую фарсу“, какъ аттестовалъ пьесу Никитенкѣ графъ Канкринъ („Дневникъ“, т. I, стр. 369). Но большинство поняло, что рѣчь идетъ не только о томъ захолустьѣ, отъ котораго хоть три года скачи, ни до какой границы не доскачешь. Присутствовавшій на представленіи императоръ Николай сказалъ: „всѣмъ досталось, а больше всего мнѣ“.

Черезъ 10 дней послѣ перваго представленія Гоголь пишетъ Щепкину:

„Всѣ противъ меня. Чиновники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерз-

нулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ: полицейскіе противъ меня. Если бы не высокое заступничество Государя, пьеса моя не была бы ни за что на сценѣ, и уже находились люди, хлопотавшіе о запрещеніи ея“ (I, 369).

Это, какъ ему казалось, „общее“ осужденіе на первыхъ порахъ какъ-будто подѣйствовало на Гоголя угнетающимъ образомъ.

По разсказу Анненкова, Гоголь прямо изъ театра пріѣхалъ къ своему закадычному другу, поэту Н. Я. Прокоповичу, гдѣ собралось нѣсколько человѣкъ, и все время былъ раздраженъ и разстроенъ до крайности. Когда Прокоповичъ со словами: „полюбуйтесь на сынка!“ поднесъ ему только что вышедшій экземпляръ „Ревизора“, Гоголь швырнулъ книгу на полъ, подошелъ къ столу и, опираясь на него руками, задумчиво сказалъ:

„Господи Боже! Ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ“... (Анненковъ, „Воспоминанія и критическіе очерки“, т. I, стр. 193).

Письма, относящіяся къ апрѣлю, маю и іюню 1836 года полны глубокой тоски, и Гоголь во „всеобщемъ“ ожесточеніи, вызванномъ „Ревизоромъ“, видитъ угрозу всей своей будущей литературной дѣятельности:

„Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ: что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы,—меня заботитъ моя печальная будущность. Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти. Малѣйшая черта ея—и какъ тогда заговорятъ мои соотечественники!“ (I, 377).

Наиболѣе яркимъ выраженіемъ угнетеннаго состоянія Гоголя было его бѣгство за-границу.

Его звали въ Москву, гдѣ его ждала блестящая постановка „Ревизора“ и восторженная любовь московскихъ друзей—Аксаковыхъ, Погодина, Щепкина, но онъ отъ всего отказывается.

„Чувствую,—пишетъ онъ Погодину,—что теперь не до-

ставитъ мнѣ Москва спокойствія, а я не хочу пріѣхать въ такомъ тревожномъ состояніи, въ какомъ нахожусь нынѣ. Ѣду за-границу, тамъ размыкаю ту тоску, которую наносятъ мнѣ ежедневно мои соотечественники. Писатель современный, писатель комическій, писатель нравовъ долженъ подальше быть отъ своей родины. Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ“ (I, 370).

Одновременно съ тоской, письма Гоголя эпохи первой постановки „Ревизора“ полны того, что при первомъ взглядѣ можно было бы счесть отказомъ отъ болѣе глубокаго толкованія, которое дало великой комедіи начинавшее пробуждаться общественное самосознаніе.

Гоголь прилагаетъ немалыя старанія къ тому, чтобы ослабить обобщающіе выводы, возможность которыхъ съ необычайною чуткостью тотчасъ же предугадали Булгаринъ съ братіею. Въ томъ же письмѣ, гдѣ онъ извѣщаетъ Погодина о своемъ рѣшеніи ѣхать за-границу, чтобы „размыкать тоску“, онъ говоритъ съ горечью, которая можетъ служить немалою опорою для теоріи безсознательности творчества Гоголя:

„Что противъ меня уже рѣшительно возстали теперь всѣ сословія, я не смущаюсь этимъ, но какъ-то тягостно, грустно, когда видишь противъ себя несправедливо возстановленныхъ своихъ же соотечественниковъ, которыхъ отъ души любишь, когда видишь, какъ *ложно*, въ какомъ невѣрномъ видѣ ими все принимается. *Частное принимать за общее, случай за правило*“ (I, 371).

Чрезъ нѣсколько дней онъ опять возвращается къ нападкамъ Булгарина, котораго на этотъ разъ угодничество сдѣлало прозорливымъ критикомъ:

„Грустно, когда видишь, что *глупѣйшее* мнѣніе ими же опозореннаго и оплеваннаго писателя дѣйствуетъ на нихъ же самихъ и ихъ же водитъ за носъ: грустно, когда видишь, въ какомъ еще жалкомъ состояніи находится у насъ писатель. Всѣ противъ него, и нѣтъ никакой сколько-нибудь равносильной стороны за него. „Онъ зажигатель! Онъ бунтовщикъ!“ И кто же говоритъ? Это говорятъ мнѣ люди государственные, люди выслужившіеся, опытные, люди, которые должны бы имѣть на сколько-нибудь ума, чтобъ понять дѣло въ *настоящемъ* видѣ“ (I, 377).

Было бы, однако же, очень грубою ошибкою думать, что подавленность Гоголя, вызванная враждебнымъ отношеніемъ вліятельной части публики, была сколько-нибудь глубока.

Вся эта подавленность и тоска были исключительно внѣшнія.

Въ глубинѣ души страшный шумъ, возбужденный „Ревизоромъ", при всей своей враждебности, чрезвычайно высоко поднялъ внутреннее самосознаніе Гоголя.

Оно было велико и до того.

Уже въ самыхъ раннихъ письмахъ своихъ Гоголь не разъ высказываетъ убѣжденіе, что ему предстоитъ что-то очень большое въ жизни. Крупный успѣхъ, выпавшій на его долю почти съ первыхъ же шаговъ на литературномъ поприщѣ, укрѣпилъ его въ этой увѣренности и даже сообщилъ его поведенію налетъ надменности. Въ значительной степени извѣстное враждебное чувство, которое къ нему питали даже такіе представители новыхъ литературныхъ теченій какъ Никитенко, было вызвано тѣмъ, что во всемъ его существѣ сквозило очень ужъ большое мнѣніе о себѣ.

Но теперь самосознаніе Гоголя начинаетъ принимать размѣры совершенно исключительные. Оно выразилось прежде всего въ обычной ему религіозной формѣ.

„Нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой" (I, 378), безъ всякихъ оговорокъ говоритъ онъ Погодину въ концѣ письма, гдѣ разсказаны „оскорбленія и непріятности", связанныя съ „Ревизоромъ".

А въ чисто литературномъ отношеніи подъемъ сказался необыкновеннымъ приливомъ творческой увѣренности. Уже въ первомъ письмѣ (къ Жуковскому) изъ-за границы, отъ 28—16 іюня 1836 г., онъ говоритъ о себѣ:

„Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя. Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. *Львиную силу чувствую въ душѣ своей*". (I, 384).

Въ дальнѣйшихъ письмахъ безграничная увѣренность Гоголя въ своихъ силахъ все растетъ и растетъ, такъ что въ общемъ всего менѣе можетъ идти рѣчь о подавленности. Совсѣмъ наоборотъ, любители пріурочить Гоголя къ области психіатріи могутъ въ его развившемся именно послѣ „Ре-

визора“ необыкновенно высокомъ представленіи о своемъ призваніи найти весьма благодарный матеріалъ для утвержденія, что имъ овладѣла настоящая манія величія. Но это уже другая сторона вопроса, которой удобнѣе коснуться въ связи съ настроеніемъ Гоголя въ эпоху подготовленія „Переписки съ друзьями“.

Безконечно, однако, важнѣе и характернѣе вызваннаго „Ревизоромъ“ повышеннаго самосознанія Гоголя то, что менѣе всего измѣнилось послѣ яростныхъ нападеній Булгарина и К° рѣзко-обличительное направленіе Гоголя, съ такою силою сказавшееся въ комедіи. „Мертвыя души“ показываютъ, что крики „зажигатель“, „бунтовщикъ“ оказались совершенно безсильными отклонить Гоголя отъ того пути, на который его направляли основныя свойства таланта. Еще съ несравненно большею остротою затосковалъ онъ теперь оттого, что такъ „грустна наша Россія“.

Единство настроенія и тона „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ глубоко знаменательно.

Если вообще всякое долголѣтнее творческое единство свидѣтельствуетъ объ органичности настроенія, о томъ, что оно вытекло изъ цѣльнаго душевнаго склада, то въ данномъ случаѣ оно еще несравненно характернѣе, потому что крики, поднявшіеся по поводу „Ревизора“, заставили Гоголя пристально заняться свойствами своего дарованія. Прямо и опредѣленно объясняетъ онъ Погодину цѣль своей заграничной поѣздки:

„Ѣду разгулять свою тоску, *глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія*“ (I, 378).

И это всего менѣе была фраза.

Какъ ни подойти къ заявленію разстроеннаго враждебными криками автора „Ревизора“, нельзя не видѣть въ немъ вполнѣ реальнаго желанія углубиться въ самого себя. При томъ недовѣріи къ искренности Гоголя, которое было даже у лучшихъ друзей его, можно, конечно, скептически отнестись къ высокопарной оболочкѣ рѣшенія „обдумать свои обязанности авторскія“. Но даже при этомъ невысокомъ мнѣніи о Гоголѣ, при убѣжденіи, что онъ будто бы всегда былъ себѣ-на-умѣ, никто уже не станетъ спорить, по крайней мѣрѣ, противъ того, что Гоголь стремился тутъ

наилучшимъ образомъ устроить свои литературныя дѣла. Даже съ узко-практической точки зрѣнія Гоголю надо было обдумать свои будущія творенія, чтобы опять не натолкнуться на такой пріемъ, какой встрѣтилъ „Ревизоръ“.

И если, тѣмъ не менѣе, Гоголь пошелъ по старому пути, то, значитъ, уже слишкомъ ясно чувствовалъ, что не можетъ онъ свернуть на другой путь.

Какъ ни „обдумывалъ“ онъ свои „авторскія обязанности“ и свои „будущія творенія“, а въ результатѣ явились „Мертвыя души“ съ ихъ сокрушающимъ отрицаніемъ, явилась „Шинель“, гдѣ сдѣланъ еще шагъ впередъ въ томъ же направленіи, потому что тутъ не только разрушена и сметена старая нечисть, но и данъ свѣтлый лозунгъ всей новѣйшей русской литературы, съ ея борьбой за униженныхъ и оскорбленныхъ.

Но самымъ яркимъ и рѣшающимъ доказательствомъ того, что рѣшеніе „обдумать свои авторскія обязанности“ не есть громкая фраза, сказанная для красоты слога, является „Театральный разъѣздъ“, который начатъ былъ въ годъ постановки „Ревизора“, а появился только въ 1842 г., одновременно съ „Мертвыми душами“. Онъ, значитъ, обдумывался, разрабатывался и, по гоголевскому обыкновенію, десятки разъ передѣлывался въ то же самое время, когда зрѣла, писалась и тоже на разные лады выправлялась и обсуждалась въ творческомъ настроеніи Гоголя великая „поэма“.

„Театральный разъѣздъ“ не только принадлежитъ къ числу самыхъ подробныхъ анализовъ „Ревизора“, но вмѣстѣ съ тѣмъ является цѣлымъ трактатомъ о задачахъ комедіи вообще и комедіи общественной въ частности.

Въ десяткахъ лицъ, проходящихъ предъ читателемъ либо съ какой-нибудь яркой фразой, либо съ подробнымъ изложеніемъ своего міросозерцанія, выражены всѣ мнѣнія и всѣ толки, возбужденные комедіей. Отъ лицъ, на которыхъ она просто никакого впечатлѣнія не произвела и „беззаботныхъ на счетъ литературы“ въ такой степени, что пьеса кажется имъ переводомъ съ французскаго, до тѣхъ, которыя настолько прозорливы, что полагаютъ: „за такую комедію тебя бы въ Нерчинскъ“, Гоголь не оставилъ безъ

левскихъ самоопредѣленій съ самоопредѣленіями другихъ, не менѣе его великихъ писателей-творцовъ, чтобы оцѣнить ихъ значеніе и понять, почему они получали такую власть надъ критикою.

Возьмемъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя бы пушкинскій „Памятникъ", писанный, когда и самому Пушкину и читающей публикѣ казалось, что все литературное поприще его пройдено, когда открывалась широкая перспектива на всю творческую жизнь. И какъ тутъ, все-таки, мало опредѣленно очерчена литературная физіономія великаго поэта.

Конечно, вполнѣ оправдались пророчества, что не „заростетъ народная тропа" къ его памятнику, что „душа въ завѣтной лирѣ" переживетъ его „прахъ и тлѣнья убѣжитъ", что „слухъ" о поэтѣ „пройдетъ по всей Руси великой" и что „назоветъ" его „всякъ сущій въ ней языкъ". Но, вѣдь, это все—только опредѣленіе размѣровъ творческаго генія, а никакъ не свойствъ его. Когда же дошло до указанія того, чѣмъ именно будетъ славенъ „въ подлунномъ мірѣ" поэтъ, получились такіе блѣдные и нехарактерные контуры, что нельзя ихъ и сравнивать съ вылитыми изъ бронзы рѣзкими чертами самоопредѣленій Гоголя:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

„Добрыя чуства"! Конечно, создатель образа Татьяны, наряду со всѣми великими писателями земли русской, возбудилъ не только „добрыя", но даже героическія чувства. Но гдѣ-же въ этомъ, важномъ въ другихъ отношеніяхъ [1]) самоопредѣленіи, спеціально пушкинское?

„Возславилъ свободу". И это отчасти вѣрно, но развѣ это коренной признакъ для автора „Клеветникамъ Россіи" и „Изъ VI Пиндемонте"? А призываніе милости къ падшимъ это—уже почти эпизодъ изъ частной жизни поэта.

---

[1]) См. первый томъ настоящаго собранія („Героич. характеръ рус. лит."), стр. 33.

Словомъ, все неярко, нехарактерно. Неудивительно, что это самоопредѣленіе не оказало вліянія на судьбу Пушкина въ критикѣ и потомствѣ.

И какъ же не оцѣнить послѣ этого силу и опредѣленность гоголевскаго самопознанія?.

По власти надъ своими будущими оцѣнками наравнѣ съ Гоголемъ можно поставить только Некрасова, который, какъ сказалъ про свою музу, что она „муза мести и печали“, такъ тоже навсегда далъ опредѣленіе, дальше котораго не пошла вся послѣдующая критика. Но, вѣдь, Некрасовъ не только не безсознательный поэтъ, но даже „идейный“, а по мнѣнію иныхъ, и „тенденціонный“, т. е. представитель творчества, гдѣ разсудочность граничитъ съ прямою програмностью.

X.

Въ чемъ существо „гражданской скорби“?

Чтобы покончить съ невѣрнымъ въ корнѣ взглядомъ на безсознательность творчества Гоголя, скажемъ еще нѣсколько словъ объ одной детали, въ которой, повидимому, надо искать главный источникъ возникновенія этого взгляда.

Мы уже знаемъ, что зародился онъ у Бѣлинскаго тотчасъ послѣ появленія реакціонной „Переписки съ друзьями“. Поддерживала его позднѣйшая критика тоже въ силу противорѣчія между глубоко пессимистическимъ отношеніемъ Гоголя-художника къ механизму государственнаго уклада нашего и его теоретической преданностью существующему строю во всей его совокупности.

Но смущаться этимъ противорѣчіемъ и думать, что оно можетъ отнять у Гоголя право называться писателемъ-гражданиномъ значитъ терять историческую точку зрѣнія.

Для насъ, начиная съ конца 40-хъ гг., когда идеи европейскаго демократизма и жажда общественной иниціативы всецѣло завладѣли лучшими сердцами, со словами „гражданскій“, „гражданственность“, „гражданинъ“ связано понятіе о чемъ-то, скажемъ для удобства, *общественно-самодовлѣющемъ*, о чемъ-то непремѣнно противоположномъ всему власть имущему, о чемъ-то *оппозиціонномъ*.

Но эта безусловно-позднѣйшая точка зрѣнія никоимъ образомъ не должна прилагаться къ жалкому состоянію „общества“, когда его наблюдалъ Гоголь.

До сороковыхъ годовъ элементы прогресса далеко не были сосредоточены въ общественномъ сознаніи.

Не будемъ даже уходить въ особенно отдаленную старину, не будемъ придавать значенія тому, какъ „общество“ при Аннѣ Іоанновнѣ оказало рѣшительное противодѣйствіе стремленію верховниковъ удѣлить часть власти представителямъ этого „общества“. Не станемъ останавливаться также на томъ, какъ въ эпоху „Наказа“ и расцвѣта просвѣщеннаго абсолютизма „общество“ оказывало рѣшительное сопротивленіе всякому намеку на освобожденіе крестьянъ.

Наконецъ, отнесемъ къ старинѣ даже то, что великій писатель и литературный реформаторъ Карамзинъ вступилъ въ рѣшительную борьбу съ добровольнымъ желаніемъ Александра I отдать часть своей власти „обществу“.

Ограничимся только ближайшею къ Гоголю полосою созданія „Горя отъ ума“. Въ рѣзко-гражданской окраскѣ великой комедіи-сатиры никто не сомнѣвается. Но противъ чего и кого направленъ ея паѳосъ? Исключительно противъ „общества“ въ защиту тѣхъ единичныхъ личностей, стремленія которыхъ шли въ-разрѣзъ съ *общественнымъ* застоемъ. Чего-нибудь „протестующаго“ въ позднѣйшемъ смыслѣ въ „Горѣ отъ ума“ нѣтъ и слѣда.

И вотъ гражданственность Гоголя совершенно аналогичнаго характера; въ ней нѣтъ ничего оппозиціоннаго, потому что въ то время надо было еще *бороться съ самимъ обществомъ*, потому что оно, съ одной стороны, состояло изъ казнокрадовъ и торговцевъ правосудіемъ, а съ другой—изъ ихъ закадычныхъ друзей,—Добчинскихъ, Бобчинскихъ, Собакевичей и Маниловыхъ.

Для Гоголя, слѣдовательно, понятіе объ „обществѣ“ никакъ не могло имѣть того обаянія, которое оно имѣетъ для позднѣйшихъ поколѣній, и не въ немъ онъ искалъ спасенія Россіи.

Чернышевскій весьма язвительно говорилъ о странной идеѣ, положенной въ основаніе сюжета „Ревизора“, которая уже сама въ себѣ заключаетъ нѣчто анормальное, потому что въ нормально-устроенномъ государственномъ быту есть гласный общественный контроль, исключающій и дѣлающій ненужнымъ посылку тайныхъ ревизоровъ. Но

Чернышевскій исходилъ изъ теоріи,—изъ того, что должно быть, а Гоголь былъ великій реалистъ, и для него смѣшно было бы и представить себѣ „общественный контроль“, то-есть, что Добчинскій, Бобчинскій и Ростаковскій будутъ контролировать Сквозника-Дмухановскаго, а кума Бобчинскаго—Ляпкина-Тяпкина. Онъ несомнѣнно ждалъ спасенія и исцѣленія общественныхъ ранъ отъ добраго желанія власти.

Но онъ ли одинъ ждалъ его изъ этого источника?

Да возьмемъ того же Бѣлинскаго, который такъ напустился на Гоголя за „Переписку“, и возьмемъ его даже не въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ и не около 1840 года, когда его прославленіе „разумной дѣйствительности“ было поистинѣ бѣшеное, а въ 1846—1848 гг., когда онъ „рассейскую дѣйствительность“ называлъ не иначе какъ „гнусной“, когда онъ уже былъ пламеннымъ соціалистомъ и даже фурьеристомъ.

Въ концѣ 1846 года въ Петербургѣ разнеслись крайне-преувеличенные слухи о томъ весьма мирномъ, по существу, Кирилло - Меѳодіевскомъ братствѣ, благодаря которому пострадали Костомаровъ, Кулишъ и особенно Шевченко, сосланный солдатомъ въ Оренбургъ. Бѣлинскій отнесся къ нимъ съ полнымъ порицаніемъ, называлъ ихъ „врагами всякаго успѣха“, потому что, какъ Гоголь, ждалъ этого „успѣха“ только отъ доброй воли власти. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Бѣлинскій написалъ Анненкову письмо, въ которомъ съ восторгомъ сообщаетъ о разныхъ намѣчавшихся тогда подготовительныхъ шагахъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, предается радостнымъ ожиданіямъ и только одного смертельно боится: чтобы келейно вызванные въ Петербургъ представители основного элемента тогдашняго „общества“—дворяне своимъ корыстнымъ отношеніемъ къ вопросу не испортили настроенія власти.

Такъ если подобнымъ образомъ къ „обществу“ относился соціалистъ и фурьеристъ Бѣлинскій, съ какой же стати будемъ мы требовать иного отношенія отъ Гоголя? Надо же, въ самомъ дѣлѣ, всякое явленіе исторической жизни разсматривать въ условіяхъ того времени, къ которому оно относится.

Гоголь былъ несомнѣнно представителемъ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, его идеаломъ былъ благонамѣренный—не въ пошломъ смыслѣ—„государственный“ мужъ, окружающій себя честными чиновниками. Но это не мѣшаетъ ему быть и гражданиномъ въ томъ смыслѣ, какъ я уже выше опредѣлялъ понятіе о гражданинѣ, т. е. человѣкомъ, упорно, страстно и вполнѣ *независимо* думающимъ о благѣ родины.

Подчеркиваю—*независимо*, потому что въ эпоху, когда пошлая „благонамѣренность“ требовала розовыхъ красокъ, когда по всѣмъ вѣдомствамъ безраздѣльно господствовала формула „все обстоитъ благополучно“, Гоголь (прибавимъ къ числу извѣстныхъ намъ и это новое яркое самоопредѣленіе изъ „Театральнаго разъѣзда“) смѣло обнажалъ „общественныя раны“.

Мало того: когда „господинъ В.“ задаетъ вопросъ: „зачѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія“?—Гоголь устами „господина Б.“, не обинуясь, отвѣчаетъ:

„Зачѣмъ? Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ *лазаретъ*, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни“.

Вотъ значитъ чѣмъ и притомъ вполнѣ сознательно была для Гоголя оффиціальная Россія—лазаретомъ!

Это ли не независимость въ самомъ высшемъ смыслѣ, и можно ли идти дальше въ гражданской рѣзкости діагноза?

Не будемъ же ложно понимать въ Гоголѣ то, что шокируетъ позднѣйшую гражданскую щепетильность и будемъ оцѣнивать высоту его гражданской скорби не по степени нашего разногласія съ нимъ, а по степени того, въ чемъ мы съ нимъ сходимся.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ эпоху „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ еще не было у насъ въ литературѣ даже самаго дѣленія на партіи съ различными общественно-политическими лозунгами. Все это возникаетъ только во второй половинѣ 40-хъ годовъ, о чемъ мы сейчасъ и поведемъ рѣчь въ связи съ „Перепискою съ друзьями“.

Чернышевскій исходилъ изъ теоріи,—изъ того, что должно быть, а Гоголь былъ великій реалистъ, и для него смѣшно было бы и представить себѣ „общественный контроль“, то-есть, что Добчинскій, Бобчинскій и Ростаковскій будутъ контролировать Сквозника-Дмухановскаго, а кума Бобчинскаго—Ляпкина-Тяпкина. Онъ несомнѣнно ждалъ спасенія и исцѣленія общественныхъ ранъ отъ добраго желанія власти.

Но онъ ли одинъ ждалъ его изъ этого источника?

Да возьмемъ того же Бѣлинскаго, который такъ напустился на Гоголя за „Переписку“, и возьмемъ его даже не въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ и не около 1840 года, когда его прославленіе „разумной дѣйствительности“ было поистинѣ бѣшеное, а въ 1846—1848 гг., когда онъ „рассейскую дѣйствительность“ называлъ не иначе какъ „гнусной“, когда онъ уже былъ пламеннымъ соціалистомъ и даже фурьеристомъ.

Въ концѣ 1846 года въ Петербургѣ разнеслись крайне-преувеличенные слухи о томъ весьма мирномъ, по существу, Кирилло - Меѳодіевскомъ братствѣ, благодаря которому пострадали Костомаровъ, Кулишъ и особенно Шевченко, сосланный солдатомъ въ Оренбургъ. Бѣлинскій отнесся къ нимъ съ полнымъ порицаніемъ, называлъ ихъ „врагами всякаго успѣха“, потому что, какъ Гоголь, ждалъ этого „успѣха“ только отъ доброй воли власти. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Бѣлинскій написалъ Анненкову письмо, въ которомъ съ восторгомъ сообщаетъ о разныхъ намѣчавшихся тогда подготовительныхъ шагахъ къ отмѣнѣ крѣпостного права, предается радостнымъ ожиданіямъ и только одного смертельно боится: чтобы келейно вызванные въ Петербургъ представители основного элемента тогдашняго „общества“—дворяне своимъ корыстнымъ отношеніемъ къ вопросу не испортили настроенія власти.

Такъ если подобнымъ образомъ къ „обществу“ относился соціалистъ и фурьеристъ Бѣлинскій, съ какой же стати будемъ мы требовать иного отношенія отъ Гоголя? Надо же, въ самомъ дѣлѣ, всякое явленіе исторической жизни разсматривать въ условіяхъ того времени, къ которому оно относится.

Гоголь былъ несомнѣнно представителемъ теоріи просвѣщеннаго абсолютизма, его идеаломъ былъ благонамѣренный—не въ пошломъ смыслѣ—„государственный“ мужъ, окружающій себя честными чиновниками. Но это не мѣшаетъ ему быть и гражданиномъ въ томъ смыслѣ, какъ я уже выше опредѣлялъ понятіе о гражданинѣ, т. е. человѣкомъ, упорно, страстно и вполнѣ *независимо* думающимъ о благѣ родины.

Подчеркиваю—*независимо*, потому что въ эпоху, когда пошлая „благонамѣренность“ требовала розовыхъ красокъ, когда по всѣмъ вѣдомствамъ безраздѣльно господствовала формула „все обстоитъ благополучно“, Гоголь (прибавимъ къ числу извѣстныхъ намъ и это новое яркое самоопредѣленіе изъ „Театральнаго разъѣзда“) смѣло обнажалъ „общественныя раны“.

Мало того: когда „господинъ В.“ задаетъ вопросъ: „зачѣмъ выставлять дурное, зачѣмъ же не выставить хорошее, достойное подражанія“?—Гоголь устами „господина Б.“, не обинуясь, отвѣчаетъ:

„Зачѣмъ? Зачѣмъ одинъ отецъ, желая исторгнуть своего сына изъ безпорядочной жизни, не тратилъ словъ и наставленій, а привелъ его въ *лазаретъ*, гдѣ предстали предъ нимъ во всемъ ужасѣ страшные слѣды безпорядочной жизни“.

Вотъ значитъ чѣмъ и притомъ вполнѣ сознательно была для Гоголя оффиціальная Россія—лазаретомъ!

Это ли не независимость въ самомъ высшемъ смыслѣ, и можно ли идти дальше въ гражданской рѣзкости діагноза?

Не будемъ же ложно понимать въ Гоголѣ то, что шокируетъ позднѣйшую гражданскую щепетильность и будемъ оцѣнивать высоту его гражданской скорби не по степени нашего разногласія съ нимъ, а по степени того, въ чемъ мы съ нимъ сходимся.

Никогда не слѣдуетъ забывать, что въ эпоху „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ еще не было у насъ въ литературѣ даже самаго дѣленія на партіи съ различными общественно-политическими лозунгами. Все это возникаетъ только во второй половинѣ 40-хъ годовъ, о чемъ мы сейчасъ и поведемъ рѣчь въ связи съ „Перепискою съ друзьями“.

XI.

„Переписка съ друзьями“ какъ кривое зеркало движенія сороковыхъ годовъ.

Много десятковъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ появилась „Переписка съ друзьями“, и все еще она служитъ предметомъ самыхъ страстныхъ споровъ, все еще она не стала предметомъ спокойнаго, объективнаго анализа.

До сихъ поръ ее либо считаютъ „оклеветанной“ и тычутъ намъ ее въ поученіе и руководство, либо безповоротно и безъ всякихъ оговорокъ осуждаютъ, исходя изъ того, увы, далеко еще не изжитаго настроенія, подъ вліяніемъ котораго создалось знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Менѣе всего, конечно, выдерживаетъ какую то ни было критику взглядъ на „Переписку“ какъ на „оклеветанную книгу“ — любимый терминъ защитниковъ того обскурантизма, который даже добродушнаго Сергѣя Аксакова побудилъ считать книгу „вредной“. Думается, что эту квинтъэссенцію всяческой отсталости и „оклеветать“-то трудно, если указывать при-этомъ наиболѣе характерныя мѣста книги. Трудно даже и полемизировать спокойно съ этою „оклеветанною книгою“ и можно только всецѣло слиться въ одномъ чувствѣ съ Бѣлинскимъ, когда онъ, задыхаясь отъ страстнаго негодованія, истерически крикнулъ Гоголю въ своемъ письмѣ: „Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете“?!

Чтобы не только понять, но вполнѣ оправдать бѣшеную выходку Бѣлинскаго, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, нашла откликъ во всѣхъ мыслящихъ умахъ и бьющихся за благо родины сердцахъ, мы должны вспомнить эпоху появленія гоголевской „Переписки“ начало 1847 года.

Годы 1846, 1847 и начало 1848—были временемъ совершенно исключительнымъ по тому необыкновенному приливу радостныхъ ожиданій чего-то безконечно-свѣтлаго, которое тогда охватило всю Европу. По извѣстному свидѣтельству Щедрина, „изъ Франціи, разумѣется, не изъ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а изъ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи Блана и въ особенности Жоржъ-Зандъ лилась въ насъ *вѣра въ человѣчество*; оттуда возсіяла намъ увѣренность, что золотой вѣкъ не позади, а впереди насъ“.

Какъ я уже сказалъ въ „Героич. характерѣ русской литературы“, въ этомъ важномъ историческомъ свидѣтельствѣ драгоцѣнны не только факты, но и общій тонъ.

Рѣчь какъ-будто идетъ о политико-экономическихъ теоріяхъ, но на самомъ дѣлѣ воспоминанія расшевелили въ суровомъ сатирикѣ только память сердца. Тутъ „не борьба классовъ“, а *человѣчество*, не политическая экономія, а *вѣра*, и эта вѣра воспріята не сухо-логически, потому что факты и цифры неотразимы,—она возсіяла. Въ политическую экономію Луи Блана огромнымъ клиномъ врѣзалась романистка Жоржъ Зандъ. Но разъ люди серьезно мечтаютъ о наступленіи „золотого вѣка“, то почему бы романистамъ и не играть первенствующей роли въ исторіи происхожденія этихъ мечтаній?

И вотъ въ такой-то моментъ почти религіознаго экстаза появляется книга великаго писателя, которымъ до того всѣ бредили, которымъ клялись въ борьбѣ съ литературнымъ старовѣрствомъ, и эта книга зоветъ даже не въ Византію, а прямо въ какую-то татарщину.

По существу авторъ не только не остался глухъ къ голосу времени, а чрезвычайно ярко отразилъ всю его тревогу, всѣ, какъ тогда осторожно выражались, „филантропическія“ настроенія.

Но отразилъ,—какъ отражаетъ кривое зеркало.

Говоря „отразилъ“, я, конечно, имѣю въ виду только

„Переписку“. Если-же вообще говорить о Гоголѣ средины 40-хъ годовъ, то онъ не „отразилъ“, а *создалъ* всю „филантропію“ тѣхъ лѣтъ.

„Всѣ мы вышли изъ *Шинели*“,—говоритъ Достоевскій о томъ, кто первый пояснилъ, что и жалкій Акакій Акакіевичъ „братъ“ намъ.

Но сейчасъ я говорю не объ общихъ настроеніяхъ, а о размышленіяхъ болѣе детальныхъ и утверждаю, что какъ ни уродливо-нелѣпы предлагаемые „Перепискою“ рецепты врачеванія общественныхъ ранъ, но тутъ была, все-таки, настоящая программа активнаго общественнаго „добротолюбія“. И съ этой точки зрѣнія „Переписка“ одно изъ самыхъ яркихъ проявленій русской „гражданской“ мысли.

Всякій заправскій консерватизмъ и квіетизмъ прежде всего находитъ, что все обстоитъ благополучно. Гоголь, напротивъ, констатируетъ, что „сталъ слышаться повсюду болѣзненный ропотъ неудовлетворенія, голосъ неудовольствія человѣческаго на все, что ни есть на свѣтѣ: на порядокъ вещей, на время, на самого себя“. Вполнѣ правильно отмѣчаетъ онъ также, что „всѣмъ, наконецъ, начинаетъ становиться подозрительнымъ то совершенство, на которое возвела насъ наша новѣйшая гражданственность“.

Въ чемъ выходъ?

Можно было бы, конечно, причислить просто къ числу курьезовъ то, что, по мнѣнію Гоголя, „страждущіе и болѣющіе отъ своего европейскаго совершенства“ получатъ исцѣленіе отъ ожидавшагося тогда появленія „Одиссеи“ въ переводѣ Жуковскаго!

Но Гоголь не ограничился простымъ упованіемъ, что вмѣстѣ съ „Одиссеей“, „многое изъ временъ патріархальныхъ, съ которымъ есть такое сродство въ русской природѣ, разнесется невидимо по лицу русской земли“. Кромѣ этой „благоухающей поэзіи“, онъ цѣнилъ „Одиссею“ какъ изображеніе борьбы съ „непокорною, жесткою, несклонною къ повиновенію природою“ человѣка и главное средство этой борьбы видѣлъ „въ одномъ только простомъ исполненіи обычаевъ старины и обрядовъ, которые не безъ смысла были установлены древними мудрецами и заповѣданы передаваться въ видѣ святыни отъ отца къ сыну“.

Борьба съ нежеланіемъ человѣка „повиноваться“ дала окраску всей книгѣ и въ ней центръ тяжести того подавляющаго впечатлѣнія, которое она произвела на современниковъ, какъ-разъ теперь размечтавшихся пожить немного и на свободѣ.

И это разногласіе съ радостно-рвущимся впередъ духомъ времени рѣшило участь книги, въ которой далеко не все, однако, зоветъ назадъ и есть мысли, какъ мы увидимъ дальше, нимало не противорѣчащія самымъ лучшимъ завѣтамъ истинной гражданственности.

Но во всякой проповѣди условія момента, когда она произносится, всегда имѣютъ болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ само содержаніе проповѣди и ея слова, взятыя безотносительно.

Строго говоря, дурныхъ словъ совсѣмъ и нѣтъ на свѣтѣ.

Что, напр., можетъ быть возвышеннѣе проповѣди самоотреченія?

Но она превращается въ насмѣшку надъ человѣческимъ достоинствомъ и въ отвратительное лицемѣріе, когда самоотреченіе рекомендуютъ рабу.

Что можетъ быть идеальнѣе самообузданія животныхъ инстинктовъ?

Но если вы объ умѣренности начнете говорить голодающему, какое впечатлѣніе должна произвести на него сама по себѣ весьма высокая мораль ваша?

XII.

Общій тонъ „Переписки съ друзьями“.

„Переписка“, взятая въ основномъ своемъ впечатлѣніи, въ тонѣ, который дѣлаетъ музыку, была именно проповѣдью воздержанія голодающему.

Все изнемогало отъ безправія и произвола, закрѣпощенный народъ нравственно вырождался отъ сковавшей его по рукамъ и ногамъ неволи, литература стонала отъ болѣзненной подозрительности Красовскихъ и Мусиныхъ-Пушкиныхъ, а тутъ все еще оказывается недостаточно „повиновенія“.

„Переписка“ хотѣла отнять даже священное чувство обиды, не позволяла даже стонать отъ той „неправды черной“, которою была полна жизнь того времени даже по свидѣтельству друга Гоголя Хомякова и его самого въ его художественныхъ произведеніяхъ.

И вотъ, въ виду такой крайней неумѣстности, крайней несвоевременности гоголевской проповѣди смиренія, въ виду глубокаго несоотвѣтствія ея съ дѣйствительно назрѣвшей потребностью обновленія, свѣта и движенія впередъ столь смѣшны стремленія разсматривать „Переписку“ саму по себѣ, внѣ времени и пространства.

„Клевету“, взведенную на „Переписку“, можно было бы опровергнуть только однимъ путемъ: если бы кто-нибудь указалъ на благотворное, *современное* появленію книги воздѣйствіе ея на людей искреннихъ, не заинтересованныхъ своимъ общественнымъ положеніемъ въ томъ смиреніи, которое книга возводила въ главную добродѣтель человѣка.

Но именно этого живого голоса эпохи ни одному изъ защитниковъ „Переписки“ не добыть, потому что на всѣхъ, для кого благо родины не было пустымъ звукомъ и обдѣ-

лываніемъ житейскихъ дѣлишекъ, книга произвела болѣзненное впечатлѣніе.

Письмо Бѣлискаго оттого и получило такую потрясающую силу, что его устами говорило сознаніе, можно сказать безъ всякаго преувеличенія, всего того, что въ Россіи честно мыслило. Это—не „партійная“ фраза, это можно доказать нижеприведеннымъ свидѣтельствомъ, достовѣрность котораго никто не рѣшится оспаривать, потому что оно вышло изъ среды, враждебной Бѣлинскому,—оно принадлежитъ Ивану Аксакову.

Уже самый фактъ небывало-широкаго распространенія письма Бѣлинскаго глубоко характеренъ и показываетъ, что въ данномъ случаѣ общественное сознаніе было настолько взволновано, что нашло пути проявиться даже при невозможно-тяжелыхъ условіяхъ общественной жизни того времени.

Письмо Бѣлинскаго совершенно неожиданно стало первымъ политическимъ памфлетомъ въ Россіи.

Не имѣя никакого представленія о томъ, что его частный отвѣтъ получитъ такую небывалую огласку, не имѣя и самаго отдаленнаго представленія о томъ, что вырвавшіяся въ пылу гнѣва слова его станутъ лозунгомъ, общественно-политическою программою, Бѣлинскій писалъ письмо со всѣмъ страстнымъ порывомъ своего великаго сердца и далъ полную волю всему тому пламенному негодованію, которое не могло получить и приблизительнаго выраженія въ его печатной полемикѣ съ „Перепискою“.

Такимъ образомъ, общественно-политическая отсталость „Переписки“ получила отпоръ въ полной силѣ. Создалась борьба двухъ міросозерцаній, въ которой на сторонѣ Бѣлинскаго были не то что „либералы“, а просто всѣ искренніе и порядочные люди. Вотъ что наблюдалъ еще цѣлыхъ шесть-семь лѣтъ спустя Иванъ Аксаковъ:

„Много я ѣздилъ по Россіи,—пишетъ онъ,—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, всякому жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, *который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю*; въ отда-

ленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ..., Мы *Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*",—говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ,—въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ *нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастіямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя*, который полѣзъ бы на борьбу,—ищите таковыхъ въ провинціи между *послѣдователями Бѣлинскаго*".

То-есть,—читателями и поклонниками именно его письма къ Гоголю, потому что сочиненія Бѣлинскаго тогда еще не были собраны и были разбросаны по сотнѣ №№ старыхъ журналовъ.

Это вышедшее изъ враждебнаго лагеря свидѣтельство имѣетъ рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ не только потому, что достовѣрность его нельзя ничѣмъ заподозрить а потому еще, что оно выводитъ вопросъ изъ области партійныхъ споровъ и переноситъ его на чисто житейскую почву.

Если бы у новѣйшихъ защитниковъ „Переписки" было бы столько же искренняго желанія добиться истины, сколько у Аксакова, они бы прежде всего признали, что защищать гоголевскую „Переписку", какъ *явленіе времени*, нѣтъ никакой возможности и, слѣдовательно, не можетъ идти никакой рѣчи о какой-бы то ни было „клеветѣ". Общій тонъ и *практическіе выводы* изъ „Переписки" таковы, что не только „борцы", не только люди съ ярко-окрашеннымъ общественно-политическимъ міросозерцаніемъ, а всѣ, въ самомъ простомъ и непосредственномъ смыслѣ слова, „честные" люди всецѣло присоединились къ „клеветѣ" Бѣлинскаго.

XIII.

Глубокая искренность „Переписки“.

Но то же самое желаніе истины, къ которому мы сейчасъ аппелировали, должно насъ заставить признать, что и безусловное, незнающее никакихъ оговорокъ осужденіе „Переписки“ не будетъ выраженіемъ полной справедливости.

Книга ужасна, какъ явленіе русской общественности, какъ призывъ возвращенія вспять въ глубь средневѣковья, къ отжившимъ понятіямъ и пройденнымъ фазисамъ культуры.

Но нельзя, однако, забывать того, что „Переписка“ была и крикомъ глубоко-изстрадавшейся души.

А такой источникъ, если не всегда, конечно, спасаетъ отъ фальши, не можетъ же не заключать въ себѣ и примѣси чего-то вѣрнаго. Во всякомъ искреннемъ стремленіи всегда кроется и залогъ достиженія чего-то хорошаго и нравственно-цѣннаго.

Примемъ во вниманіе также, что „Переписку“ защищаютъ не только люди, къ истинѣ весьма равнодушные.

О ней сказалъ доброе слово и Левъ Толстой.

Можно было бы, конечно, при всемъ преклоненіи предъ Толстымъ, не придавать этому рѣшительно никакого значенія, если бы дѣло шло о чисто-литературномъ произведеніи. Эстетическія сужденія Толстого весьма часто таковы, что только руками разведешь. Изъ его трактата объ искусствѣ мы узнаемъ, что онъ на представленіи „Гамлета“

краснѣлъ за автора и что вообще преклоненіе предъ Шекспиромъ, какъ и предъ Бетховеномъ и Рафаэлемъ, ему кажется предразсудкомъ и даже притворствомъ.

Но „Переписка"—произведеніе изъ области морали, и тутъ уже дѣло идетъ о психологическомъ чутьѣ, котораго такъ безконечно много у великаго чтеца въ сердцахъ человѣческихъ. Толстой, значитъ, почувствовалъ тутъ что-то родственное.

Извѣстно, что, когда въ концѣ 70-хъ гг. Толстой вступилъ на стезю проповѣдничества и еще неясно было во что отольются его мистическіе порывы, его даже постоянно сближали съ Гоголемъ. Дальнѣйшее показало, что сближенія и опасенія были напрасны. Но, все-таки, несомнѣнно, что въ самомъ источникѣ, въ этой страстной потребности обоихъ великихъ писателей отъ искусства перейти въ область религіозно-нравственныхъ вопросовъ есть, дѣйствительно, очень много такого, что сближаетъ Толстого съ Гоголемъ.

И вотъ почему думается, что тѣ обскурантскіе выводы, къ которымъ Гоголь пришелъ въ результатѣ своихъ думъ и размышленій, тѣ рецепты лѣченія общественныхъ ранъ, которые привели въ содроганіе Бѣлинскаго и его лучшихъ современниковъ, должны быть признаны *ошибками ума*, слѣдствіемъ того, что, созерцая картину русской жизни изъ своего „прекраснаго далека", Гоголь потерялъ чутье дѣйствительности, но не ошибками сердца.

При такой постановкѣ особенное значеніе получаетъ вопросъ объ искренности „Переписки", для современниковъ ея появленія весьма спорный.

Многое содѣйствовало тому, чтобы отнестись подозрительно къ мотивамъ появленія въ свѣтъ книги.

Даже на людей одного съ Гоголемъ міросозерцанія отталкивающе подѣйствовало чрезмѣрное обиліе явно преувеличеннаго смиренія. Съ одной стороны: безграничное самобичеваніе, увѣренія вродѣ того, что „мнѣ хотѣлось симъ (письмами) искупить безполезность всего, доселѣ мною напечатаннаго", „знаю, что моими необдуманными и незрѣлыми сочиненіями нанесъ я огорченіе многимъ", причисленіе себя къ людямъ, „которые изъ грязи пробрались въ люди" и т. д.

А, вмѣстѣ съ тѣмъ, помпезное устройство величайшаго шума вокругъ своего имени, возвѣщеніе urbi et orbi, что авторъ думалъ прежде, что думаетъ теперь, какъ поступалъ прежде, какъ поступаетъ теперь, какъ будетъ поступать впредь, и безпрерывный разговоръ о томъ, что онъ-то не придаетъ никакого значенія себѣ, какъ писателю, да вотъ другіе очень его превозносятъ и высоко ставятъ. Предшедствовавшее „Перепискѣ“ публичное завѣщаніе, при всѣхъ словахъ смиренія и уничиженія, его переполняющаго есть въ то же время, несомнѣнно, и выраженіе гордыни безконечной, равной которой никогда ни до того, ни послѣ того въ русской литературѣ не было.

Все это униженіе паче гордости представляетъ собою, однако, интересъ исключительно психологическій. Предъ нами явленіе весьма сложное, потому что, по значительной долѣ высказанной о себѣ правды, многое въ самобичеваніи Гоголя нельзя причислить и къ простому ломанію.

Когда Гоголь говорилъ о себѣ: „вообще въ обхожденіи моемъ съ людьми всегда было много непріятно-отталкивающаго“, то едва ли ему было особенно легко дѣлать такое признаніе. Вѣдь, онъ, дѣйствительно, даже съ самыми близкими и преданными людьми, сплошь да рядомъ обращался поистинѣ отвратительно и своекорыстно и отлично понималъ, что всѣ къ этой его черствости и эгоистической жесткости относились съ большимъ осужденіемъ.

Когда онъ, причисляя себя къ людямъ, которые „изъ грязи пробрались въ люди“, бичевалъ свое „мелочное самолюбіе“ и свою „спѣсивость“ то, опять-таки, ему совсѣмъ не легко было въ этомъ признаваться, потому что онъ, дѣйствительно, былъ и очень мелоченъ въ своемъ самолюбіи, и очень спѣсивъ и зналъ, что то и другое отталкиваетъ отъ него людей.

Такимъ образомъ, извѣстная доля самобичеванія „Переписки“ была, несомнѣнно, нравственнымъ подвигомъ, потому что оно унижало его непомѣрную гордыню и, очевидно, вырвалось въ минуту искренняго порыва и желанія освободиться отъ печальныхъ сторонъ своего характера.

Скажемъ, кстати, что и великая гордыня Гоголя нѣсколько тяжелѣе у насъ наказывается, чѣмъ она того заслуживаетъ.

Почему бы, собственно, Гоголю и не слѣдовало быть преисполнену сознанія своего значенія, когда друзья и недруги не иначе къ нему относились, какъ къ генію?

Почему мы не вмѣняемъ въ вину Пушкину его сознанія, что онъ „памятникъ воздвигъ себѣ нерукотворный“? Почему никто не возмущается молодымъ Лермонтовымъ, когда въ ту пору, когда его не баловало еще общественное признаніе, онъ, тѣмъ не менѣе, говорилъ о себѣ:

Нѣтъ, я—не Байронъ, я—другой
Еще невѣдомый избранникъ.

Но, какъ бы то ни было, загадочная смѣсь искренняго и напускного смиренія въ „Перепискѣ“, повторяемъ, имѣетъ интересъ чисто психологическій, и общественно-политическихъ выводовъ изъ этого никакихъ не сдѣлаешь.

Гораздо важнѣе вопросъ о томъ, насколько былъ искрененъ Гоголь въ своемъ общественномъ смиреніи, въ отказѣ отъ разрушительнаго смысла своихъ художественныхъ произведеній, въ томъ, что онъ благоговѣйно преклонялся предъ всею совокупностью дореформеннаго государственнаго быта.

Объ этомъ ходили очень опредѣленные и мало лестные толки въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и о нихъ, не придавая имъ, однако, реальнаго значенія, говоритъ Бѣлинскій въ своемъ письмѣ.

Послѣдовательное чтеніе писемъ, изданныхъ Шенрокомъ въ хронологическомъ порядкѣ, должно разсѣять всякія сомнѣнія на этотъ счетъ.

Можно разно относиться къ обскурантски-реакціонному направленію книги Гоголя. Но если частная переписка его, начиная съ самаго отъѣзда за-границу въ 1836 г., въ теченіе десяти лѣтъ вся проникнута однимъ и тѣмъ же пророчески-мистическимъ тономъ, высказываетъ одни и тѣ же взгляды на вопросы государственности, съ однимъ и тѣмъ же осужденіемъ относится ко всему оппозиціонному, то, какъ бы все это ни характеризовать, нельзя же усумниться въ искренности писавшаго, нельзя же допустить, что, просто дѣлясь съ пріятелями своимъ настроеніемъ, онъ могъ приэтомъ имѣть какія-то заднія цѣли.

Если для многихъ частей книги реальная переписка Гоголя была не больше какъ первымъ очеркомъ темъ, въ печати получившихъ гораздо большее развитіе, то какъ-разъ значительная часть того, что особенно возмутило современниковъ, взято почти цѣликомъ изъ написанныхъ по самымъ разнообразнымъ поводамъ дѣствительныхъ писемъ Гоголя. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Едва ли не къ числу характернѣйшихъ статей „Переписки“ принадлежатъ полторы странички, озаглавленныя „Карамзинъ“.

Здѣсь ни много, ни мало доказывается, что Карамзинъ „первый возвѣстилъ торжественно, что писателя не можетъ стѣснить цензура, и если уже онъ наполнился чистѣйшимъ желаніемъ блага въ такой мѣрѣ, что желаніе это, занявши всю его душу, стало его плотью и пищею, тогда никакая цензура для него не строга, и ему вездѣ просторно“.

Оно, пожалуй, вполнѣ можно согласиться съ гоголевскимъ утвержденіемъ. Писательское „желаніе, занявшее всю душу“, въ той или другой формѣ, дѣйствительно, такъ или иначе выразится и дойдетъ до читателя, особенно россійскаго, искусившагося въ чтеніи между строкъ и символическомъ пониманіи печатныхъ словъ.

Но, очевидно, Гоголь не то хотѣлъ сказать, когда онъ утверждалъ, что „никто, кромѣ Карамзина, не говорилъ такъ смѣло и благородно, не скрывая никакихъ ( ) своихъ мнѣній и мыслей, хотя они и не соотвѣтствовали во всемъ тогдашнему правительству, и слышишь невольно, что онъ одинъ имѣлъ на то право“.

Хотя карамзинскою „смѣлостью“, выразившеюся въ томъ, что своею запискою о „Древней и Новой Россіи“ онъ пошелъ на борьбу съ вѣяніями александровской эпохи, во времена Гоголя въ полной мѣрѣ обладалъ даже Булгаринъ, но все-таки Гоголь полагалъ, что „смѣлость“ Карамзина „даетъ урокъ нашему брату писателю. Какъ смѣшны послѣ этого изъ насъ тѣ, которые утверждаютъ, что въ Россіи нельзя сказать полной правды!“ Въ такихъ случаяхъ всегда виноватъ самъ писатель. „Самъ же высказался такъ нелѣпо и грубо“, самъ же „выкажетъ неряшество растрепанной души своей“, а потомъ чудакъ „негодуетъ, что отъ

него никто не принялъ и не выслушалъ правды! Нѣтъ, имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и выслушаетъ съ такою любовью, съ какою не выслушивается ни въ какой странѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ, собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества; и съ такою любовью можетъ выслушать только одна чудная наша Россія, о которой идетъ слухъ, будто она вовсе не любитъ правды".

Весьма краснорѣчивымъ комментаріемъ къ тому, какъ легко въ то время осуществлялось желаніе „возвѣщать свою правду", явилось то, что три статьи, назначенныя для „Переписки", совсѣмъ не были пропущены цензурою, а большинство появившихся подверглись серьезнѣйшимъ урѣзкамъ. Вопросы государственной жизни были въ то время чѣмъ-то вродѣ „табу" австралійцевъ, до котораго вообще нельзя было касаться, не только порицая, но даже анализируя ихъ съ извѣстнаго рода самостоятельностью. Поэтому-то и звучали такою дикою ироніею слова Гоголя, что „чудная Россія" эпохи вычеркиванія изъ поваренныхъ книгъ рецептовъ ставить пироги на „вольный духъ" отъ всякаго „съ любовью" все выслушаетъ.

И, однако, искренность увѣреній Гоголя не можетъ быть подвергнута ни малѣйшему сомнѣнію, потому что весь этотъ диѳирамбъ цѣликомъ взятъ изъ частнаго письма и притомъ очень небольшого, слѣдовательно, не изъ тѣхъ, которыя Гоголь долго обдумывалъ и переправлялъ, какъ-бы готовя ихъ для появленія въ печати. Гоголь просто отвѣчалъ закадычному пріятелю Языкову на присылку книги Погодина о Карамзинѣ и по этому поводу, безусловно мимоходомъ, предался своимъ удивительнымъ размышленіямъ.

XIV.

Какъ Гоголь понималъ власть помѣщика.

Но, собственно говоря, всякія чисто-фактическія доказательства искренности „Переписки“ совсѣмъ и не нужны даже. Будучи, во всякомъ случаѣ, произведеніемъ въ высшей степени яркимъ, являясь, во всякомъ случаѣ, выраженіемъ долголѣтнихъ думъ и размышленій, „Переписка“ уже въ силу одного этого не можетъ быть неискренней. Можно быть неискреннимъ въ одномъ какомъ-нибудь письмѣ, въ одной какой-нибудь статьѣ, но нельзя быть неискреннимъ въ цѣломъ стройномъ міросозерцаніи, нельзя 6—10 лѣтъ упорно и мучительно носиться съ извѣстными мыслями, имѣя приэтомъ въ виду какія-то заднія цѣли. Это— психологическій nonsens.

Да, наконецъ, писательская „искренность“ есть понятіе совсѣмъ особенное.

Она, по преимуществу, состоитъ въ глубокомъ интересѣ къ предмету, въ томъ, что писателю страстно, неудержимо хочется вращаться въ сферѣ опредѣленныхъ вопросовъ.

„Переписка“ была выраженіемъ настроенія, назрѣвавшаго съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ Гоголь въ 1836 году уѣхалъ за-границу. Вначалѣ просто преисполненный сознанія своей „львиной силы“, онъ все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ развертывался передъ нимъ сюжетъ „Мертвыхъ душъ“, укрѣплялся въ этомъ сознаніи, пока, наконецъ, при его глубокой религіозности, оно не приняло форму вполнѣ реальнаго убѣжденія въ своемъ избранничествѣ.

Въ письмѣ къ другу дѣтства А. С. Данилевскому Гоголь, давая ему рядъ совѣтовъ и наставленій, такъ-таки прямо и заявляетъ ему:

„О, вѣрь словамъ моимъ! Властью высшею облечено отнынѣ мое слово“ (II, 111). Въ томъ же письмѣ Гоголь, буквально какъ библейскій пророкъ, восклицаетъ: „Теперь ты долженъ слушать моего слова, ибо вдвойнѣ властно надъ тобою мое слово и *горе кому бы то ни было, не слушающему моего слова*“ (II, 110).

Можно какъ-угодно отнестись къ этимъ и однороднымъ заявленіямъ, которыя разбросаны во множествѣ въ письмахъ Гоголя, особенно въ письмахъ къ сестрамъ. Можно въ этомъ видѣть, какъ Бѣлинскій, проявленіе mania religiosa, можно отнестись къ этому, какъ къ маніи величія и т. д. Но въ одномъ только никто не станетъ сомнѣваться, что подобныя заявленія вытекаютъ изъ настроенія необыкновенно цѣльнаго и проникающаго всего человѣка.

Изъ этого-то глубоко-искренняго пророческаго настроенія Гоголя, изъ его проникновеннаго убѣжденія, что онъ призванъ наставлять, поучать, указать истинный путь жизни личной и общественной и вытекла „Переписка“, въ которой граждански-поучительный характеръ писательской дѣятельности Гоголя достигъ своего апогея.

Это была *первая русская книга, которая такъ или иначе затрагивала основные вопросы русскаго общественнаго быта,* первая книга, которая, хотя и въ глубоко-реакціонной формѣ, касалась самыхъ жгучихъ сторонъ русской гражданственности и тѣмъ самымъ заставляла общественную мысль работать въ извѣстномъ направленіи, подвергать анализу явленія, мимо которыхъ она до того проходила, просто не замѣчая ихъ.

Въ каждомъ литературномъ произведеніи, съ общественной точки зрѣнія, гораздо важнѣе самого содержанія его способность затрагивать въ душѣ читателя извѣстныя струны, потому что основа всякаго прогресса есть, прежде всего, движеніе и страшенъ для общественности только застой.

И стоитъ ближе присмотрѣться къ самымъ реакціоннымъ мѣстамъ „Переписки“, чтобы убѣдиться, какъ пламенно они стремятся внести гражданскія стремленія въ самыя обыденныя, повседневныя отношенія.

Возьмемъ даже пресловутую статью „Русскій помѣщикъ“ съ ея апоѳеозомъ крѣпостного права, съ ея прямымъ возведеніемъ закрѣпощенія мужика въ какой-то перлъ созданія.

Бѣлинскому, которому при чтеніи только что тогда появившагося „Антона Горемыки“ казалось, что это не Антона, а его самого „отодрали на барской конюшнѣ“, конечно, кровь бросилась въ голову, когда онъ прочелъ гоголевское наставленіе пріятелю: собрать своихъ крѣпостныхъ, объяснить имъ, что они, „родясь подъ властію, должны покориться той самой власти, подъ которою родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога“, а главное *„показать это имъ тутъ же въ Евангеліи, чтобы они всѣ это видѣли до единаго“*.

По поводу этой кощунственной профанаціи Евангелія Бѣлинскій, конечно, только и могъ сказать Гоголю, что въ моментъ преподанія своихъ совѣтовъ онъ былъ „преисполненъ не истины Христовой, а дьяволова ученія“.

Но когда Бѣлинскій тутъ же утверждаетъ, что Гоголь „во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше“, то онъ неправъ.

Нѣтъ, Гоголь, совершенно забывъ историческое происхожденіе русскаго крѣпостного права, создалъ дикую утопію помѣщичьей власти, въ силу которой помѣщикъ всего менѣе пріобрѣтатель. По теоріи „Переписки“, помѣщикъ— человѣкъ, отъ Бога поставленный за тѣмъ, чтобы блюсти души своихъ крѣпостныхъ.

„Скажи мужикамъ,—наставляетъ Гоголь пріятеля,—что заставляешь ихъ трудиться и работать *вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнаціи*, и сдѣлай такъ, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль; но что потому ты заставляешь ихъ трудиться, что Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и потомъ снискивать себѣ хлѣбъ, и прочти имъ тутъ же это въ Св. Писаніи, чтобы они это видѣли. Скажи имъ всю правду: *что съ тебя взыщетъ Богъ за послѣдняго негодяя въ селѣ*“. Сообразно съ этимъ, Гоголь вмѣняетъ въ обязанность помѣщику обширнѣйшую программу безпрерывнаго и детальнѣйшаго

общенія съ крестьянами, о которой въ обычной помѣщичьей жизни того времени никогда и помину не было, конечно.

Тотъ владѣлецъ 800 душъ, къ которому обращены совѣты и увѣщеванія Гоголя, долженъ безпрерывно проповѣдывать своимъ „подданнымъ“ и для этого долженъ знать повадку и жизнь каждаго изъ своихъ мужиковъ въ отдѣльности. Когда мужикъ будетъ „уличенъ въ воровствѣ, *лѣности* или пьянствѣ“, помѣщикъ долженъ „ставить его передъ лицомъ Бога, а не передъ своимъ лицомъ“, долженъ показать, что онъ „грѣшитъ противъ Бога“, а не противъ помѣщика, и долженъ предпринять цѣлый циклъ весьма сложныхъ увѣщаній и укоровъ. Недостаточно упрекать одного только провинившагося—

„призови и бабу его, его семью, собери сосѣдей, попрекни бабу, зачѣмъ не отваживала отъ зла своего мужа и не грозила ему страхомъ Божіимъ; попрекни сосѣдей, зачѣмъ допустили, что ихъ же братъ, среди ихъ же, зажилъ собакой и губитъ ни про-что свою душу, докажи имъ, что они дадутъ за то всѣ отвѣтъ Богу. Устрой такъ, чтобы на всѣхъ легла отвѣтственность и чтобы все, что ни окружаетъ человѣка, упрекало бы и не давало бы ему слишкомъ разстегнуться“.

Но не только съ „лѣнтяями“ и пьяницами долженъ возиться гоголевскій помѣщикъ.

„А примѣрныхъ мужиковъ, призвавши къ себѣ и, если они старики, посадивши ихъ предъ собою, потолкуй съ ними о томъ, какъ они могутъ наставлять и учить добру другихъ, исполняя такимъ образомъ именно то, что повелѣлъ намъ Богъ“.

Въ чисто-хозяйственныхъ дѣлахъ „соприкосновеніе помѣщика съ крестьяниномъ“ должно быть самое тѣсное, и помѣщикъ долженъ быть „самъ начинателемъ всего и передовымъ во всѣхъ дѣлахъ“, долженъ „въ комнатахъ не засиживаться“, долженъ почаще самъ принимать дѣятельное участіе въ крестьянскихъ работахъ съ топоромъ или косой въ рукѣ.

Усердно долженъ помѣщикъ заботиться о просвѣщеніи народа и его религіозности. Правда, „учить мужика грамотѣ затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пу-

стыя книжонки, которыя издаютъ для народа европейскіе человѣколюбцы, есть дѣйствительно вздоръ". „У мужика нѣтъ вовсе для этого времени. Послѣ столькихъ работъ никакая книжонка не полѣзетъ въ голову и, пришедши домой, онъ заснетъ какъ убитый—богатырскимъ сномъ". Къ тому же, „деревенскій священникъ можетъ сказать гораздо больше истинно нужнаго для мужика, нежели всѣ эти книжонки". Но, „если въ комъ истинно уже зародится охота къ грамотѣ, и притомъ вовсе не затѣмъ, чтобы сдѣлаться плутомъ-конторщикомъ, но затѣмъ, чтобы прочесть тѣ книги, въ которыхъ начертанъ Божій законъ человѣку—тогда другое дѣло. *Воспитай его какъ сына* и на него одного употреби все, что употребилъ бы ты на всю школу".

Въ религіозномъ воспитаніи крестьянъ гоголевскій помѣщикъ, который вообще является истиннымъ чудомъ природы, соединяя въ себѣ рѣшительно всѣ способности и достоинства, играетъ тоже первенствующую роль, а духовенство тутъ сбоку-припеку. Обыкновенно священники поучаютъ свою паству, хотя бы въ составъ этой паствы входили и такіе помѣщики, какъ гоголевскій владѣлецъ 800 душъ. Въ „Перепискѣ" наоборотъ:

„*Будь ему* (*священнику*) *наставникомъ*", самымъ серьезнымъ образомъ говоритъ Гоголь своему помѣщику-энциклопедисту, „ты же понялъ такъ хорошо обязанности сельскаго священника".

Совершенно забывъ, что у священника могутъ быть и свои собственные интересы и желаніе проводить время въ собственной семьѣ, Гоголь дѣлаетъ изъ него настоящаго и безсмѣннаго помѣщичьяго адъютанта, который оттого, что помѣщичья власть есть учрежденіе, назначенное отнюдь не для извлеченія выгодъ, а для спасенія крестьянскихъ душъ, долженъ всецѣло отдать себя въ распоряженіе помѣщика:

„Заведи, чтобы священникъ обѣдалъ съ тобою всякій день. Читай съ нимъ вмѣстѣ духовныя книги. *А самое главное—бери съ собою священника повсюду, гдѣ ни бываешь на работахъ, чтобы сначала онъ былъ при тебѣ въ качествѣ помощника;* чтобы онъ видѣлъ самолично всю продѣлку твою съ мужиками. Къ нему будетъ больше уваженія со

сотроны мужиковъ, когда они увидятъ, что онъ идетъ съ тобой объ руку".

Даже проповѣдывать долженъ священникъ именно то, что укажетъ помѣщикъ. Хотя священникъ кончилъ семинарію и, надо полагать, могъ бы, напримѣръ, и самъ справиться со Златоустомъ, но направляющая рука помѣщика и тутъ должна имѣть главное значеніе:

„Возьми Златоуста и читай его вмѣстѣ съ *твоимъ* священникомъ и притомъ съ карандашемъ въ рукѣ, чтобы отмѣчать тутъ же всѣ такія мѣста (краткія и сильныя), а такихъ мѣстъ у Златоуста десятками во всякой проповѣди. И эти мѣста пусть онъ скажетъ народу".

Такимъ образомъ, въ общемъ, священникъ—простая ширма, и дѣло религіознаго наставленія народа всецѣло сосредоточено въ рукахъ помѣщика.

Зато же и хвала ему воздается за всю совокупность его разносторонней дѣятельности, которая, по глубокому убѣжденію Гоголя, не можетъ не увѣнчаться блистательнѣйшимъ успѣхомъ, ибо „въ которую деревню заглянула только христіанская жизнь, тамъ мужики лопатами гребутъ серебро". „Не служа доселѣ ревностно ни на какомъ поприщѣ, сослужишь ты такую службу въ званіи помѣщика, какой не сослужитъ иной великочинный человѣкъ. Что ни говори, но поставить 800 подданныхъ, которые всѣ какъ одинъ и могутъ быть примѣромъ всѣмъ окружающимъ своею истинно-примѣрною жизнію—это дѣло не бездѣльное и служба истинно-законная и великая".

Можно разно отнестись къ гоголевской утопіи—со смѣхомъ, съ негодованіемъ, съ недоумѣніемъ, но забудьте самое содержаніе ея, возьмите только *схему* отношеній, которыя она устанавливаетъ. Вы должны будете согласиться, что тутъ не пріобрѣтательство, а подвижничество, попытка внести нравственное содержаніе и серьезнѣйшія обязанности въ такую сферу, гдѣ люди того круга, среди котораго вращался Гоголь, ничего, кромѣ самыхъ грубыхъ практическихъ цѣлей, не преслѣдовали. Чисто-экономическія отношенія превращены въ стройное явленіе гражданской жизни, и всякій на какомъ-то общественномъ посту. Гоголевскому помѣщику, или вѣрнѣе настоящему отцу ду-

ховнику и наставнику 800 душъ, никто не откажетъ въ званіи истинно-общественнаго дѣятеля, если онъ послушается Гоголя и свое сладкое житье промѣняетъ на то томительно-скучное существованіе, которое ему навязываетъ „Переписка“.

Гоголевское теократизированіе крѣпостного права могло бы, конечно, еще быть отвратительнымъ лицемѣріемъ какого-нибудь Іудушки Головлева, который въ моментъ, когда въ обществѣ пошли вѣянія, способныя подкопать зданіе помѣщичьяго благополучія, старается напялить благообразную личину на безобразное явленіе.

Но въ этомъ отношеніи реакціонеръ и крѣпостникъ Гоголь имѣетъ за собою нѣчто такое, чего не имѣло за собою большинство тѣхъ, которые такъ на него обрушились.

Гоголь былъ идеально безкорыстенъ и нравственно свободенъ, создавая свои крѣпостническіе идеалы.

Съ переѣзда въ Петербургъ, т. е. съ первыхъ моментовъ своего сознательнаго существованія, Гоголь не пользовался ни единою крѣпостною копѣйкою, ни единой минуты не жилъ на счетъ крестьянъ, которые, увы, обезпечили благополучное существованіе и автора „Записокъ охотника“, и автора „Антона Горемыки“ и, за исключеніемъ одного лишь Бѣлинскаго, почти всѣхъ его друзей и единомышленниковъ.

И вотъ почему вся нелѣпо-слашавая маниловщина статьи „Русскій помѣщикъ“, вся эта идиллія, въ существѣ гораздо болѣе смѣхотворная, чѣмъ возмутительная, должна быть, скажу еще разъ, признана ошибкою ума, но никакъ не сердца. Во всемъ этомъ эпизодѣ только ярко сказалась способность Гоголя ко всякому явленію подходить съ гражданской стороны, вносить весьма своеобразно-выразившіяся, но всетаки несомнѣнно общественныя стремленія въ самые затхлые уголки жизни.

XV.

„Небесное безпокойство о людяхъ“.

Ту же общественность Гоголь хочетъ внести и во всѣ остальныя сферы русской жизни, которыя подвергаетъ анализу въ своей книгѣ.

Что можетъ быть заурядднѣе положенія губернаторши? Однако же, въ длинной статьѣ, составившейся изъ реальнаго письма къ его ближайшей пріятельницѣ—знаменитой калужской губернаторшѣ А. О. Смирновой, Гоголь дѣлаетъ этотъ „постъ“ настоящимъ общественнымъ служеніемъ. Гоголевская губернаторша „должна всѣхъ избранныхъ и лучшихъ въ городѣ подвигнуть на дѣятельность общественную“, должна гнать роскошь, должна „*глядѣть на весь городъ, какъ лѣкарь глядитъ на лазаретъ*“ и лѣчить общественныя язвы своимъ добрымъ вліяніемъ на дамъ, въ стремленіи которыхъ къ роскоши Гоголь, на протяженіи всей своей книги, видитъ главный источникъ злоупотребленій чиновниковъ и судей.

Забудемъ опять маниловскую патоку, на которой заварена вся эта умилительная программа преобразованія общественнаго строя стараніями добрыхъ начальниковъ, и мы снова получаемъ тотъ же принципъ широкаго пріобщенія всякаго человѣка къ гражданской работѣ.

Еще менѣе, повидимому, имѣетъ что-либо родственнаго съ общественною дѣятельностью представленіе о богатой, знатной красавицѣ.

А, между тѣмъ, присмотримся къ душевному портрету

красавицы, нарисованному въ статьѣ „Женщина въ свѣтѣ“. Біографія Гоголя выяснила, что хотя статья и имѣетъ подзаглавіе „Письмо къ ...*вой*“, но, на самомъ дѣлѣ, такого реальнаго письма Гоголь никому не писалъ, и въ своей статьѣ онъ, какъ и въ „Русскомъ помѣщикѣ“, только воспользовался эпистолярной формой, чтобы начертить свой идеалъ женщины.

Какое же употребленіе дѣлаетъ мнимая ...*ва* изъ своей молодости и красоты?

Она скорбитъ о томъ, что „не можетъ быть кому-нибудь полезной“, что „*никакого вліянія на общество имѣть не можетъ*“.

Но Гоголь съ нею споритъ, онъ указываетъ ей, что разъ „самимъ Богомъ водворено“ ей „въ душу стремленіе или жажда добра“, разъ „кто заключилъ въ душѣ своей такое *небесное безпокойство о людяхъ*, такую ангельскую тоску о нихъ среди самыхъ развлекательныхъ увеселеній, тотъ много,-много можетъ для нихъ сдѣлать; у того повсюду поприще, потому что повсюду люди“. „Не убѣгайте же свѣта, среди котораго вамъ назначено быть“, умоляетъ Гоголь свою красавицу: ей непремѣнно удастся „обратить на путь нынѣшній свѣтъ“: отказъ „ни у кого не посмѣетъ пошевелиться на губахъ, когда однимъ умоляющимъ взоромъ безъ словъ, вы попросите кого-нибудь изъ насъ, чтобы, онъ сдѣлался лучшимъ“.

Мы не будемъ слѣдить за дальнѣйшими совѣтами и указаніями Гоголя,—по обыкновенію, они слащаво-приторны. Но оцѣнимте самое главное въ каждомъ нравственномъ совѣтѣ—направленіе, которое онъ даетъ мысли. Пусть намъ укажутъ хотя бы одного изъ современныхъ „Перепискѣ“ самыхъ передовыхъ писателей, у которого зародился бы такой свѣтлый образъ, какъ образъ гоголевской красавицы, съ душой, объятой,—по удивительному выраженію Гоголя достойному стать крылатымъ словомъ,—„*небеснымъ безпокойствомъ о людяхъ*“?

И этотъ образъ создался у Гоголя не мимолетно,—онъ вышелъ изъ очень глубокихъ тайниковъ его творческой души, потому что отлился у него тоже и въ художественной формѣ, во 2-й части „Мертвыхъ душъ“ въ лицѣ Улинь-

ки Бетрищевой, которая вся была переполнена такимъ же „небеснымъ безпокойствомъ“, не выносила ни малѣйшей несправедливости. Улинька еще мало оцѣнена нашей критикой, но она, несомнѣнно, является первымъ художественнымъ воплощеніемъ новой русской женщины, съ ея общественными стремленіями и негодованіемъ на неправду; она— старшая сестра тургеневской Елены.

XVI.

„Идите въ міръ“.

Къ числу самыхъ яркихъ въ общественно-политическомъ отношеніи статей „Переписки“ принадлежитъ частью дѣйствительная переписка, частью только изложеніе бесѣдъ съ очень интимнымъ другомъ Гоголя—графомъ Александромъ Петровичемъ Толстымъ, тѣмъ самымъ, въ домѣ котораго онъ умеръ.

Къ Толстому адресованы всѣ статьи, гдѣ говорится о церкви, о духовенствѣ, о томъ, какъ надо „любить Россію“ и служить ей. Это та часть книги, которая пользуется особенно установившейся репутаціею мрачнаго обскурантства.

Но немало будетъ удивленъ современный читатель если, захотѣвъ познакомиться поближе съ почти никѣмъ теперь не читаемой „Перепиской“, заглянетъ и въ тѣ страницы, гдѣ, повидимому, сосредоточенъ весь гоголевскій „клерикализмъ“ и „аскетизмъ“. И окажется тогда, что того, что можно назвать „клерикализмомъ“ въ прямомъ смыслѣ, т. е. предоставленія духовенству руководящей роли въ практической жизни, у Гоголя нѣтъ и слѣда.

Человѣкъ глубоко-религіозный, безгранично-высоко ставящій церковь какъ руководительницу и наставницу совѣсти, Гоголь, однако, рѣзко отстраняетъ духовенство отъ прямого и непосредственнаго вмѣшательства въ жизнь. Онъ даже противъ простого общенія духовенства съ паствою внѣ церкви:

„Повѣрьте, что если бы стали духовные встрѣчаться съ

нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, это было бы нехорошо".

Весьма кстати вспомнивъ тутъ о самыхъ яркихъ и настоящихъ представителяхъ клерикализма—католическихъ патерахъ, съ ихъ вмѣшательствомъ въ семейныя дѣла, Гоголь прибавляетъ:

„духовенству предстоитъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ: какъ-разъ завелись бы тѣ интриги въ домахъ, въ которыхъ обвиняютъ римско-католическихъ поповъ".

Гоголь отмежевываетъ представителямъ церкви совершенно опредѣленную область:

„у духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь".

Гдѣ же тутъ хотя бы отдаленная тѣнь дѣйствительнаго клерикализма?

Что касается „аскетизма", т. е. стремленія углубиться только во внутреннее самоусовершенствованіе и бѣжать отъ дѣлъ міра сего, то трудно найти болѣе рѣшительное, болѣе энергичное противодѣйствіе такому убѣганію въ пустыню, чѣмъ то, которое даетъ „Переписка".

Въ статьѣ „Нужно любить Россію" вопросъ поставленъ въ самой непосредственной формѣ. Здѣсь Гоголь борется съ дѣйствительнымъ или воображаемымъ желаніемъ Толстого уйти въ монастырь и разсуждаетъ такъ:

„безъ любви къ Богу никому не спастись", но эту любовь надо имѣть въ себѣ: *„въ монастырѣ ея не найдется"* тому, кто ею не проникся раньше.

Какъ же обрѣсти любовь?

„Христосъ принесъ и возвѣстилъ намъ тайну, что въ любви къ братьямъ получаемъ любовь къ Богу. Стоитъ только полюбить ихъ такъ, какъ приказалъ Христосъ, и сама собой выйдетъ въ итогѣ любовь къ Богу Самому. *Идите же въ міръ и пріобрѣтайте прежде любовь къ братьямъ*".

„Но какъ полюбить братьевъ?"

Для этого русскому надо полюбить Россію, въ которой теперь „болѣзни и страданія накопились въ такомъ множествѣ".

Слышится „вопль всей земли“ противъ „безчинствъи неправды“ и въ такое время никто не долженъ отстраняться отъ борьбы со зломъ.

„Вы еще не любите Россію: вы умѣете только печалиться да раздражаться слухами обо всемъ дурномъ, что въ ней дѣлается“; „это еще не любовь, далеко вамъ до любви“. „Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, у васъ пропадетъ тогда сама собою та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многихъ честныхъ и даже умныхъ людей, то-есть, будто въ теперешнее время они уже не могутъ сдѣлать для Россіи и будто они ей уже теперь не нужны совсѣмъ; напротивъ, тогда только во всей силѣ вы почувствуете, что любовь всемогуща и что съ нею можно все сдѣлать. Нѣтъ, если вы дѣйствительно полюбите Россію, вы будете рваться служить ей: *не въ губернаторы, но въ капитанъ-исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупицу дѣятельности на немъ всей вашей нынѣшней бездѣйственной и праздной жизни*“.

Предложить бывшему губернатору, чѣмъ Толстой былъ и въ дѣйствительности и въ качествѣ чего фигурируетъ передъ читателями въ „Перепискѣ“, было, конечно, очень наивно.

Но думается, что отъ чести признать свое тѣсное душевное родство съ этою наивностью не откажется ни одинъ изъ самыхъ завзятыхъ противниковъ „Переписки“. По существу это было настоящее хожденіе въ народъ.

Изъ этой „наивности“ родилось все, что намъ свято въ русскомъ народолюбіи, изъ нея вышло „кающееся дворянство“, вышли всѣ тѣ дорогія намъ позднѣйшія теченія, которыя тоже предпочли „бездѣйственной и праздной жизни“ „крупицу дѣятельности“ хотя бы и на „послѣднемъ мѣстѣ“ общественной лѣстницы. Въ поразительно-сильной формулѣ Гоголя могла сказаться только мысль, глубоко-захваченная скорбью о родинѣ, вся изнывшая отъ сознанія ранъ, ее разъѣдающихъ, и страстнаго желанія залѣчить ихъ.

Тотъ же страстный призывъ работать на пользу общую составляетъ главное содержаніе другого адресованнаго Толстому письма—„Нужно проѣздиться по Россіи“.

Тутъ опять энергическая борьба съ настроеніемъ, изъ жажды подвига рвущимся въ монастырь, и опять „аскетическая“ книга Гоголя властно говоритъ кандидату въ монахи:

„*Монастырь нашъ—Россія*! Облеките же себя умственно рясой чернеца и, всего себя умертвивши для себя, но не для нея, ступайте подвизаться въ ней“.

XVII.

Писатель-гражданинъ и карающій пророкъ.

Если Гоголь отъ людей всякаго званія и положенія требуетъ дѣятельной и самоотверженной работы на пользу общую, то какъ онъ смотритъ на собственную задачу свою, въ чемъ полагаетъ сущность и значеніе писательскаго призванія?

Ярко сказалась истинно-гражданская окраска всего духовнаго существа Гоголя и въ его взглядахъ на задачи литературы вообще и поэзіи въ частности. Для него писатель, какъ для самаго завзятаго „разрушителя эстетики“ 60-хъ гг., только и цѣненъ съ точки зрѣнія той „пользы“, которую онъ приноситъ:

„Я—писатель, а долгъ писателя не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая-нибудь польза душѣ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ“.

Благоговѣйный ученикъ и безграничный почитатель Пушкина, Гоголь, однако, совершенно разошелся съ нимъ въ пониманіи задачъ художественной дѣятельности.

Несогласенъ онъ съ нимъ ни въ томъ, что художники рождены для „звуковъ сладкихъ и молитвъ“, ни въ томъ, что не ихъ дѣло „корысть“ и „битвы“. Какъ мы сейчасъ читали, Гоголь обязательно требуетъ „пользы“, т. е. „корысти“ по терминологіи Пушкина. А что касается „житейскаго волненія“ и „битвъ“ т. е. отзывчивости на нужды времени и

участія въ борьбѣ съ несовершенствами жизни, то всего этого Гоголь требуетъ не только отъ писателя, назначеніе котораго ставилъ такъ необыкновенно высоко,—онъ вмѣняетъ рѣшительно всякому человѣку борьбу со зломъ.

„Вспомни“, говоритъ онъ даже человѣку, занимающему „незамѣтную должность“ и имѣющему весьма скромную сферу дѣйствія: „призваны въ міръ мы вовсе не для праздниковъ и пированій — *на битву мы сюда призваны*; какъ добрый воинъ, долженъ бросаться изъ насъ всякъ туда, гдѣ пожарче битва“.

Звуки же сладкіе Гоголь отвергаетъ съ энергіею библейскаго пророка:

„Стряхни сонъ съ очей своихъ“, говоритъ онъ лучшему другу своему, поэту Языкову, „и порази сонъ другихъ“. И вслѣдъ за этимъ Гоголь даетъ удивительнѣйшую по силѣ и яркости литературную формулу:

„На колѣна передъ Богомъ и *проси у него гнѣва и любви*!“

„Гнѣва и любви“!

Это сказано за нѣсколько лѣтъ до дорогой намъ формулы: „муза мести и печали“.

И если этой музѣ мы присвоили названіе „гражданской“ по преимуществу, то будемте послѣдовательны и по отношенію къ Гоголю.

Неужели не „писатель-гражданинъ“ тотъ, кто своими художественными произведеніями подкопалъ все зданіе общественной скверны, а въ произведеніяхъ теоретическихъ *всякаго человѣка* дѣлаетъ ратоборцемъ за правду и общее благо, хотя и очень своеобразно понятое?

1902.

Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни.

(Почти невѣроятное происшествіе).

Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни.

(Почти невѣроятное происшествіе).

I.

Гиперболизмъ въ творчествѣ Гоголя.

Было время, когда представленіе о Гоголѣ и понятіе о „реализмѣ“ были совершенно неотдѣлимы.

Сначала это шло отъ враговъ.

Признанный отецъ „натуральной школы“, Гоголь въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ былъ предметомъ ожесточеннѣйшихъ нападокъ литературныхъ старовѣровъ за то, что онъ любитъ копаться въ „грязи“ дѣйствительности и этимъ „низводитъ“ искусство съ той высоты, на которой ему пребывать надлежитъ.

Поклонники всего менѣе отвергали это „обвиненіе“ по существу, но только убѣжденно доказывали, что дѣйствительность „грязной“ не можетъ быть, что есть только реальная жизнь и выдуманная и что отражать доподлинную жизнь есть величайшая заслуга.

И восторженно признала себя въ пылу полемическаго увлеченія учениками Гоголя вся литературная молодежь, приступившая съ такимъ одушевленіемъ въ концѣ 40-хъ годовъ къ изображенію русской жизни. Забыто при этомъ было, что настоящимъ-то родоначальникомъ русскаго реализма былъ не Гоголь, а Пушкинъ, съ его геніальною простотою и ясностью.

Если, однако, говорить о гоголевскомъ вліяніи по отношенію къ творческой манерѣ, то большинство представителей великой плеяды 40-хъ годовъ въ гоголевской манерѣ не писали — ни Тургеневъ, ни Гончаровъ, ни Писемскій, ни другіе.

Пошло-то оно, пошло отъ Гоголя нѣчто безмѣрно-ве-

ликое: „мы всѣ вышли изъ *Шинели*“, совершенно вѣрно свидѣтельствуетъ Достоевскій, по пріемамъ творчества ближе другихъ сверстниковъ своихъ подходящій къ Гоголю. Но уже это нѣчто другое и всецѣло относится къ морально-общественнымъ настроеніямъ. А сейчасъ я говорю только о художественныхъ пріемахъ.

Стало шаблономъ, вошедшимъ во всѣ учебники, что великое значеніе Гоголя состоитъ въ томъ, что въ его творчествѣ доподлинная русская жизнь во всей своей мелкой детальности и полной достовѣрности получила точнѣйшее отображеніе.

Эта точка зрѣнія въ общемъ, конечно, остается непоколебимой. Конечно, никто въ такой степени какъ Гоголь не содѣйствовалъ тому, чтобы неприкрашенная реальная русская жизнь стала центромъ литературнаго отображенія. Для Гоголя „низкихъ истинъ“, конечно, не существовало, и если кто въ корнѣ уничтожилъ глубоко засѣвшее въ литературномъ сознаніи раздѣленіе на высокіе и „подлые“ сюжеты, то именно Гоголь.

Но содѣйствовалъ Гоголь возведенію дѣйствительности въ своего рода „перлъ созданія“, все таки, художественными пріемами, которые могутъ быть сопричислены къ реализму только съ существеннѣйшими оговорками.

Эти оговорки выдвинуты особенно настойчиво въ послѣдніе годы, когда въ извѣстной части нашей литературы пошла переоцѣнка прежнихъ литературныхъ цѣнностей подъ угломъ зрѣнія всяческаго модернизма, символизма и „богоискательства“.

Я здѣсь не собираюсь останавливаться на этой переоцѣнкѣ. Ограничусь общимъ замѣчаніемъ, что значительная часть модернистско-богоискательскаго истолкованія Гоголя не имѣетъ никакой историко-литературной цѣнности. Она совершенно не желаетъ разсматривать значеніе Гоголя въ связи съ условіями русской жизни и въ соотношеніи съ тѣми, говоря гоголевскимъ выраженіемъ, „ужасающими непорядками нашими“, въ грозномъ обличеніи которыхъ заключается историческое значеніе Гоголя. Какъ ни великъ самъ по себѣ удивительный геній Гоголя, но иностранцы, столь чуткіе теперь ко всему, что есть общечело-

вѣческаго и вѣчнаго въ русскомъ литературномъ творчествѣ, Гоголя не понимаютъ—настолько онъ неразрывно связанъ именно съ этими непонятными европейцу „ужасающими непорядками нашими“.

Для нихъ „Ревизоръ“ забавный фарсъ, „Мертвыя Души“—собраніе курьезовъ. И только въ возгласѣ Пушкина: „какъ грустна наша Россія“, вырвавшемся у него послѣ того, какъ онъ прослушалъ начало „Мертвыхъ Душъ“—объясненіе огромнаго воздѣйствія Гоголя на литературно-общественное самосознаніе одной изъ самыхъ замѣчательныхъ эпохъ русскаго культурнаго подвижничества. Неужели-же серьезно можно думать, что Гоголь пріобрѣлъ безмѣрное вліяніе чисто-художественнымъ совершенствомъ своихъ созданій, тѣмъ, что великолѣпно изобразилъ вранье Хлестакова и геніально закончилъ „Женитьбу“?

Но, считая стремленія модернистско-богоискательской критики отвлечь Гоголя отъ общественности грубымъ полемическимъ промахомъ, не могу не признать, однако, что критика Мережковскаго, Розанова, Гершензона, Брюсова высказала и много чрезвычайно-интересныхъ соображеній. Ничего не давая для выясненія историко-литературнаго значенія дѣятельности Гоголя, они много помогли выясненію непреходящихъ элементовъ гоголевскаго творчества.

Брюсова, впрочемъ, я въ данномъ случаѣ сопричислилъ къ модернисткой критикѣ только по формальному основанію общей его принадлежности къ модернизму. Онъ, собственно, въ своемъ замѣчательномъ этюдѣ „Испепеленный“ совершенно не задается никакими „пересмотрами“ прежнихъ „радикальничающихъ“ оцѣнокъ Гоголя. Не воюетъ онъ съ Бѣлинскимъ за то, что гоголевская „Переписка“ Бѣлинскаго прямо точно ножомъ по сердцу полоснула, не привлекаетъ, подобно Мережковскому, чорта къ изученію гоголевскаго творчества и вообще не пользуется Гоголемъ для постороннихъ полемическихъ цѣлей.

Брюсовъ просто всмотрѣлся въ художническую манеру Гоголя и, путемъ подбора десятковъ цитатъ почти изъ всѣхъ произведеній Гоголя, блистательно провелъ основной тезисъ своего чрезвычайно доказательнаго этюда:

„Если бы мы пожелали опредѣлить основную черту

души Гоголя, faculté maîtresse, которая господствуетъ и въ его творчествѣ, и въ его жизни,—мы должны были-бы назвать *стремленіе къ преувеличенію, къ гиперболѣ*".

Но если это такъ, если у Гоголя, какъ Брюсовъ дальше перефразировываетъ одно мѣсто изъ „Мертвыхъ Душъ", „Гипербола сѣла верхомъ на Гиперболу", то какой-же тутъ „реализмъ" въ непосредственномъ пониманіи этого слова, какое-же тутъ воспроизведеніе доподлинной русской жизни?

II.

Доподлинную Россію Гоголь и возможности не имѣлъ наблюдать.

Въ задачи моей статьи совершенно не входитъ желаніе сколько-нибудь подробно останавливаться на сложномъ вопросѣ о свойствахъ гоголевскаго „реализма“ вообще.

Я бы хотѣлъ только обратить вниманіе на одну *біографическую* деталь, на которую и самъ я только недавно обратилъ вниманіе, когда, подготовляя настоящій томъ, перечитывалъ Гоголя и возобновлялъ въ памяти факты жизни великаго скорбника.

Ярко освѣщаетъ вопросъ о гоголевскомъ „реализмѣ“ эта деталь, чрезвычайно странная съ перваго взгляда, но все-же абсолютно безспорная.

Звучитъ, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ-то безмѣрно-парадоксальнымъ, что авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, въ которыхъ отразилась, говоря установившимся шаблономъ, „вся Россія“, на самомъ дѣлѣ *воочію эту самую „Россію“, можно прямо сказать, никогда не видѣлъ.*

И все-же это такъ.

Всѣ типы, созданные Гоголемъ суть исключительно результатъ геніальнаго художественнаго синтеза.

Зналъ Гоголь только Малороссію и Петербургъ.

Великорусскій-же бытъ, „Россію“, русскую провинцію, доподлинную русскую жизнь онъ не только никогда не наблюдалъ, *на даже и возможности наблюдать* не имѣлъ.

Стоитъ бросить сколько-нибудь пристальный взглядъ на біографію Гоголя или того проще на отмѣтки подорожной Гоголя, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ эпоху созданія „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, т. е. до 1842 года, *Гоголь, сидя въ экипажѣ, провелъ въ доподлинной Россіи счетомъ около 50 дней.*

Изъ „жизни“ русскихъ губернскихъ городовъ Гоголь мелькомъ видѣлъ улицы и трактиры въ Курскѣ, а маленькаго русскаго уѣзднаго городка, вродѣ того, который описанъ въ „Ревизорѣ“, Гоголь даже и мелькомъ никогда не видалъ.

Конечно, никакой не то что геніальный, а даже средній художникъ не списываетъ дословно дѣйствительно имъ видѣнное, а даетъ типовое. Но, вѣдь, это типовое-то есть все-же таки, нѣкій средній выводъ, нѣкое обобщеніе, нѣкій общій знаменатель ряда отдѣльныхъ случаевъ. А вотъ у Гоголя никогда такой, какъ ее можно назвать, художественной руды въ распоряженіи не было. Онъ зналъ русскій бытъ исключительно теоретически, по разсказамъ, по догадкамъ, по тому, какъ онъ отражался въ жизни столичной.

III.

Россія и Малороссія въ изображеніи Гоголя.

До 20 лѣтъ Гоголь безвыѣздно жилъ въ Малороссіи.

Уже этого одного, конечно, было достаточно, чтобы наложить неизгладимый отпечатокъ на общій колоритъ творчества Гоголя и сдѣлать его писателемъ, мало подходящимъ для изображенія жизни „всей Россіи“.

Впечатлѣнія дѣтства и отрочества—это тотъ родникъ, изъ котораго писатель черпаетъ въ теченіе всей своей жизни. Всѣ три великихъ романа Гончарова разрабатываютъ по преимуществу то, что залегло и навсегда осталось въ душѣ его отъ Обломовки. Толстой весь во власти житейскаго матеріала, даваемаго тою средою, которая его воспитала. На Писемскомъ—неизгладимая печать русской провинціи, Островскій только и могъ изображать „темное царство“. Тургеневъ—ловецъ общественныхъ „моментовъ“ по преимуществу—тогда, когда отъ нихъ отходилъ, всегда былъ живописцемъ знакомаго съ дѣтства среднерусскаго пейзажа и орловскаго крестьянско-помѣщичьяго быта.

Гоголь не составляетъ исключенія изъ общаго правила. Малорусскій колоритъ совершенно неотдѣлимъ отъ его творчества не только въ такихъ прямо-малороссійскихъ вещахъ, какъ „Тарасъ Бульба“, „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, но и въ задающихся изображеніемъ общерусской жизни созданіяхъ его.

А можетъ быть самое малороссійское въ Гоголѣ—это, отчасти уже подмѣченное Аполлономъ Григорьевымъ, общее отношеніе къ русской дѣйствительности.

Вѣдь, у Гоголя нѣтъ ни капельки любви къ той жизни, которую онъ такъ безпощадно изобразилъ. Обличенье обличеньемъ, но если обличается родное, то и сквозь обличенье должна прорваться любовь. Щедринъ на что бичевалъ пошехонскую старину, однакоже, несомнѣнно и привязанъ былъ къ ней. Достоевскій говоритъ въ „Братьяхъ Карамазовыхъ“ о человѣколюбцѣ, который любилъ все человѣчество, но не любилъ людей въ отдѣльности. Про Гоголя можно опредѣленно сказать, что онъ горячо и пламенно любилъ Россію въ цѣломъ, но совершенно не любилъ ни русскихъ людей, ни русской природы. Вѣрно указываетъ Розановъ, что даже дѣтей, при изображеніи которыхъ всегда смягчается писательское сердце, Гоголь не пощадилъ. Ѳемистоклюсъ и его братишка—сопляки и дурни. А вотъ для Малороссіи, для малорусскаго быта, для малорусской природы, для малорусской исторіи, для звѣроподобнаго Тараса Бульбы, Гоголь имѣлъ въ сердцѣ своемъ неизсякаемый родникъ любви и снисходительности. Украйну Гоголь окуталъ поэтическимъ флеромъ, а Россія для него одна лишь мерзость запустѣнія, мертвое царство мертвыхъ душъ.

IV.

Авторъ „Ревизора“ провелъ въ русскомъ уѣздномъ городѣ 10 часовъ.

Если безспорно, что впечатлѣнія молодости кладутъ неизгладимый отпечатокъ на творчество писателя, то, конечно, столь-же безспорно, что даровитый человѣкъ хорошо, а геніальный человѣкъ геніально можетъ изобразить всякую среду, къ которой онъ присмотрѣлся.

И тотъ-же пѣвецъ Миргорода съ истиннымъ реализмомъ изобразилъ жизнь петербургскую. Въ разсказахъ Осипа, въ „Невскомъ проспектѣ“, „Шинели“ и даже въ самой гиперболической изъ гиперболическихъ созданій Гоголя — въ „Носѣ“—доподлинныя картинки петербургской жизни. Масса характерныхъ черточекъ, масса деталей, масса бытового реализма.

А теперь обратимся къ тому, имѣлъ-ли Гоголь въ своемъ творческомъ распоряженіи хотя-бы минимальный запасъ деталей той общерусской, т. е., въ данномъ случаѣ обязательно *провинціальной* жизни, Гомеромъ которой онъ выступилъ.

Въ концѣ 1828 года Гоголь ѣдетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ закадычнымъ другомъ своимъ—А. С. Данилевскимъ.

Было два пути: черезъ великорусскія губерніи и черезъ юго-западныя. Гоголь нарочно избралъ второй путь:

„Дорога лежала на Москву, но Гоголь ни за что не хотѣлъ проѣзжать черезъ нее, чтобы не испортить впечатлѣніе первой торжественной минуты въѣзда въ Петербургъ. Поэтому они поѣхали по бѣлорусской дорогѣ,—на Нѣжинъ, Черниговъ, Могилевъ, Витебскъ и т. д. *Во время пути не произошло ничего особенно замѣчательнаго*“ [1]).

---

1) *Шенрокъ*, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. I, стр. 152.

Подчеркнутое сейчасъ, конечно, интересно для нашей задачи. Могло, вѣдь, случиться что-нибудь на томъ коротенькомъ кусочкѣ пути, который лежалъ черезъ настоящую Россію—въ Псковской губ., напримѣръ,—какая-нибудь поломка, и надо было заѣхать по-неволѣ къ какому-нибудь Манилову, къ Собакевичу, къ Коробочкѣ.

Но нѣтъ юные путешественники мчались быстростремительно. Едва-ли переѣздъ у нихъ отнялъ больше 6—7 дней. 15 декабря Гоголь распрощался съ матерью („Переписка" I, 115), а 3 января 1829 г., т. е. всего черезъ 18 дней, или, вѣрнѣе, черезъ 15—16 дней, потому что „нѣсколько дней" путники еще провели въ Нѣжинѣ (Шенрокъ, „Матеріалы" I, 151) Гоголь пишетъ матери:

„Я много виноватъ передъ вами, почтеннѣйшая маменька, что *не писалъ вамъ тотчасъ по моемъ прибытіи въ столицу*".

Дальше слѣдуетъ описаніе петербургской жизни, цѣнъ на съѣстные припасы и т. д. Словомъ, человѣкъ уже нѣсколько обжился, на что требуется ну, мало-мало, недѣля.

Изъ первой 7—8-дневной поѣздки Гоголь не извлекъ для творчества своего даже того мимолетнаго couleur locale, который даетъ глазѣніе по сторонамъ изъ экипажа. Вѣдь ѣхалъ онъ глубокой зимой—подъ Рождество, а у Гоголя нигдѣ нѣтъ зимняго пейзажа, по санному пути въ „Мертвыхъ Душахъ" не ѣздятъ.

Однако, чтобы не упустить и самомалѣйшаго изъ того счета *дней*, въ теченіе которыхъ авторъ „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ" хоть провинціальнымъ русскимъ воздухомъ дышалъ, запишемъ ему въ активъ дня два переѣзда по псковской и петербургской губерніямъ.

Поселившись около 1 янв. 1829 г. въ Петербургѣ, Гоголь живетъ въ немъ почти безвыѣздно $3^1/_2$ года. Говорю *почти*, потому что лѣтомъ 1829 г. Гоголь предпринимаетъ странную и загадочную поѣздку въ сѣверную Германію, которая, всего вѣроятнѣе, была своего рода бѣгствомъ отъ самого себя, желаніемъ разсѣять тоску, вызванную проваломъ „Ганца Кюхельгартена". Во всякомъ случаѣ, переѣздъ моремъ въ Любекъ, Гамбургъ и обратно познанія Россіи не могъ увеличить.

Лишь въ іюлѣ 1832 г. Гоголь—уже сложившійся писатель, уже авторъ обратившихъ на себя всеобщее вниманіе „Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки“, уже другъ Пушкина и Жуковскаго—впервые попадаетъ въ настоящую Россію. Онъ ѣдетъ черезъ Москву къ матери и сестрамъ въ Полтавщину.

Оригинально прошелъ для ознакомленія съ „Россіею“ первый этапъ—отъ Петербурга до Москвы. Объ этомъ мы узнаемъ изъ письма къ матери отъ 4 іюля:

„Я очень дурно сдѣлалъ, моя безцѣнная маменька, что рѣшился выѣхать изъ Петербурга, да еще въ то время, когда чувствовалъ себя не слишкомъ здоровымъ. За то и поплатился порядкомъ, покамѣстъ доѣхалъ до Москвы. Какъ нарочно, погода была самая скверная, дожди проливные. *Я ѣхалъ день и ночь*, потому что товарищъ мой (Божко), ѣхавшій до Москвы вмѣстѣ со мною, не имѣлъ времени останавливаться“ (I, 216).

Я не выбрасываю эти 3—4 дня безостановочной ѣзды, и вмѣстѣ съ прежними 2 днями получается цѣлыхъ 5—6 дней.

7 Іюля Гоголь выѣхалъ изъ Москвы, а черезъ 10 дней онъ уже въ Полтавѣ. Считая, что отъ Курска до Полтавы—дня 2, мы получаемъ великорусскаго маршрута дней 8. Это тоже безостановочная ѣзда, Гоголь нигдѣ не собирался задерживаться. Онъ такъ и пишетъ Прокоповичу: „*я ѣду прямо на Полтаву*“ (I, 217).

Бываютъ, однако, задержки невольныя.

На первой станціи, въ 30 верстахъ отъ Москвы, въ „уѣздномъ городѣ Подольскѣ“, какъ датируетъ Гоголь письмо къ Прокоповичу отъ 8 Іюля 1832 г., онъ задержался часовъ на 10. Ужъ не познакомился ли онъ случайно въ эти часы со Сквозникомъ-Дмухановскимъ, или всезнающими вѣстовщиками Добчинскимъ и Бобчинскимъ, которые чего-чего только не разскажутъ?

Нѣтъ,—онъ терпѣливо сидитъ на почтовой станціи, „дожидается“ лошадей, не можетъ отлучиться, потому что станціонный смотритель, какъ жалуется Гоголь Погодину, изрекъ „препроклятое слово *нѣтъ лошадей*“ и нужно зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы не упустить ихъ при первой воз-

можности. Чтобы скоротать время, онъ пишетъ письма Прокоповичу, Погодину, читаетъ „Ричардсоновскую *Клариссу*“ (I. 218).

И вотъ эти-то 8—10 часовъ, проведенныхъ не гдѣ-нибудь въ глуши, откуда три года скачи, ни до какой границы не доскачешь, а на почтовой станціи подмосковнаго города Подольска,—единственная побывка автора „Ревизора“ въ русскомъ уѣздномъ городѣ.

V.

„Ревизоръ“ навѣянъ исключительно-малороссійскими впечатлѣніями.

Проживъ два мѣсяца въ деревнѣ, Гоголь въ самомъ началѣ октября 1832 года направляется въ Петербургъ, взявши съ собою двухъ маленькихъ сестеръ для опредѣленія ихъ въ Патріотическій институтъ. Ѣдетъ онъ въ своемъ собственномъ, весьма скверномъ экипажѣ, который вѣчно ломается.

Въ первомъ же великорусскомъ этапѣ, въ Курскѣ, экипажъ настолько испортился, что пришлось его чинить почти недѣлю.

Цѣлую недѣлю! Сравнительно съ 8—10 часами, безвыходно проведенными на почтовой станціи уѣзднаго города, какой обильный источникъ живыхъ наблюденій для изображенія города губернскаго!

И несомнѣнно, что пребываніе въ Курскѣ не прошло безслѣдно. Прочтите вновь первую главу „Мертвыхъ Душъ“, и вы сразу почувствуете, что тутъ доподлинный общегубернскій колоритъ есть. Явно по видѣнному описанъ трактиръ, съ его деревянной галдареей, половыми и закисшими пирожками. Явно съ натуры описаны и городской садъ, вывѣски, наружность губернаторскаго дома и общій видъ города.

Однако, жизнь въ губернскомъ городѣ вообще и въ частности въ томъ, который изображенъ въ „Мертвыхъ Душахъ“ не въ одной же трактирной жизни и вывѣскахъ, вродѣ „иностранца Василія Ѳедорова“, сказывается.

Видѣлъ ли Гоголь что-нибудь въ Курскѣ, кромѣ улицъ, трактира и городского сада?

Можно сказать съ увѣренностью, что нѣтъ, что онъ ни съ кѣмъ не свелъ знакомства и никого не посѣтилъ. Изъ Курска Гоголь написалъ два письма: Плетневу и матери. Плетневу онъ жалуется, что „принужденъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ Курскѣ, въ этомъ *скучномъ и нѣмомъ Курскѣ*“ (I, 324).

Матери Гоголь пишетъ о поломкѣ экипажа, о погодѣ, о сестрахъ, и можно ли сомнѣваться въ томъ, что если бы онъ побывалъ у кого-нибудь, пообѣдалъ бы, да еще съ сестрами,—ужъ непремѣнно далъ бы объ этомъ отчетъ.

Выѣхавъ 10 окт. изъ Курска, Гоголь и сестры 21 окт. пріѣхали въ Москву. Случаевъ наблюдать „русскую жизнь“ было не очень много, потому что „проклятый экипажъ безпрестанно ломался“ и изъ „русскихъ людей“ пришлось спеціализироваться на знакомствѣ съ кузнецами.

О томъ, какъ доѣхалъ Гоголь до Петербурга,—свѣдѣній нѣтъ: письмо къ матери съ описаніемъ пути изъ Москвы, видимо, затерялось (I, 228, примѣч.). Но точно извѣстно, что Гоголь „отчаянно“ опоздалъ на службу въ Патріотическій институтъ (I, 224, примѣч.), гдѣ давно уже началось ученіе и, конечно, спѣшилъ тоже „отчаянно“. Самое путешествіе изъ Москвы до Петербурга обошлось вполнѣ „благополучно“ (I, 225), значитъ остановокъ невольныхъ не было.

А теперь мы уже можемъ подвести итоги по отношенію къ „Ревизору“, потому что весь конецъ 1832 года, весь 1833 и весь 1834 годъ, когда „Ревизоръ“ былъ законченъ, Гоголь безвыѣздно прожилъ въ Петербургѣ.

Итакъ: два дня по Псковской губ. зимою 1829 года; лѣтомъ 1832 года 3—4 дня безостановочной ѣзды отъ Петербурга до Москвы и 7—8 отъ Москвы до Малороссіи; тѣже 7—8 дней на обратномъ пути, въ Курскѣ 7 дней, отъ Москвы до Петербурга дня 4. Всего значитъ ѣзды 25—27 дней и 7 дней пребыванія въ Курскѣ.

Вотъ съ какимъ знаніемъ „Россіи“ Гоголь приступилъ къ „Ревизору“.

Когда постановка комедіи вызвала ожесточеніе извѣстныхъ круговъ, Гоголь былъ этимъ чрезвычайно взволнованъ и писалъ Погодину:

„Столица щекотливо оскорбляется тѣмъ, что выведены нравы шести чиновниковъ провинціальныхъ; что же бы сказала столица, если бы выведены были хотя слегка ея собственные нравы? Я огорченъ не нынѣшнимъ ожесточеніемъ противъ моей пьесы; меня заботитъ моя печальная будущность. *Провинція уже слабо рисуется въ моей памяти*, черты ея уже блѣдны, но жизнь петербургская ярка передъ моими глазами, краски ея живы и рѣзки въ моей памяти“ (I, 377).

Стоитъ ли тратить время на доказательства того, что эта „провинція“ не есть 25 дней, проведенныхъ въ коляскѣ, и 7 дней, проведенныхъ въ курскомъ трактирѣ?

„Провинцію“ Гоголь, конечно, могъ изобразить только свою родную, миргородскую, нѣжинскую, полтавскую. Тотъ реально-житейскій фонъ, безъ котораго немыслимо даже самое типовое изображеніе и въ которомъ, какъ мы сейчасъ читали, такъ нуждался авторъ „Ревизора“, данъ не общерусскою дѣйствительностью, а малорусскою.

Конечно, дѣйствіе происходитъ не въ безцвѣтномъ русскомъ уѣздномъ городишкѣ, не въ степенной, отъ вѣка безпробудно-спящей Чухломѣ, а именно въ Нѣжинѣ или даже Миргородѣ, гдѣ сквозь хохлацкую лѣнь и наружное добродушіе опредѣленно пробивается и южная возбужденность. Острой суетливости Добчинскаго и Бобчинскаго, темпераментности четы Сквозникъ-Дмухановскихъ и вообще той повышенной нервности, благодаря которой гипнозъ Хлестаковщины такъ блистательно удался, въ обычномъ русскомъ уѣздномъ городишкѣ не встрѣтишь.

VI.

И въ основѣ „Мертвыхъ Душъ“ нѣтъ реальныхъ наблюденій.

Къ тому времени, когда были закончены „Мертвыя Души“ у Гоголя познанія доподлинной Россіи прибавилось не черезчуръ много: еще 20 дней скаканія въ почтовой коляскѣ.

Проживъ безвыѣздно въ Петербургѣ два съ половиною года, съ октября 1832 г., Гоголь въ началѣ мая 1835 г. ѣдетъ къ себѣ въ Васильевку, откуда уже 24 мая пишетъ Прокоповичу, что „сижу дома на перепутьи около недѣли“. Пріѣхалъ онъ значитъ числа 17-го. А такъ какъ въ Москвѣ онъ „былъ страшно захлопотанъ“, на что требовалось порядочно времени, то, очевидно, что весь переѣздъ занялъ дней 10, никакъ не больше.

Собирался Гоголь поѣхать на Кавказъ или въ Крымъ, но изъ этого ничего не вышло. Въ срединѣ августа онъ пробылъ нѣсколько дней у Максимовича въ Кіевѣ, затѣмъ черезъ Москву, гдѣ останавливался на нѣсколько дней, направился въ Петербургъ, куда прибылъ 1 сентября. Слѣдовательно, великорусскаго маршрута опять не больше дней 10.

И это все! Больше уже авторъ „Мертвыхъ Душъ“ реальной Россіи не видѣлъ даже на почтовыхъ станціяхъ.

Въ іюнѣ 1836 г. Гоголь на долгіе годы ѣдетъ моремъ заграницу, и вся его литературная дѣятельность превращается въ скорбную пѣснь о родинѣ изъ „прекраснаго далека“, по его собственному знаменитому выраженію.

Въ Россію онъ теперь уже только изрѣдка наѣзжаетъ.

Первая побывка относится къ осени 1839 г. „Россію“ онъ видѣлъ теперь отъ польской границы (черезъ Смоленскъ) до Москвы, что отняло дней 5, затѣмъ отъ Москвы

до Петербурга дня 4, затѣмъ отъ Петербурга до Москвы опять дня четыре (въ декабрѣ) и наконецъ, по пути въ Римъ, отъ Москвы до польской границы, дней 5—6.

Но эти новые 18—20 дней уже для нашей цѣли значенія не имѣютъ, потому что пріѣхалъ Гоголь съ почти готовою рукописью великой „поэмы“ своей, значительнѣйшую часть которой читалъ не разъ друзьямъ. Ему оставалось уже одна только редакціонная работа, „совершенная очистка“, которою онъ и занимался въ 1840 г.

Окончательный итогъ непосредственнаго изученія „Россіи“, значитъ, такой: 27 дней ѣзды и 7 дней въ Курскѣ до появленія „Ревизора“ и 20 дней безостановочной ѣзды въ промежуткѣ между „Ревизоромъ“ и „Мертвыми Душами“, всего 47, а для ровнаго счета скажемъ *50 дней ѣзды и 7 дней въ Курскѣ.*

Не заѣзжалъ Гоголь никогда ни къ какому русскому помѣщику, не обѣдалъ никогда ни у какого Манилова, не видалъ, какъ уписываетъ бараній бокъ Собакевичъ, не ночевалъ у Коробочки, не бывалъ никогда ни на какомъ, столь неправдоподобно у него описанномъ, губернаторскомъ балу, не видѣлъ, какъ „пошла писать губернія“, не былъ никогда свидѣтелемъ того, какъ ведутъ бесѣду дама просто пріятная и дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и т. д., и т. д., и т. д. Ровно ничего изъ всего этого, столь типичнаго, по общему представленію, для русской жизни калейдоскопа лицъ Гоголь воочію никогда не видѣлъ и не наблюдалъ. Все изъ собственнаго пальца высосалъ, все создалъ путемъ рефлексіи и художественнаго комбинированія, либо въ основу своей общерусской типизаціи положилъ впечатлѣнія малороссійскія.

И уже въ странномъ и столь необычномъ прибавленіи къ названію произведенія слова „поэма“ было явное указаніе на то, что полнаго соотвѣтствія съ реальною дѣйствительностью тутъ и искать не слѣдуетъ. „Мертвыя Души“, въ самомъ заглавіи которыхъ такъ много символизма, въ гораздо большей степени могутъ быть причислены къ произведеніямъ символическимъ, нежели къ произведеніямъ реалистическимъ.

Символическимъ, конечно, не въ современномъ полемически-модернистскомъ пониманіи этого слова, когда симво-

лизмъ выступаетъ съ лозунгами: „смерть быту“, „творимая легенда“ и т. д.

Нѣтъ,—символизмъ „Мертвыхъ Душъ“ имѣетъ глубочайшіе корни въ жизни. Но если всякое, вообще, истинно-художественное произведеніе представляетъ собою нѣчто самодовлѣющее и отъ реальной жизни отличное, то „Мертвыя Души“—сугубо-самостоятельное явленіе. Реализмъ и даже „натурализмъ“, конечно, не протоколизмъ, но все-же всякое реалистическое произведеніе претендуетъ на полное правдоподобіе и въ общемъ, и въ частностяхъ. А въ „Мертвыхъ Душахъ“ правдоподобіе столь искоренено, элементъ фантастики столь интегрально входитъ въ концепцію произведенія, что и надобности никакой нѣтъ въ сколько-нибудь точномъ воспроизведеніи дѣйствительности. Въ нарочито-гиперболическихъ очертаніяхъ „поэмы“ предъ нами такая свободная, чисто-творческая игра, что въ знаніи доподлинныхъ мелочей русской жизни для подобной игры органической необходимости не было.

VII.

Два русскіе мужика.

Должно a priori утверждать, что, геніально возсоздавъ „Россію“, какъ понятіе общее, исключительно символическимъ путемъ, безъ живыхъ, непосредственныхъ наблюденій, Гоголь не могъ не надѣлать множества ошибокъ противъ доподлинной русской дѣйствительности.

И даже не противъ одной только русской, а вообще противъ всякой дѣйствительности.

Вотъ, напр., недавно проф. древней исторіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ любитель русской литературы—В. П. Бузескулъ сдѣлалъ [1]) весьма любопытное указаніе на одну курьезнѣйшую несообразность въ „Мертвыхъ Душахъ“.

Онъ задался вопросомъ: „къ какому времени года относятся похожденія Чичикова въ первомъ томѣ „*Мертвыхъ Душъ*“, прибавивъ къ своей замѣткѣ совершенно правильный подзаголовокъ—„Къ характеристикѣ литературныхъ пріемовъ Гоголя“.

И оказывается, что вопроса совершенно нельзя рѣшить по полной разнорѣчивости отдѣльныхъ деталей. Вырабатывая планъ „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь даже не выяснилъ себѣ: развернуть ему событія своей „поэмы“ зимой или лѣтомъ. А, вѣдь, это уже минимумъ для реалистическаго произведенія. Надо-же первымъ дѣломъ соотвѣтственнымъ

---

[1]) Въ сборникѣ „Пошана“, изданномъ въ честь профессора Н. Ф. Сумцова его учениками (Харьковъ, 1909).

образомъ одѣть своихъ героевъ—зимою такъ, лѣтомъ иначе. Въ „Мертвыхъ-же Душахъ“ въ одной и той-же главѣ сначала стужа, а затѣмъ жарко.

Отправляясь въ свой объѣздъ по помѣщикамъ, съ которыми онъ познакомился въ губернскомъ городѣ, Чичиковъ надѣлъ „фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ *шинель на большихъ медвѣдяхъ*“—время, значитъ, холодное.

По дорогѣ попадались „вытянутыя по снурку деревни“; мужики „по обыкновенію, зѣвали, сидя на лавкѣ, передъ воротами, въ своихъ *овчинныхъ тулупахъ*“. Тоже, значитъ, время холодное.

Но вотъ Чичиковъ подъѣзжаетъ къ усадьбѣ Манилова и передъ нами полная метаморфоза:

„двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій“, затѣмъ, „прудъ, покрытый зеленью“, и по этому пруду, „двѣ бабы, картинно подобравъ платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни“—дѣло явно происходитъ лѣтомъ. Къ этимъ указаніямъ проф. Бузескула прибавлю, что когда Чичиковъ подъѣхалъ близко къ усадьбѣ, его встрѣтилъ Маниловъ, стоявшій на крыльцѣ, явно безъ шапки, и одѣтый въ „шалоновый“ т. е. шерстяной сюртукъ. Хорошая вышла встрѣча: Чичиковъ въ медвѣжьей шинели, а Маниловъ въ лѣтнемъ сюртукѣ.

Такъ-то вѣренъ былъ „отецъ натуральной школы“ натурѣ.

Не считая себя знатокомъ стараго быта, я не берусь дать сколько-нибудь полный списокъ тѣхъ ошибокъ, которыя, повторяю, Гоголь, зная великорусскій бытъ по 50 днямъ скаканія въ почтовой коляскѣ, не могъ не надѣлать въ великомъ множествѣ. Я только направляю вниманіе изслѣдователей въ эту сторону, а съ своей стороны подчеркну одну любопытнѣйшую обмолвку, которая показываетъ, что *Гоголь относился къ русской дѣйствительности прямо какъ иностранецъ.*

Обмолвка, о которой я говорю, сводится всего къ одному эпитету, но столь странному, что непонятно, какъ это на него не обращали никакого вниманія. Мнѣ самому онъ бросился въ глаза только при послѣднемъ перечитываніи

„Мертвыхъ Душъ“, когда мнѣ уже выяснилась полная неосвѣдомленность Гоголя въ *деталяхъ* той жизни, общіе контуры которой онъ очертилъ въ силу геніальной интуиціи.

Кто не помнитъ знаменитаго разговора о колесѣ въ самомъ началѣ „Мертвыхъ Душъ“?

„Въѣздъ его (Чичикова) не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только *два русскіе мужика*, стоявшіе у дверей кабака противъ гостинницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. „Вишь ты“, сказалъ одинъ другому: „вонъ какое колесо! Что ты думаешь: доѣдетъ это колесо, еслибъ случилось въ Москву, или не доѣдетъ?“—„А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ“?—„Въ Казань не доѣдетъ“, отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился“.

Я сейчасъ не буду обращать вниманія на искусственность мужицкаго діалога. „Еслибъ случилось“, „что ты думаешь“—развѣ такъ говорятъ заправскіе мужики?

Но что значитъ „два *русскіе* мужика“? Какіе-же другіе могли быть мужики въ русскомъ губернскомъ городѣ? Французскіе, нѣмецкіе?

Какъ могло зародиться въ творческомъ мозгу бытописателя такое *ничего не опредѣляющее* опредѣленіе?

Зародилось, конечно, непроизвольно и безсознательно, потому что задумайся Гоголь хотя-бы на одну минуту, онъ-бы непремѣнно зачеркнулъ этотъ несуразный, ровно ничего не говорящій *русскому читателю* эпитетъ.

Но именно какъ непроизвольный актъ мышленія „русскіе мужики“ бросаютъ яркій свѣтъ на основу отношенія Гоголя къ изображенному имъ быту, какъ къ чему-то чуждому, поздно узнанному и потому безсознательно этнографически-окрашенному. Когда мы передаемъ свои заграничныя впечатлѣнія, мы всегда прибавляемъ обозначеніе національности. „На верандѣ сидѣли двѣ нѣмочки“, „по площади шли, жестикулируя, три итальянца“, „за столиками американцы распивали виски“—вотъ какъ приблизительно сложится нашъ разсказъ. Описывая уличную жизнь Лондона, какъ извѣстно, населеннаго англичанами, Гончаровъ

эту безсознательно-слагающуюся въ умѣ нашемъ этнографію отразилъ очень ярко:

„Мнѣ лучше нравится постоять на перекресткѣ цѣлый часъ и посмотрѣть, какъ встрѣтятся *два англичанина*, сначала попробуютъ оторвать другъ другу руку, потомъ освѣдомятся взаимно о здоровьи“ и т. д.

Встрѣчу двухъ человѣкъ въ Петербургѣ Гончаровъ ужъ никакъ не сталъ-бы опредѣлять какъ встрѣчу „двухъ русскихъ“.

Писатель, желая передать ту картину, которая вырисовалась въ его творческомъ воображеніи, непремѣнно старается схватить штрихи и признаки, помогающіе ему нарисовать эту картину, т. е. старается указать что-нибудь или очень яркое, или очень характерное. И совершенно очевидно, слѣдовательно, что въ словахъ „два *русскіе* мужика“ для Гоголя, которому русскіе мужики были въ диковинку, эта яркость и опредѣленность была.

Когда ему захотѣлось разсказать про въѣздъ Чичикова въ городъ, въ его воображеніи неизбѣжно мелькалъ либо какой-нибудь малороссійскій городъ, скажемъ Нѣжинъ, Полтава, либо тотъ Курскъ, чрезъ который онъ нѣсколько разъ проѣзжалъ и даже, какъ мы знаемъ, прожилъ недѣлю. Въ томъ и другомъ случаѣ „*русскіе*“ мужики являются тѣмъ *опредѣляющимъ* эпитетомъ, которымъ они никакъ не могутъ быть для того, кому русскіе мужики не въ диковинку. Если Гоголю рисовалась нѣжинская или полтавская площадь, то на ней два „русскихъ“ мужика, два *кацапа*, конечно, очень яркое и живописное пятно. Если-же рисовалась курская площадь, то, опять-таки, очевидно въ творческомъ воображеніи Гоголя происходилъ тотъ-же психологическій процессъ, который иностранца Гончарова побуждалъ говорить при описаніи англійскаго города о двухъ англичанахъ.

Малороссійское міроотношеніе, если можно такъ выразиться, настолько органически засѣло въ Гоголѣ, что то немногое специфически-русское, которое ему было знакомо, запечатлѣвалось въ его воображеніи не столько какъ художественная эмоція, сколько какъ этнографическая картина.

И, конечно, нашъ экскурсъ въ область подсознательной психологіи Гоголя даетъ намъ еще одно разительнѣйшее доказательство того, что этикетки „реализмъ“, „полная картина русской жизни“ и т. д. совершенно не выражаютъ существа той *абстракціи*, которая составляетъ основу художественнаго творчества великаго скорбника. Мрачный періодъ Николаевщины схваченъ Гоголемъ только въ его основныхъ очертаніяхъ, какъ мертвое царство мертвыхъ душъ, но не въ реальныхъ деталяхъ своихъ.

ГОГОЛЬ-УЧЕНЫЙ.

Гоголь-Ученый.

I.

Гоголь-фольклористъ.

Когда въ 1902 году появился въ „Рус. Богат.“ мой этюдъ о Гоголѣ и я высказалъ въ немъ свои соображенія относительно того, что профессорство Гоголя вовсе не „позорный“ эпизодъ его біографіи, это многимъ показалось весьма парадоксальнымъ.

Припоминаю напр. разговоры съ Пыпинымъ, который отнесся къ моимъ стараніямъ очень скептически и сердито указывалъ на отзывъ Тургенева и на признанія самого Гоголя.

Постепенно, однакоже, основной доводъ, который меня заставилъ отвергнуть обычное отношеніе къ неудачно-сложившейся профессорской дѣятельности Гоголя — сопоставленія съ другими профессорами того времени, оказывалъ свое дѣйствіе. И уже Д. Н. Овсянико-Куликовскій, въ спеціальной книгѣ о Гоголѣ, оцѣнивая мой этюдъ, между прочимъ говоритъ:

„С. А. Венгеровъ реабилитируетъ Гоголя-профессора, весьма убѣдительно показывая, что онъ по своимъ познаніямъ былъ не ниже многихъ, попадавшихъ тогда на университетскія каѳедры, и что неудача его профессуры объясняется не его „неспособностью“ и „невѣжествомъ“, а тѣмъ, что онъ ставилъ себѣ слишкомъ трудную, даже неисполнимую задачу“.

Въ настоящее время есть возможность подкрѣпить

мой тезисъ весьма цѣнными новыми доказательствами, опредѣленно показывающими, что ученыя притязанія Гоголя всего менѣе были „хлестаковщиной.“ У Гоголя, несомнѣнно, было органическое стремленіе къ научнымъ занятіямъ.

Эти новыя доказательства даны въ работахъ ученаго хранителя Румянцевскаго Музея Г. П. Георгіевскаго.

Совершенно независимо отъ моего этюда и видимо совсѣмъ незнакомый съ нимъ, г. Георгіевскій занялся вопросомъ о Гоголѣ-ученомъ случайно. Онъ собственно задался цѣлью изучить необслѣдованныя еще окончательно рукописи Гоголя, хранящіяся въ Румянцевскомъ Музеѣ и издать ненапечатанные Тихонравовымъ Гоголевскіе тексты. Ознакомившись съ этимъ матеріаломъ, г. Георгіевскій былъ пораженъ научною энергіею Гоголя въ области фольклора и этнографіи и интенсивною работою его надъ подготовленіемъ лекцій.

Результаты работъ г. Георгіевскаго надъ рукописями Гоголя изданы Академіею Наукъ въ 2 книгахъ: „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя. Выпускъ второй“ (Спб. 1908) и „Гоголевскіе тексты“ (Выпускъ третій той-же серіи „Памяти В. А. Жуковскаго и Н. В. Гоголя“, Спб., 1910).,

Первая изъ сейчасъ названныхъ книгъ посвящена „Пѣснямъ, собраннымъ Н. В. Гоголемъ“. Она безусловно выдвигаетъ Гоголя въ первые ряды собирателей русскаго народнаго творчества. Конечно, въ лучахъ великой славы Гоголя-писателя совершенно меркнутъ заслуги Гоголя-фольклориста. Да и фактически сборникъ не сыгралъ никакой роли, потому что въ свое время не былъ изданъ и только теперь увидѣлъ свѣтъ. Но сейчасъ это насъ и не должно занимать. Важно только подчеркнуть, что научные интересы Гоголя не были случайны ни въ одной изъ тѣхъ областей знанія, къ которымъ онъ такъ или иначе причастенъ. Вопросы исторіи, географіи, этнографіи и фольклора волновали его съ первыхъ-же проблесковъ его сознательнаго отношенія къ наукѣ.

Уже съ ранняго отрочества Гоголь страстно интересовался народнымъ творчествомъ и исторіею. Еще во время пребыванія въ нѣжинскомъ Лицеѣ, Гоголь завелъ особую

тетрадь „Книга всякой всячины“ и въ ней мы находимъ первыя записи народныхъ пѣсенъ. Позднѣе

„по выходѣ изъ Нѣжинской гимназіи, Гоголь еще энергичнѣе принялся за собираніе народныхъ пѣсенъ, по крайней мѣрѣ въ первые годы своей самостоятельной жизни и достигъ въ этой области, судя по сохранившимся его записямъ народныхъ пѣсенъ, весьма замѣтныхъ и даже крупныхъ результатовъ. Эти занятія Гоголь даже предпочиталъ всѣмъ прочимъ и даже своему художественному творчеству“.

Есть два пути фольклористскихъ занятій.

Первый путь—непосредственное собираніе народныхъ пѣсенъ и повѣрій.

Оно, собственно, еще не свидѣтельствуетъ о научныхъ наклонностяхъ. Трудно, напр., усмотрѣть научный интересъ въ Пушкинскихъ записяхъ, которыя, по существу, были поисками за интереснымъ *художественнымъ* матеріаломъ: за интересными словечками, колоритными выраженіями и т. д.

А затѣмъ есть еще путь систематическаго собиранія, для котораго требуется жилка кабинетнаго ученаго.

Гоголь-фольклористъ шелъ по обоимъ путямъ.

Съ одной стороны, у него, несомнѣнно, была страсть самому собирать преданія и пѣсни. 23 дек. 1833 г. онъ писалъ Пушкину: „Я восхищаюсь заранѣе, когда воображу, какъ закипятъ труды мои въ Кіевѣ... А сколько *соберу* тамъ преданій, повѣрій, пѣсенъ и проч.“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (12 марта 1834), онъ въ томъ-же стилѣ пишетъ Максимовичу:

„Весну и лѣто мы бы тамъ (въ Кіевѣ) славно отдохнули, *набрали матеріаловъ*, а къ осени-бы и засѣли работать“.

Относился Гоголь къ собиранію сокровищъ народнаго творчества съ настоящею страстью:

„Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собраніи Ходаковскаго“, писалъ онъ Максимовичу, 9 ноября 1833 года. „Какъ-бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жида считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ

черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями!“

Составлялось собраніе Гоголя усиліями длиннаго ряда лѣтъ и самыми различными путями. Тутъ и собственныя записи, и добываемыя путемъ непрерывныхъ просьбъ и приставаній записи родныхъ (особенно тетушки Гоголя, Екатерины Ивановны Косяровской) и пѣсни, извлеченныя изъ старинныхъ сборниковъ и пѣсни, полученныя отъ другихъ собирателей.

Для всего этого требовалась та энергія и та систематичность и непрерывность усилій, которыя дѣлаютъ фольклориста дѣятелемъ науки.

Результаты получились блестящіе.

Кромѣ огромнаго количества пѣсенъ вообще, собраніе Гоголя „включало въ себя не менѣе 300 пѣсенъ совсѣмъ особыхъ, неизвѣстныхъ другимъ собирателямъ“.

Въ тѣ времена крайней малочисленности интеллигентныхъ людей, сколько-нибудь прикосновенныхъ къ литературѣ и наукѣ, фольклористскія занятія Гоголя не могли пройти незамѣченными, хотя Гоголь ничего и не печаталъ изъ этой области. На него стали смотрѣть какъ на спеціалиста, и когда вышелъ сборникъ пѣсенъ Срезневскаго самъ министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ, какъ это видно изъ письма Гоголя, въ началѣ 1834 года „адресовался“ къ нему „съ желаніемъ видѣть (его мнѣніе) о нихъ въ „Журналѣ М. Н. просвѣщенія“, также какъ и о бывшихъ до него изданіяхъ“.

Можно какъ угодно смотрѣть на Уварова. Не добромъ его поминаетъ біографія Пушкина, злымъ геніемъ витаетъ онъ и по исторіи Николаевской цензуры. Но никто не отрицаетъ того, что Уваровъ былъ человѣкъ очень образованный, даже ученый, ревностно заботившійся о наукѣ, когда она не шла въ разрѣзъ съ духомъ режима. И потому тотъ фактъ, что онъ „адресовался“ для полученія компетентной оцѣнки именно къ Гоголю, показываетъ, что у Гоголя въ тотъ моментъ, когда начались переговоры о его профессорствѣ, было уже извѣстное положеніе въ научныхъ сферахъ.

Статейка, написанная по просьбѣ Уварова— „О малороссійскихъ пѣсняхъ“, очень невелика по объему и въ ней,

можетъ быть, слишкомъ много лиризма. Но въ сжатости характеристикъ чувствуется отличнѣйшее знакомство съ предметомъ. Взять хотя-бы то, что Гоголь сказалъ о метрикѣ малороссійскихъ пѣсенъ:

„Стихосложеніе малороссійское самое выгодное для пѣсенъ: въ немъ соединяются вмѣстѣ и размѣръ, и тоника, и риѳма. Паденіе звуковъ въ нихъ скоро, быстро; отъ того строка никогда почти не бываетъ слишкомъ длинна; если-же это и случается, то цезура по серединѣ, съ звонкою риѳмою, перерѣзываетъ ее. Чистые, протяжные ямбы рѣдко попадаются; большею частью быстрые хореи, дактили, амфибрахіи летятъ шибко, одинъ за другимъ, прихотливо и вольно между собою, производятъ новые размѣры и разнообразятъ ихъ до чрезвычайности. Риѳмы звучатъ и сшибаются одна съ другою, какъ серебряныя подковы танцующихъ. Вѣрность и музыкальность уха—общая принадлежность ихъ. Часто вся строка созвукивается съ другою, не смотря, что иногда у обѣихъ даже риѳмы нѣтъ. Близость риѳмъ изумительна. Часто строка два раза терпитъ цезуру и два раза риѳмуется до замыкающей риѳмы, которой сверхъ того даетъ отвѣтъ вторая строка, тоже два раза созвукнувшись на серединѣ. Иногда встрѣчается такая риѳма, которую повидимому нельзя назвать риѳмою, но она такъ вѣрна своимъ отголоскомъ звуковъ, что нравится иногда болѣе, нежели риѳма, и никогда бы не пришла въ голову поэту съ перомъ въ рукѣ“.

Немного тутъ строкъ, но какое сгущенное, богатое знаніемъ дѣла содержаніе.

Гоголь съ одинаковымъ жаромъ собиралъ и русскія, и малороссійскія пѣсни, и это очень важно, конечно, для установленія того, что имъ руководило отнюдь не желаніе отыскать интересные источники для художественныхъ произведеній. Если еще малороссійскія пѣсни могутъ давать колоритные тона для повѣстей изъ старо-казацкой жизни, то уже русскія пѣсни ни для „Ревизора“, ни для „Мертвыхъ Душъ“ никакого художественнаго матеріала не давали.

Гоголевское собраніе, изданное г. Георгіевскимъ, уже по одному внѣшнему виду отводитъ Гоголю почетное мѣсто въ

литературѣ русскаго фольклора: это большой томъ въ 400 стр. По объему Гоголевскій сборникъ одинъ изъ самыхъ значительныхъ.

А между тѣмъ въ него вошло далеко не все, что Гоголь собралъ. Такъ, напр., въ составъ малороссійскаго собранія „совсѣмъ не вошли тѣ пѣсни, которыя Гоголь передалъ другимъ собирателямъ малорусскихъ пѣсенъ — Максимовичу, Метлинскому.

И Максимовичъ, и Метлинскій—были профессора форменные, не „случайные“, какъ Гоголь, а занимавшіе каѳедру въ теченіи десятковъ лѣтъ. И все-же въ ихъ *научномъ* формулярѣ изданные ими сборники составляютъ славную страницу. Не откажемъ въ этомъ и Гоголю.

II.

Занятія по исторіи среднихъ вѣковъ.

Второй томъ изданныхъ г. Георгіевскимъ матеріаловъ носитъ сборное заглавіе „Гоголевскіе тексты“.

Тутъ и варіанты художественныхъ произведеній, и наброски религіозно-моральныхъ статеекъ, въ родѣ „О любви къ Богу и самовоспитаніи“, и своеобразнѣйшая молитва о томъ, чтобы ему удалось окончить вторую часть „Мертвыхъ Душъ“, и кое-что по фольклору и наконецъ матеріалы по исторіи и географіи. Интересуясь въ настоящей замѣткѣ только Гоголемъ, какъ ученымъ, я остановлюсь лишь на послѣднихъ.

Меньше всего сейчасъ насъ должно заинтересовать то, что сохранилось отъ большой записной тетради въ листъ и самимъ Гоголемъ озаглавленной: „*Матеріалъ лекцій*“. Правда, предъ нами свидѣтельство того, какъ добросовѣстно, Гоголь отнесся къ своимъ профессорскимъ обязанностямъ. Но доказательствъ тщательнаго подготовленія къ лекціямъ такъ много въ изданныхъ уже раньше Тихонравовымъ замѣткахъ Гоголя (см. выше, стр. 47—48), что замѣтки, напечатанныя г. Георгіевскимъ, ничего существенно новаго въ освѣщеніе научной дѣятельности Гоголя не вносятъ.

Можно только отмѣтить, что Гоголь, несомнѣнно, готовился не по русскимъ источникамъ, а по иностраннымъ. Сужу объ этомъ по транскрипціи названій фландрскихъ городовъ. У насъ искони утвердились нѣмецкія названія — Гентъ, Брюге, Антверпенъ. Гоголь-же, подъ явнымъ воздѣйствіемъ прочитанныхъ имъ французскихъ сочиненій, пишетъ *Гандъ*, *Бругъ*, *Анверсъ*.

Конечно, только подъ вліяніемъ французскихъ историковъ могла сложиться у Гоголя такая фраза:

„Ихъ дѣятельность и искусство во всѣхъ денежныхъ оборотахъ имъ всегда доставляли *принцевъ*-покровителей“.

Это явный и крайне неудачный переводъ французскаго prince. По русски *принцъ*—второстепенный членъ царствующаго дома. Французское-же *prince*, подобно нѣмецкому Fürst слѣдуетъ переводить *князь*, понимая тутъ подъ „княземъ“ государя.

Отмѣтимъ еще кругъ тѣхъ историческихъ явленій, которыя останавливали вниманіе Гоголя. Въ 1830-хъ г.г. огромное большинство историковъ подходили къ дѣлу исключительно съ внѣшней и анекдотической стороны. Походы, дипломатическіе переговоры, придворныя интриги, личность государя и ихъ приближенныхъ—вотъ въ чемъ видѣли тогда центральныя проявленія исторической жизни. Гоголя занимаетъ совсѣмъ другое. Онъ въ свои тетради, посвященныя „матеріаламъ по средней исторіи“ вписываетъ извлеченныя изъ разныхъ источниковъ свѣдѣнія о суевѣріяхъ, о домашней жизни, „коммерціи“, положеніи и роли евреевъ, морской торговлѣ, промышленности. И если мы примемъ во вниманіе, что и въ малооцѣненныхъ въ свое время „Арабескахъ“ Гоголь подходитъ къ исторіи со стороны такихъ явленій, какъ архитектура, живопись, бытъ, религія, то мы должны будемъ признать, что отношеніе Гоголя къ исторіи было очень углубленное и всего менѣе говоритъ о диллетантизмѣ.

III.

Интересъ Гоголя къ славянской и русской исторіи.

Яркимъ показателемъ органическаго влеченія Гоголя къ историческому изслѣдованію могутъ служить впервые напечатанные г. Георгіевскимъ „Матеріалы по славянской и русской исторіи“.

При обычномъ взглядѣ на научную дѣятельность Гоголя какъ на „комическій“ эпизодъ его жизни, на интересъ его къ средней исторіи можно смотрѣть какъ на нѣчто вынужденное.

Взялся человѣкъ за чтеніе лекцій, надо-же къ нимъ подготовляться.

Но уже въ занятіяхъ славянской и русской исторіей не было и тѣни чего-нибудь принудительнаго. А между тѣмъ они были очень интенсивны.

Г. Георгіевскій извлекъ изъ тетрадей Гоголя 74 замѣтки по самымъ разнообразнымъ вопросамъ исторіи славянъ и древней Руси. Мнѣ представляется, что это все подготовительныя работы къ той исторіи Малороссіи, которую Гоголь собирался написать.

Къ занятіямъ Гоголя малороссійскою исторіею давно уже перестали относиться какъ къ своего рода хлестаковщинѣ. Правда, залихватскія увѣренія, что онъ вотъ вотъ „дернетъ“ исторію Малороссіи въ 8 томахъ и печатное заявленіе о томъ, что онъ почти подготовилъ къ печати большое сочиненіе въ нѣсколькихъ томахъ по исторіи Малороссіи, конечно, давали основанія для весьма скептическаго и недобраго отношенія. Никакой исторіи не воспослѣдовало и остались одни пышныя обѣщанія.

Но подготовительныя работы Гоголя были безусловно серьезны, Гоголь, несомнѣнно, вполнѣ былъ подготовленъ для серьезной исторической работы. Я не послѣдую за г. Каманинымъ, авторомъ въ общемъ весьма доказательнаго изслѣдованія „Научныя и литературныя произведенія Гоголя по исторіи Малороссіи“ (Кіевъ 1892), который не на шутку вѣритъ тому, что Гоголь дѣйствительно написалъ нѣсколькотомную исторію Малороссіи, да вотъ рукопись пропала въ частыхъ переѣздахъ. Серьезно спорить не стоитъ. Мы опредѣленно знаемъ, что Гоголь не то, что всѣ законченныя произведенія свои, но даже эпизоды, сколько нибудь законченные, читалъ друзьямъ. Можно-ли серьезно сомнѣваться въ томъ, что если-бы у Гоголя было готово даже нѣчто вродѣ одного тома, то и то онъ подѣлился-бы съ Максимовичемъ и Погодинымъ? Гоголь переписывался съ ними по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи, по отдѣльнымъ гипотезамъ и второстепеннымъ деталямъ—и вдругъ скроетъ отъ нихъ цѣлый томъ!

Весьма возможно, что матеріалы, изданные г. Георгіевскимъ, являются подготовительною работою для того, чтобы „дернуть“ обширную исторію Малороссіи. Почти всѣ выписки и замѣтки касаются южнорусскихъ славянъ и Кіевской Руси.

Сейчасъ, впрочемъ, для насъ совсѣмъ и не важно точно установить, съ какимъ намѣреніемъ Гоголь собиралъ матеріалы, о которыхъ мы ведемъ рѣчь.

Если они относятся къ затѣѣ написать исторію Малороссіи,—предъ нами новое блестящее доказательство серьезности этой затѣи.

Если-же это результатъ просто историческихъ занятій,—значеніе ихъ становится еще болѣе крупнымъ, какъ чрезвычайно яркаго проявленія весьма пристальнаго изученія Гоголемъ исторіи и притомъ изученія заправскаго — по первоисточникамъ.

Гоголь выписываетъ рядъ цитатъ и изъ Константина Багрянороднаго, и изъ Маврикія и изъ другихъ византійскихъ извѣстій о славянахъ. Добылъ-ли онъ самъ эти цитаты или откуда-нибудь заимствовалъ—сказать трудно. Но что совершенно точно можно установить—это прево-

сходное знаніе русскихъ лѣтописей. Онъ ихъ знаетъ во всѣхъ редакціяхъ, тогда изданныхъ, и одно и тоже мѣсто цитируетъ въ нѣсколькихъ редакціяхъ.

Какъ заправскій изслѣдователь, Гоголь былъ у себя дома не только въ печатномъ матеріалѣ, но пользовался и лѣтописными списками, еще не изданными. По поводу „Выписокъ изъ Кіевской лѣтописи", составляющихъ наиболѣе научно самостоятельную часть Гоголевскихъ „Матеріаловъ", г. Георгіевскій говоритъ:

„Сопоставленіе ихъ съ напечатанными лѣтописями показываетъ, что оригиналъ ихъ былъ не печатный. Повидимому, текстъ Гоголевскихъ „Выписокъ" весьма близко подходитъ къ Хлѣбниковскому списку лѣтописи. Однако, оригиналъ „Выписокъ" сокращеннѣе Хлѣбниковскаго списка".

Г. Георгіевскій дѣлаетъ такое предположеніе:

„Не объ этомъ-ли оригиналѣ Гоголь писалъ Пушкину 23 дек. 1833 года: „Порадуйтесь находкѣ: я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала, объ Украйнѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII вѣка?" („Гоголевскіе тексты", стр. 124).

Предъ нами такимъ образомъ, подчеркиваемъ еще разъ, настоящій спеціалистъ, свободно и самостоятельно разбирающійся въ своемъ научномъ матеріалѣ.

Несомнѣнно, самостоятеленъ Гоголь во всѣхъ вообще 74 замѣткахъ своихъ. Это или историческія размышленія (о соотношеніи географическихъ условій русской территоріи и историческихъ судебъ ея) или факты, по опредѣленному плану подобранные. Получается такимъ образомъ рядъ сводныхъ замѣтокъ, соединяющихъ въ одно массу данныхъ, извлеченныхъ изъ разныхъ источниковъ. Выводы этихъ сводныхъ замѣтокъ вполнѣ самостоятельны. Одна такъ и названа „*Собственные результаты о Славянахъ*" (Георгіевскій, стр. 144).

А въ другихъ замѣткахъ въ концѣ имѣется заключительный абзацъ съ надписаніемъ: *Выводы*.

Выше, характеризуя подготовительные матеріалы для Гоголевскихъ лекцій, я уже отмѣтилъ, что, живя въ эпоху преимущественнаго интереса къ внѣшнимъ факторамъ историческаго процесса, Гоголь, напротивъ того, придавалъ ван-

большое значеніе внутреннимъ, менѣе эфектнымъ явленіямъ жизни народовъ.

Въ занятіяхъ по славянской и русской исторіи у Гоголя то-же самое углубленное отношеніе. Его интересуетъ появленіе городовъ и ихъ устройство, интересуютъ пиры, обычаи, проявленія набожности, брачные союзы, сословныя отношенія, доходы княжескіе, юридическій бытъ.

Правовыми отношеніями Гоголь настолько интересуется, что почти цѣликомъ вноситъ въ свои тетради и всю „Правду Ярославлю“ и „Правду Изяслава“. Вноситъ не въ видѣ изложенія, а въ подлинномъ видѣ: „А аще не боудетъ кто мьстя: то м гривенъ за голову; аще боудетъ роусинъ, либо гридінъ, либо коупчина, либо ябетникъ, либо, аще изъ гои боудетъ, либо словенинъ: то м гривенъ положити зань“ и т. д.

По поводу этихъ выписокъ нельзя не отмѣтить той легкости и той охоты, съ которою Гоголь извлекаетъ длиннѣйшія выдержки изъ лѣтописей и другихъ древнихъ памятниковъ. Извлекаетъ, какъ въ сейчасъ приведенномъ образчикѣ, въ подлинной орѳографіи, что требуетъ и много времени и пристальнаго вниманія. Изъ 65 страницъ, занятыхъ въ книгѣ г. Георгіевскаго „Матеріалами по славянской и русской исторіи“, четверть—17 страницъ—занята выписками изъ кіевской лѣтописи и „Правдами“ Ярослава и Изяслава. Тутъ ярко сказывается методъ работы и навыки настоящаго спеціалиста.

———

IV.

Географическіе труды Гоголя.

О Гоголѣ-историкѣ, удачномъ или неудачномъ—это уже другой вопросъ—мы всѣ знаемъ.

О Гоголѣ-географѣ мы почти ничего не знаемъ.

Справедливо говоритъ г. Георгіевскій во вступительной замѣткѣ къ той части „Гоголевскихъ текстовъ". гдѣ напечатаны „Матеріалы по географіи Россіи":

„Матеріалы эти не только не оцѣнены біографами Гоголя, но въ полномъ своемъ видѣ остаются даже и не описанными и *неотмѣченными*. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ шести тетрадей съ этими матеріалами въ Гоголевской литературѣ можно найти краткія упоминанія только о двухъ, самыхъ малыхъ по объему тетрадяхъ, содержащихъ этнографическій очеркъ о калмыкахъ и начальныя свѣдѣнія изъ описанія путешествія Палласа. Остальныя четыре объемистыхъ тетради, какъ и самый фактъ собиранія Гоголемъ матеріаловъ по географіи Россіи, остались неизвѣстными для его біографіи, ограничивавшей все свое вниманіе въ этой области исключительно педагогическимъ вопросомъ о взглядахъ Гоголя на преподаваніе географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, по поводу статьи въ „Арабескахъ" *Мысли о географіи*. Между тѣмъ, и сохранившіяся тетради, и переписка Гоголя даютъ основаніе полагать, что онъ не ограничивался указаніемъ слабыхъ сторонъ въ современномъ ему преподаваніи географіи и заявленіемъ пожеланій для его усовершенствованія, но и пытался въ своемъ собственномъ трудѣ представить примѣръ, а можетъ быть и

образецъ такой книги по географіи Россіи, которая удовлетворила бы требованіямъ, предъявленнымъ имъ къ книгамъ этого рода“ (стр. 204).

Еще будучи учителемъ Патріотическаго Института, Гоголь носился съ мыслью издать обширное пособіе по географіи. 1 февраля 1833 года онъ писалъ Погодину: „Я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ названіемъ: „Земля и Люди“. Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ“.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что „Земля и Люди“ были однимъ только пышнымъ замысломъ. Самый планъ составленія книги весьма странный: Гоголь какъ-то хотѣлъ его составить изъ „журнала“ своихъ ученицъ, т. е., очевидно изъ того, что ученицы записывали за нимъ на урокахъ. Конечно, ничего не вышло, и уже черезъ 3 недѣли Гоголь разочарованно сообщаетъ Погодину: „Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его-то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ „Земля и Люди“, но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... Корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ-то не такъ теперь работается.... Чортъ побери такой трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени“.

Мнѣ представляется несомнѣннымъ, что „корректурный листокъ“ „Земли и Людей“, который выпалъ изъ рукъ автора, всецѣло относится къ области того „гиперболизма“, котораго было такъ много не только въ произведеніяхъ Гоголя, но и въ томъ, что онъ о себѣ разсказывалъ. Еще 1 февраля онъ пишетъ о „*подготовленіи* къ печати“ чего-то, для него и самого, неяснаго, а 20 февр. уже готова корректура! Совершенно-же очевидно, что „корректурный листокъ“ „Земли и Людей“ надо присоединить къ тѣмъ 8 томамъ Исторіи Малороссіи, которые Гоголь собирался „дернуть“ въ самомъ близкомъ будущемъ.

Всѣ эти черезъ чуръ рѣшительныя предвозвѣщенія огромныхъ сочиненій были, однако, фантазіями на реальной почвѣ. И если профессорство, историческіе труды Гоголя,

географическіе труды его, въ общемъ, потерпѣли фіаско то все по одной и той-же причинѣ: у Гоголя слишкомъ широкія были затѣи.

О широтѣ спеціально-географическихъ затѣй Гоголя даетъ понятіе уже и одно заглавіе предполагавшагося труда, и коротенькая статейка въ „Арабескахъ“: „*Мысли о географіи*“. Эти „мысли“, правда, чрезмѣрно богаты чувствомъ, и лиризмъ ихъ кое-гдѣ просто переходитъ въ довольно дешевую реторику. Но въ общемъ, представленія Гоголя о географіи, въ изученіе которой „должны ниспослать дань и естественная исторія, и физика, и статистика“ настолько всеобъемлющи, что ни къ какимъ практическимъ результатамъ географическія работы его и привести не могли.

Въ 1830-хъ годахъ Гоголь почти забылъ о географическихъ работахъ. На очереди были исторія и литература. Но послѣ выхода „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь и исторію, и литературу въ своихъ мечтаніяхъ и скорбяхъ забрасываетъ и съ большимъ интересомъ опять берется за географію. Въ письмахъ изъ-за границы то и дѣло попадаются порученія относительно присылки ему географическихъ книгъ.

Высылаютъ ему друзья и огромныя карты Россіи, такія, которыхъ хватаетъ „для покрытія двухъ ломберныхъ столовъ“. И подводя итоги многочисленнымъ книгамъ, упоминаемымъ въ письмахъ Гоголя, г. Георгіевскій приходитъ къ знаменательному выводу:

„Не подлежитъ сомнѣнію, что Гоголю удалось собрать для себя *всѣ* печатные труды по географіи Россіи“ (стр. 206).

Труды, какъ новые, такъ и старинные. Гоголь отлично былъ знакомъ съ многотомными изслѣдованіями и путешествіями по Россіи Екатерининскихъ временъ Гмелина, Рычкова, Сѣвергина, Палласа. Палласа, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ даже подробнѣйшимъ образомъ конспектировалъ.

Не довольствуясь печатными трудами, Гоголь „черезъ своихъ корреспондентовъ собиралъ географическія и этнографическія свѣдѣнія о знакомыхъ имъ мѣстностяхъ“. Такъ, напр., въ концѣ іюня 1849 г. Гоголь писалъ Маркевичу: „составьте для меня маленькій сельскій календарь годовыхъ работъ, какъ онѣ производятся у насъ въ Черниговской губерніи по днямъ, т. е., съ какого святого какая начинается

работа, какъ она и съ какими обрядами производится, какія существуютъ по этому поводу народныя поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства“.

И, наконецъ, Гоголь собирался совершить продолжительное путешествіе по Россіи, которое дало-бы ему непосредственное знакомство съ русскою дѣйствительностью.

На это путешествіе онъ смотрѣлъ какъ на научную экспедицію, для которой „нужно сильно запастись предуготовительными свѣдѣніями затѣмъ, чтобы узнать, на какіе предметы преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе; иначе, подобно посылаемымъ чиновникамъ и ревизорамъ, проѣдешь всю Россію и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь (1849) всѣ книги, сколько-нибудь знакомящія съ нашей землей,—большею частью такія, которыхъ теперь никто не читаетъ. Съ грустью удостовѣряюсь, что прежде, во время Екатерины, больше было дѣльныхъ сочиненій о Россіи. Путешествія были предпринимаемы учеными смиренно съ цѣлью узнать точно Россію. Теперь все щелкоперно. Нынѣшніе путешественники, охотники до комфортовъ и трактировъ, съ большихъ дорогъ не сворачиваютъ и стараются пролетѣть какъ можно скорѣе. При полномъ незнаньѣ земли своей утвердилось у всѣхъ гордая увѣренность, будто знаютъ ее, а между тѣмъ какую бездну нужно прочесть для того только, чтобы узнать, какъ мало знаешь, и чтобы быть въ состояніи путешествовать по Россіи, какъ слѣдуетъ, смиренно, съ желаніемъ знать ее“.

Въ 1850 г. Гоголь, при посредствѣ шефа жандармовъ, гр. А. Ѳ. Орлова, обратился къ Государю съ просьбою дать ему „возможность въ продолженіе трехъ лѣтъ сдѣлать три лѣтнія поѣздки во внутренность Россіи“. Тогда бы онъ „могъ окончить ту необходимую и нужную у насъ книгу, мысль о которой меня занимаетъ съ давнихъ поръ и за которую (дай только Богъ силъ мнѣ исполнить, какъ хочется) многіе отцы семействъ скажутъ мнѣ спасибо“.

Чрезвычайно характерно для Гоголя, какъ для „писателя-гражданина“ по преимуществу, который никогда и ни при какихъ условіяхъ отъ гражданской скорби своей осво-

бодиться не можетъ, что, даже испрашивая себѣ субсидію, онъ говоритъ только о нестроеніяхъ Россіи. Оффиціальный лозунгъ былъ: все обстоитъ благополучно, процвѣтаемъ безмѣрно подъ отеческимъ попеченіемъ, а у Гоголя: ни слова о благополучіи и рѣчь совсѣмъ о другомъ:

„Всѣмъ намъ уже извѣстно, сколько *бѣдствій и безпорядковъ* въ Русской землѣ произошло отъ собственнаго нашего невѣдѣнія земли своей, ибо едва ли не главною причиною всѣхъ *нестроеній и внутреннихъ безпорядковъ* есть невѣдѣніе русскими собственной земли своей".

Для борьбы съ этимъ незнаніемъ „нужно живое, а не мертвое изображеніе Россіи, та существенная, говорящая ея географія, начертанная сильнымъ, живымъ слогомъ, которая поставила бы русскаго лицомъ къ Россіи." „Такую книгу (мнѣ всегда казалось) могъ составить только такой писатель, который умѣетъ схватывать вѣрно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства *народа* (курс. Гоголя), а всякую *мѣстность* (курсивъ Гоголя) такъ ярко, чтобъ она навсегда осталась въ глазахъ, который, наконецъ, имѣлъ-бы способность сосредоточивать сочиненіе въ одно сложное цѣлое такъ, чтобы вся земля отъ края до края со всей особенностью своихъ мѣстностей, свойствами кряжей и грунтовъ, врѣзалась-бы какъ живая въ память".

Высказавъ еще нѣсколько мыслей о томъ, какъ такая „живая" географія Россіи должна быть составлена, Гоголь говоритъ въ заключеніе:

„Книга эта составляла давно предметъ моихъ размышленій. Она зрѣетъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ моимъ трудомъ (2 ч. „Мертвыхъ Душъ") и, можетъ быть, въ одно время съ нимъ будетъ готова".

До появленія матеріаловъ г. Георгіевскаго письмо къ Орлову производило крайне-непріятное впечатлѣніе какой-то совершенно ни на чемъ реальномъ необоснованной фикціи. И въ планѣ какъ будто ничего научнаго не было,—скорѣе рѣчь шла о предпріятіи художественномъ, нежели научномъ, да и такъ обширенъ былъ планъ, что весь разговоръ о книгѣ представлялся какимъ-то плохо-придуманнымъ предлогомъ для полученія пособія.

Теперь, когда предъ нами шесть огромныхъ *собственно-*

ручныхъ тетрадей Гоголя, которыя занимаютъ около 250 печатныхъ страницъ, сомнѣваться не приходится.

Не знай мы грандіозныхъ плановъ Гоголя относительно составленія книги, которая вмѣщала-бы въ себѣ рѣшительно всѣ свѣдѣнія о Россіи, мы были-бы крайне поражены предметомъ географическихъ занятій Гоголя.

Такъ, „первыя четыре тетради содержатъ сокращенное изложеніе Гоголемъ, собственноручно и переписанное имъ, извѣстнаго многотомнаго описанія „Путешествія по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи", составленной знаменитымъ естествоиспытателемъ П. С. Палласомъ".

Весьма важно отмѣтить, что это изложеніе Палласа имѣется въ *двухъ* редакціяхъ.

„Первая тетрадь имѣетъ заглавіе „отъ Петербурга до Москвы". Она содержитъ *первую редакцію переработки Гоголемъ труда Палласа,* болѣе подробно излагающую этотъ трудъ и заканчивающуюся описаніемъ „Дороги отъ Оренбурга въ Уфу черезъ Башкирскія зимовья".

„Вторая, третья и четвертая тетради имѣютъ общее заглавіе: „Изъ Палласа. По дорогѣ отъ Петербурга до Москвы", и содержатъ *вторую редакцію* переработки Гоголемъ труда Палласа, болѣе сокращенную и обнимающую весь трудъ Палласа".

Итакъ, Гоголю не скучно было дважды конспектировать огромный трудъ Палласа!

Съ какою цѣлью это дѣлалось?

Отвѣтъ, какъ мнѣ кажется, даетъ пятая тетрадь, которая содержитъ въ себѣ этнографическій очеркъ подъ названіемъ „Калмыки". Содержаніе очерка представляетъ собою сокращенное изложеніе Гоголемъ нѣкоторыхъ частей книги „Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ Калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ" Спб. 1834.

Повидимому, Гоголь задался поистинѣ грандіозною цѣлью конспектировать все то цѣнное, что имѣлось по этнографіи Россіи, и предъ нами начало какого-то исполинскаго фундамента.

Но для чего-бы ни дѣлались эти изложенія и тщательнѣйшіе конспекты, усилія были чрезвычайныя, и должно обѣими руками подписаться подъ заключительными словами

предисловія г. Георгіевскаго къ напечатаннымъ имъ географическимъ записямъ Гоголя:

„Печатаемые матеріалы Гоголя по географіи Россіи способны убѣдить въ необыкновенномъ трудолюбіи его и въ той огромной затратѣ времени и труда, которую онъ посвятилъ изученію и переложенію „множества книгъ", вопреки заявленію біографіи его о томъ, что у Гоголя не хватало, будто-бы, терпѣнія „перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ" [1]) (стр. 214).

Въ смыслѣ какихъ-либо результатовъ географическіе труды Гоголя самые безплодные въ ряду его научныхъ работъ. Фольклористскія увлеченія Гоголя привели къ богатѣйшему собранію народныхъ пѣсенъ. Университетскія лекціи дали нѣсколько яркихъ историческихъ характеристикъ. Занятія малороссійской и русской исторіей богато отразились въ „Тарасѣ Бульбѣ" и интересно сказались въ начатыхъ Гоголемъ историческихъ работахъ и набросках, основныя идеи которыхъ всегда такъ или иначе будутъ привлекать вниманіе исторіографіи.

Географическіе-же труды Гоголя, если не считать маленькой статейки о преподаваніи географіи въ „Арабескахъ", ничего не дали. Нельзя-же считать научнымъ результатомъ компиляцію Палласа и Нефедьева.

Но съ другой стороны, ни въ какой другой области научныхъ занятій Гоголя не сказалась такъ ярко жилка кабинетнаго ученаго, Bücherwurm'a, та характеристичная черта всякаго научнаго дѣятеля по призванію, которую я-бы назвалъ *бенедиктинствомъ*.

Подъ бенедиктинствомъ, вспоминая колосальные фоліанты, созданные вдохновеннымъ трудолюбіемъ западно-европейскихъ бенедиктинцевъ, я разумѣю любовь или вѣрнѣе страсть къ научному труду какъ таковому, почти независимо отъ результатовъ, къ которому онъ приводитъ. Научному работнику по призванію доставляетъ какое-то чисто-физіологическое удовольствіе самый процессъ работы. Пріятно дѣлать выборки, переписывать интересные доку-

---

[1]) Слова Шенрока въ его „Матеріалахъ для біографіи Гоголя" т. II стр. 225.

менты, пріятно то, что называется *„копаться“* въ своемъ матеріалѣ, дышать „архивною пылью“, перебирать библіографическія пособія, самому набирать библіографію, собирать нужныя книги, волноваться по поводу того дѣйствительно-ли *„все“* узнано, прочитано, подобрано. Безъ такого увлеченія самою механикою работы, развѣ мыслимо собственноручно написать цѣлый томъ въ 250 стр. убористой печати, какъ это сдѣлалъ Гоголь?

И вотъ, когда сведешь всѣ черты бенедиктинства, столь ярко сказавшіяся и въ огромномъ трудѣ надъ сборникомъ пѣсенъ, и въ усерднѣйшемъ подготовленіи къ лекціямъ, и въ пространныхъ выборкахъ изъ лѣтописей, и, наконецъ, въ географическихъ компиляціяхъ,—то разъ навсегда нужно совершенно отбросить абсолютно-несправедливую легенду о научномъ диллетантизмѣ Гоголя. Пусть онъ и неудачный историкъ, и еще болѣе неудачный географъ, но интересъ и призваніе къ наукѣ имѣли глубочайшіе корни въ его духовномъ существѣ.

И даже въ самомъ художественномъ творчествѣ своемъ развѣ не былъ Гоголь настоящимъ бенедиктинцемъ по той тщательности, съ которой—къ ужасу позднѣйшихъ редакторовъ его сочиненій—онъ многократно передѣлывалъ и детали плана, и всякую фразу и даже каждое слово? Ни одинъ изъ прозаиковъ русскихъ не работалъ такъ упорно и интенсивно надъ рукописями своими. Муки творчества терзали Гоголя—безусловно самаго одареннаго изъ мастеровъ русской прозы—больше кого-бы то ни было другого, именно благодаря желанію его всестороннѣе все сказать, все обнять, все освѣтить.

Литературный помазанникъ божьей милостью, онъ на царственномъ мѣстѣ своемъ былъ „вѣчнымъ работникомъ“ въ самомъ непосредственномъ смыслѣ слова.

Геній и терпѣніе, полетъ и усидчивость, стихійность и обдуманность, художественная интуиція и методичность ученаго сливались въ Гоголѣ въ одно органическое цѣлое.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Гдѣ любовь, тамъ и ненависть, кто сильно и страстно любитъ, тотъ сильно и страстно ненавидитъ. И этотъ психологическій законъ, вытекающій изъ того, что у страстной натуры просто и въ распоряженіи нѣтъ умѣренности и аккуратности, съ особенною яркостью сказался на критической дѣятельности Бѣлинскаго.

Не зналъ Бѣлинскій никогда половинчатости въ своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, и испыталъ это на себѣ въ полной мѣрѣ Гоголь и какъ авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, и какъ авторъ „Переписки“.

Гоголь былъ для Бѣлинскаго въ теченіе 12 лѣтъ, съ 1835 г. по 1847 г., предметомъ настоящаго культа, но онъ же бѣшено и яростно повалилъ его съ того высокаго пьедестала, на который самъ же его поставилъ. Онъ же нанесъ Гоголю ту страшную рану, которая непрерывно горѣла всѣ послѣдніе пять лѣтъ его жизни. А память Гоголя до сихъ поръ не оправилась отъ удара, нанесеннаго автору „Переписки“ знаменитымъ письмомъ Бѣлинскаго. Все еще для огромнаго большинства „Переписка“ представляется въ томъ освѣщеніи, какое ей дало письмо Бѣлинскаго. Имя Бѣлинскаго такимъ образомъ совершенно неотдѣлимо и отъ славы Гоголя—вѣдь онъ первый возвелъ его въ рангъ генія—и отъ безславія его.

I.

Общее значеніе Бѣлинскаго какъ перваго истолкователя Гоголя.

Любовь Бѣлинскаго къ Гоголю загорѣлась не сразу, но разгоралась чрезвычайно быстро и стремительно.

Если мы обратимся къ „Литерат. Мечтаніямъ“ т. е. къ 1834 году, то убѣдимся, что Бѣлинскій сразу, конечно, оцѣнилъ Гоголя, но во весь свой ростъ Гоголь еще предъ нимъ не всталъ.

„Г. Гоголь, такъ мило прикинувшійся *пасичникомъ*, принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому неизвѣстны его „Вечера на хуторѣ близь Диканьки“? Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности! Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя имъ о себѣ надежды“.

Здѣсь еще не взятъ надлежащій тонъ. Скоро, очень скоро Бѣлинскій поставитъ Гоголя во главѣ всей литературы, а покамѣстъ Гоголь еще только „подаетъ надежды“. Спѣшимъ отмѣтить, что эпитетъ „*необыкновенный* талантъ“, здѣсь не нужно понимать въ современномъ значеніи. На языкѣ того времени оно соотвѣтствуетъ нашему скромному „*незаурядный* талантъ“.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ апрѣлѣ 1835 года, Бѣлинскій пишетъ въ „Молвѣ“ небольшую рецензію объ „Арабескахъ“ и „Миргородѣ“.

Тутъ уже *почти* взятъ надлежащій тонъ. Рецензія заканчивается такъ:

„Новыя произведенія игривой и оригинальной фантазіи

г. Гоголя принадлежатъ къ числу самыхъ необыкновенныхъ явленій въ нашей литератрѣ, и вполнѣ заслуживаютъ тѣ похвалы, которыми осыпаетъ ихъ восхищенная ими публика".

Однако, къ числу этихъ-же „необыкновенныхъ" т. е., опять-таки, незаурядныхъ талантовъ одновременно причислены и Павловъ, и Вельтманъ, и Лажечниковъ. И только въ знаменитой статьѣ „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя", напечатанной въ сентябрѣ 1835 года, Гоголь будетъ возведенъ въ надлежащій рангъ. Тутъ были сказаны вдохновенно-вѣщія слова:

„*Въ настоящее время онъ (Гоголь) является главою литературы, главою поэтовъ; онъ становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ*" [1]).

Тутъ Бѣлинскій дошелъ до той высоты своихъ похвалъ Гоголю, которая опредѣлила и историческое положеніе прославленнаго имъ писателя, и его собственное положеніе, какъ перваго человѣка, безъ всякаго колебанія властною рукою возведшаго Гоголя на царственное мѣсто.

По прекрасному выраженію Аполлона Григорьева, „имя Бѣлинскаго, какъ плющъ, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, четыре великихъ и славныхъ имени—Пушкина, Грибоѣдова, Гоголя, Лермонтова—сплелось съ ними такъ, что, говоря о нихъ, какъ объ источникахъ современнаго литературнаго движенія,—постоянно бываешь поставленъ въ необходимость говорить и о немъ" (Соч. 1, стр. 233).

Но ни относительно кого изъ названныхъ Григорьевымъ великихъ именъ роль великаго истолкователя ихъ не была такъ рѣшительна, какъ относительно Гоголя. Полное пониманіе значенія Гоголя началось только со статьи Бѣлинскаго о немъ.

Здѣсь первоисточникъ всѣхъ нашихъ представленій о Гоголѣ.

Читаешь, напр., такъ просто выраженныя мысли:

„*Комическое одушевленіе Гоголя всегда побѣждается глубокимъ чувствомъ грусти и унынія*".

---

[1]) Бѣлинскій въ то время, какъ и всѣ, считалъ литературную карьеру Пушкина законченною.

„Гоголь есть поэтъ жизни дѣйствительной“, читаешь всѣ остальныя, столь „банальныя“ и „элементарныя“ теперь опредѣленія таланта Гоголя и испытываешь приблизительно то же впечатлѣніе, какъ читая въ лѣтописи нѣсколько строкъ сказаній о важнѣйшихъ событіяхъ нашей исторіи. Какъ тамъ эти нѣсколько строкъ даютъ основу всему тому, что въ теченіе длиннаго ряда поколѣній заучивается и варьируется на разнообразнѣйшіе лады, такъ и здѣсь въ нѣсколькихъ строкахъ даются опредѣленія, ставшія *литературными аксіомами*. Кто изъ насъ не употреблялъ еще въ гимназическихъ сочиненіяхъ фразъ о томъ, что юморъ Гоголя всегда перемѣшанъ съ грустью, что онъ поэтъ жизни дѣйствительной и т. д. Но вѣдь всѣ эти, теперь ставшія банальнѣйшими истинами, опредѣленія въ моментъ своего появленія были *совершеннѣйшею новостью*.

Не будемъ уже говорить о критикахъ въ родѣ Булгарина, который, вторя Сенковскому, даже послѣ смерти Гоголя съ послѣдовательностью, достойною лучшей участи, утверждалъ, что Гоголь есть русскій Поль-де-Кокъ, плохо къ тому владѣвшій русскимъ языкомъ. Что Булгаринъ? Полевой, проницательный Полевой, тоже одинъ изъ отцевъ русской критики, когда появились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, совѣтовалъ автору брать примѣръ съ Марлинскаго!

„Посмотрите-ка на одного сказочника, который написалъ повѣсть: Лейтенантъ Бѣлозоръ! Вотъ художникъ!“.

Какъ тутъ, при всемъ уваженіи къ историческимъ заслугамъ Полевого, не вспомнить Крыловское

А жаль, что незнакомъ
Ты съ нашимъ пѣтухомъ.

И чѣмъ дальше развертывалась дѣятельность Гоголя, тѣмъ Полевой все больше и больше ее не понималъ.

Умница Сенковскій давалъ отзывъ объ отдѣльномъ изданіи „Повѣсти о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, который былъ не особенно многословенъ, но зато рѣшителенъ:

„Мы всегда были того мнѣнія, что повѣсть очень грязна“. Вотъ и весь отзывъ.

И это былъ законодатель вкуса огромной публики „Биб. д. Чт.“.

О той же повѣсти рецензентъ „Сѣв. Пч.“ говорилъ: „Зачѣмъ показывать намъ эти рубища, эти грязныя лохмотья, какъ бы ни были они искусно представлены? Зачѣмъ рисовать непріятную картину задняго двора жизни и человѣчества, безъ всякой видимой цѣли?“.

Цѣли нѣтъ у Гоголя!

Не увидѣлъ, значитъ, рецензентъ у Гоголя тѣхъ незримыхъ слезъ сквозь видимый смѣхъ, которыя Бѣлинскій усмотрѣлъ въ Гоголѣ *раньше, чѣмъ Гоголь самъ такъ формулировалъ свое творчество.*

Эта знаменитая формула („Озирать громадно-несущуюся жизнь сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы“) вылилась у Гоголя только около 1840 г. (въ 7-й главѣ „Мертвыхъ душъ“) т.-е. цѣлыхъ 5 лѣтъ спустя послѣ отзыва Бѣлинскаго, сущность котораго заключается именно въ томъ, что Бѣлинскій усмотрѣлъ серьезность задачъ, тоску и уныніе тамъ, гдѣ вся публика и самые благосклонные цѣнители видѣли только забавные анекдоты.

И, конечно, это первенство Бѣлинскаго въ опредѣленіи самого существеннаго въ творчествѣ Гоголя обязываетъ насъ поставить вопросъ такъ:

Можно разно смотрѣть на творчество Гоголя. Можно усматривать въ немъ типичнаго представителя творчества безсознательнаго, великаго только своею стихійною способностью отражать жизнь во всей ея полнотѣ. Можно, напротивъ того, устанавливать полную сознательность разрушительной работы Гоголя—это тезисъ настоящей книги, но и въ томъ и другомъ случаѣ несомнѣнно, что Гоголь далеко не понималъ многихъ сторонъ своего творчества, которыя лежали въ немъ скрыто и были выявлены только геніальною прозорливостью Бѣлинскаго.

Близко знавшій Гоголя Анненковъ прямо говоритъ въ біографіи Станкевича:

„Неизвѣстно, что сталось бы съ Гоголемъ, впечатлительнымъ до крайности, если бы Москва раздѣлила сомнѣнія и холодность петербургской публики. Но здѣсь онъ встрѣтилъ участіе, поднявшее, какъ намъ хорошо извѣстно,

нравственную бодрость его и сообщившее ему увѣренность въ своихъ силахъ. Послѣдняя все болѣе и болѣе росла съ тѣхъ поръ... Нѣтъ сомнѣнія, что Бѣлинскій первый положилъ твердый камень въ основаніе всей послѣдующей его извѣстности, начавъ первый объяснять смыслъ и значеніе его произведеній. Можно думать, что Бѣлинскій уяснилъ самому Гоголю его призваніе и открылъ ему глаза на самого себя. Для этого есть нѣсколько доказательствъ несомнѣннаго, историческаго характера!"

Анненковъ не приводитъ этихъ доказательствъ, и потому представятъ извѣстный интересъ наши доказательства, что предъ нами не простая гипотеза.

Я сейчасъ приведу отзывы двухъ людей, чрезвычайно близкихъ къ Гоголю, знавшихъ его не только по писаніямъ, но по тѣсному личному общенію. Они имѣли возможность узнать его душевный складъ не только по произведеніямъ, но и изъ личнаго наблюденія, изъ интимныхъ разговоровъ, изъ того, что онъ съ ними дѣлился своими планами и намѣреніями. Совершенно, значитъ, очевидно, что будь Гоголю самому ясна его тоска, онъ бы не имѣлъ ни возможности, ни охоты скрывать ее отъ ближайшихъ людей. И тѣмъ больше, значитъ, славы Бѣлинскому, лично не знавшему еще тогда Гоголя и только чуткимъ сердцемъ изъ произведеній писателя понявшему то, что составляетъ основу его творческихъ настроеній.

Одинъ изъ отзывовъ, о которыхъ я сейчасъ говорю, принадлежитъ Шевыреву, „гоголефилу", какъ онъ себя называлъ впослѣдствіи, человѣку, убѣжденному, что онъ много сдѣлалъ для установленія репутаціи Гоголя. И въ самомъ дѣлѣ, въ первой своей рецензіи о повѣстяхъ Гоголя („Моск. Наблюд." 1835 г., № 1) Шевыревъ употребляетъ эпитеты не шуточные. Статья начинается съ вопроса: „Кто изъ русскихъ читателей не знаетъ теперь о знаменитой ссорѣ Ивана Ивановича съ Ив. Никифоровичемъ?" Весь отзывъ вообще преисполненъ похвалъ; рецензентъ, разобравъ „Тараса Бульбу", считаетъ возможнымъ „поздравить нашу словесность съ такимъ созданіемъ, которое обличаетъ талантъ многосторонній, рѣшительный и кисть широкую и смѣлую въ повѣствователѣ". Но все же

и въ этомъ очень благосклонномъ отношеніи чувствуется что-то *явно-покровительственное* и нѣтъ и намека на *великое* значеніе Гоголя, на то, что онъ открываетъ собою новую эпоху въ исторіи русской литературы. А главное, Шевыревъ даже приблизительно не чувствуетъ незримыхъ слезъ сквозь видимый міру смѣхъ.

Какъ опредѣляетъ онъ сущность комизма Гоголя?

„Мы не знаемъ, гдѣ это, въ какомъ углу Малороссіи,— въ Миргородѣ или въ Диканькѣ, авторъ этихъ *хохотливыхъ* вечеровъ открылъ кладъ до сихъ поръ до такой степени невиданный въ нашей литературѣ: это кладъ *простодушнаго*, искренняго, ни у кого незанятаго и неистощимаго смѣха. Я думаю, что онъ нашелъ его въ Малороссіи, что онъ откупорилъ этотъ веселый духъ изъ завѣтной кубышки какого-нибудь малороссіянина, потому что въ литературѣ русской,—и простонародной и образованной,—мы не находимъ преданія о такой *простодушной* веселости".

Затѣмъ идетъ рядъ разсужденій о томъ, что́ составляетъ сущность смѣшного въ искусствѣ и неустанныя увѣренія, что смѣхъ Гоголя „неистощимый и *простодушный*".

Такимъ образомъ этотъ закадычный пріятель Гоголя и ученый эстетикъ былъ на сто верстъ далекъ отъ истиннаго пониманія Гоголя. Одинъ только „недоучившійся студентъ" Бѣлинскій, у котораго не было еще въ распоряженіи ни „Ревизора", ни „Мертвыхъ душъ", который могъ опереться только на одну авторскую фразу въ концѣ „Ссоры Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ" („Скучно, господа, жить на этомъ свѣтѣ"), понялъ сокровенный смыслъ творчества Гоголя, понялъ, что въ этомъ мнимо-простодушномъ смѣхѣ кроется червь глубочайшей тоски.

При всемъ своемъ педантствѣ, Шевыревъ былъ однимъ изъ виднѣйшихъ дѣятелей журналистики, и, какъ критикъ, двумя головами стоялъ выше Булгариныхъ, Гречей и Сенковскихъ. Хоть не вполнѣ вѣрно, но все же онъ до извѣстной степени понималъ Гоголя, наконецъ, считался его истолкователемъ и ходатаемъ предъ публикою. Слѣдовательно, публика прислушивалась къ его голосу, и не будь

противодѣйствія Бѣлинскаго, такъ и осталась бы при убѣжденіи, что Гоголь веселый, забавный увеселитель.

Во всей критической литературѣ о первомъ періодѣ дѣятельности Гоголя есть только одинъ отзывъ, который въ одной фразѣ отчасти, но совсѣмъ съ другой стороны, подходитъ къ основной мысли статьи Бѣлинскаго. Этотъ отзывъ принадлежитъ Пушкину, который былъ не только великимъ поэтомъ, но и человѣкомъ замѣчательнѣйшаго литературнаго вкуса.

Такимъ образомъ, если бы даже и было такъ, что во всей литературѣ вѣрно поняли Гоголя только Пушкинъ, да Бѣлинскій, то и это было бы очень характерно.

Но на самомъ дѣлѣ и самый отзывъ на годъ позже появился, чѣмъ отзывъ Бѣлинскаго (въ „Современникѣ“ 1836 г.), и не имѣетъ въ себѣ и десятой доли выразительности и рѣшительности Бѣлинскаго. А вѣдь въ критикѣ рѣшительность, властность приговора—главное условіе воздѣйствія на читателя.

Привожу этотъ отзывъ Пушкина. Какъ далекъ общій тонъ его отъ восторженнаго дифирамба Бѣлинскаго и какъ онъ, все-таки, центръ тяжести смѣха Гоголя, опять таки, видитъ въ его *простодушности*:

„Читатели наши, конечно, помнятъ впечатлѣніе, произведенное надъ ними появленіемъ „Вечеровъ на хуторѣ“: всѣ обрадовались этому живому описанію племени поющаго и пляшущаго, этимъ свѣжимъ картинамъ Малороссійской природы, этой веселости, *простодушной* и вмѣстѣ *лукавой*. Какъ изумились мы Русской книгѣ, которая заставляла насъ *смѣяться*, мы, не смѣявшіеся со временъ Фонвизина! Мы такъ были благодарны молодому автору, что охотно простили ему неровность его слога, безсвязность и неправдоподобіе нѣкоторыхъ разсказовъ, представя сіи недостатки на поживу критики. Авторъ оправдалъ таковое снисхожденіе. Онъ съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ Арабески, гдѣ находится его Невскій Проспектъ, самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился Миргородъ, гдѣ съ жадностію всѣ прочли и Старосвѣтскихъ помѣщиковъ, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ *васъ смѣяться сквозь слезы*

грусти и умиленія, и Тараса Бульбу, коего начало достойно Вальтеръ-Скотта. Г. Гоголь идетъ еще впередъ. Желаемъ и надѣемся имѣть часто случай говорить о немъ въ нашемъ журналѣ".

Въ этомъ отзывѣ первый моментъ своимъ неопредѣленнымъ сходствомъ поражаетъ слухъ фраза, что Гоголь заставляетъ „смѣяться сквозь слезы". Но вѣдь это, однако, совсѣмъ не то, что „незримыя слезы", кроющіяся за „видимымъ смѣхомъ", и совсѣмъ не то, что утвержденіе Бѣлинскаго: „оригинальность у г. Гоголя состоитъ въ комическомъ одушевленіи, *всегда* побѣждаемомъ чувствомъ глубокой грусти". Не говоря уже о томъ, что Пушкинъ говоритъ *только* о „Старосвѣтскихъ помѣщикахъ", онъ вѣдь къ ней подходитъ, какъ къ трогательной и умилительной повѣсти, *тѣмъ не менѣе* заставляющей васъ смѣяться. По Пушкину, способность Гоголя смѣшить такъ велика, что *даже* въ грустной по задачѣ повѣсти вы смѣетесь сквозь слезы. Слѣдовательно, по Пушкину, въ Гоголѣ *смѣхъ* всегда побѣждаетъ слезы; между тѣмъ какъ по Бѣлинскому совсѣмъ наоборотъ—*грусть* побѣждаетъ всегда въ Гоголѣ смѣхъ. Пониманіе діаметрально-противоположное!

Вся дальнѣйшая дѣятельность Гоголя показала, что правъ былъ Бѣлинскій, а не Пушкинъ. Историческое значеніе Гоголя въ томъ, что смѣхъ его былъ горькій, а не простодушный. А историческое значеніе Бѣлинскаго, слѣдовательно, въ томъ, что онъ *первый и единственный*, который это растолковалъ русской публикѣ.

Чтобы покончить съ ролью Бѣлинскаго какъ перваго человѣка, понявшаго одновременно и *великое* значеніе таланта Гоголя, и безграничную горечь его мнимо-веселаго смѣха, намъ остается еще опредѣлить соотношеніе статьи съ мнѣніемъ о Гоголѣ кружка Станкевича.

Соотношеніе это безусловно очень велико. Гоголь былъ истиннымъ любимцемъ всего кружка:

„Станкевичъ и весь кругъ его", сообщаетъ Анненковъ: „поняли съ перваго раза смѣхъ, производимый созданіями Гоголя, весьма серьезно, почти такъ, какъ понималъ его впослѣдствіи самъ авторъ. Что касается до поэзіи, то людямъ, искушеннымъ въ этомъ дѣлѣ, легко было угадать ея

оттѣнокъ на лицахъ и описаніяхъ Гоголевской фантазіи. Станкевичъ, смѣтливый отъ природы, уже не могъ никогда вспоминать нѣкоторыхъ подробностей въ его картинахъ безъ того, чтобъ не потерять совершенно хладнокровія. Такое дѣйствіе производило на него, напримѣръ, воспоминаніе о жидѣ (въ Тарасѣ Бульбѣ), который, снявъ верхнюю одежду, сталъ вдругъ похожъ на цыпленка. Да и въ первое знакомство съ Гоголемъ одно предчувствіе юмористическаго элемента, которымъ такъ обильны его творенія, повергало Станкевича въ припадокъ неудержимаго смѣха. При первомъ чтеніи повѣсти Гоголя: „Коляска", на которое собрались нѣкоторые друзья Станкевича, едва произнесены были слова, открывающія повѣсть и еще не заключающія въ себѣ ничего особеннаго, раздался общій дружный хохотъ (все хохотъ! *С. В.*), съ трудомъ побѣжденный".

Такъ встрѣчали молодые люди будущаго знаменитаго писателя нашего, угадывая въ его веселости и въ смѣхѣ, имъ порождаемомъ, первые симптомы литературной возмужалости, вмѣстѣ съ признаками пробуждающагося народнаго сознанія" (Біографія при „Перепискѣ" Станкевича, стр. 77—78).

Слова Анненкова и въ частности разсказъ о чтеніи „Коляски" вполнѣ подтверждаются тѣмъ, что сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ виднѣйшій послѣ Станкевича и Бѣлинскаго членъ кружка—Константинъ Аксаковъ:

„Въ тѣ годы только что появлялись творенія Гоголя, дышащія новою небывалою художественностью. Какъ дѣйствовали они тогда на все юношество, и въ особенности на кружокъ Станкевича! Во время нашего студентства вышло *Новоселье*, альманахъ; тамъ была повѣсть Гоголя: „О томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ". Помню я то впечатлѣніе, какое она произвела.

Что можетъ равняться радостному сильному чувству художественнаго откровенія? Какъ освѣжало, ободряло оно души всѣхъ! Какъ само постепенное появленіе изданій геніальнаго художника оживляло, двигало общество! Радъ я, что испыталъ и видѣлъ все это. Станкевичъ цѣнилъ очень вѣрно и тонко художественность Гоголя, особенно

въ бездѣлицахъ!—Вскорѣ послѣ выхода его и моего изъ университета Станкевичъ досталъ какъ-то въ рукописи *Коляску* Гоголя, вскорѣ потомъ напечатанную въ Современникѣ. У Станкевича былъ я и Бѣлинскій; мы приготовились слушать, заранѣе уже полные удовольствія. Станкевичъ прочелъ первыя строки: „Городокъ Б. очень повеселѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ началъ въ немъ стоять кавалерійскій полкъ"... и вдругъ нами овладѣлъ смѣхъ, смѣхъ несказанный; всѣ мы трое смѣялись, и долго смѣхъ не унимался. Мы смѣялись не отъ чего-нибудь забавнаго или смѣшного, но отъ того внутренняго веселья и радостнаго чувства, которымъ преисполнились мы, держа въ рукахъ и готовясь читать Гоголя.—Наконецъ, смѣхъ нашъ прекратился и мы прочли съ величайшимъ удовольствіемъ этотъ маленькій отрывокъ, въ которомъ, какъ и въ другихъ созданіяхъ Гоголя—и полнота, и совершенство искусства" („День" 1862, № 40, стр. 4 и въ отд. изд. М. 1909)

Такимъ образомъ, въ общемъ, увлеченіе Бѣлинскаго Гоголемъ не составляетъ личной его заслуги. И все же онъ былъ безусловно оригиналенъ въ двухъ самыхъ существенныхъ частяхъ своего приговора: въ уразумѣніи того, что въ основѣ „хохотливости" Гоголя скрытъ глубочайшій трагизмъ и—самое цѣнное—въ признаніи Гоголя главою современной литературы.

Тутъ Бѣлинскій былъ оригиналенъ не только по отношенію къ Станкевичу и другимъ членамъ кружка, но, если можно такъ выразиться, по отношенію *къ самому себѣ*, къ недавнимъ собственнымъ взглядамъ своимъ. Сознаніе *великаго* значенія Гоголя какъ бы пришло къ нему полубезсознательно, въ моментъ геніальнаго критическаго наитія. Взглянемте въ самомъ дѣлѣ на постепенный ростъ его восторженнаго отношенія къ Гоголю.

Мы знаемъ, что въ „Литер. Мечтаніяхъ" Гоголь всего только „подаетъ надежды". Ему посвящено 5 строкъ, въ то время какъ не только Марлинскому посвящены страницы, но даже „удивительной повѣсти" Ушакова „Киргизъ-Кайсакъ" удѣлено больше вниманія. Но вотъ проходитъ всего 3 мѣсяца, появляется „Миргородъ", и въ предварительной замѣткѣ, о которой я уже говорилъ, взятъ *почти*

надлежащій тонъ. Бѣлинскій имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи весь тотъ литературный матеріалъ, который заставитъ его возвести Гоголя въ надлежащій литературный рангъ, но онъ еще не вдумался въ него всецѣло, не провелъ его чрезъ все то напряженіе чувства, на которое онъ способенъ въ моменты высшаго подъема своего критическаго чутья и потому еще не достигъ вершинъ своей вдохновенной прозорливости. Мало того, чрезъ недѣлю, мимоходомъ, въ замѣткѣ о Каратыгинѣ, Бѣлинскій прямо заявляетъ: „я пока еще не вижу генія въ г. Гоголѣ" (II, 101). Приступая, наконецъ, къ самой статьѣ, о которой теперь рѣчь, Бѣлинскій разгорается только постепенно. Въ началѣ ея еще никакъ нельзя догадаться, что онъ подъ конецъ возьметъ такой высокій тонъ, поставитъ Гоголя во главѣ всей современной литературы, возведетъ въ рангъ генія, отдастъ ему „мѣсто, оставленное Пушкинымъ".

Это пришло какъ-бы само собою, въ моментъ высшаго напряженія того энтузіазма, который у Бѣлинскаго всегда приводилъ къ самымъ блистательнымъ проявленіямъ его эстетическихъ прозрѣній. Знакомые съ моею литературною дѣятельностью знаютъ, что я въ Бѣлинскомъ усматриваю *великое сердце* по преимуществу. Я считаю, что то значеніе, которое Бѣлинскій пріобрѣлъ въ русской литературѣ, обусловлено не только тѣмъ, что онъ проводилъ новыя идеи. Эти идеи сплошь, да рядомъ не имъ самимъ выработаны, а принадлежали цѣлому кружку его сверстниковъ.

Но только онъ одинъ изъ сверстниковъ своихъ обладалъ геніальною способностью доходить до высочайшаго напряженія въ остротѣ и силѣ своихъ эмоцій и этимъ заражать читателя. Въ данномъ случаѣ—въ актѣ возведенія Гоголя на мѣсто Пушкина—предъ нами одинъ изъ наиболѣе блистательныхъ моментовъ проявленія именно великаго *сердца* Бѣлинскаго. Подъ „сердцемъ" я понимаю не только высоту полета и благородство настроеній, но и эмоціональность вообще—и въ томъ числѣ, конечно, литературный вкусъ, эстетическую проницательность, которая относится къ области интуитивности. И въ данномъ случаѣ предъ нами соединеніе удивительной вѣрности вкуса и великой отваги. Въ моментъ

высокаго литературнаго чинтія Бѣлинскій не убоялся вѣнчать на царство начинающаго писателя, съ репутаціею еще совершенно неокрѣпшею, писателя, размѣры дарованія котораго еще рѣшительно никому иному не выяснились въ настоящемъ ихъ объемѣ.

II.

Взаимныя отношенія Бѣлинскаго и Гоголя въ 40-хъ годахъ.

Странно сложилось дальнѣйшее участіе Бѣлинскаго въ укрѣпленіи литературнаго положенія Гоголя.

Написавши статью о „Миргородѣ“ и другихъ начальныхъ повѣстяхъ, которая до сихъ поръ является краеугольнымъ камнемъ нашихъ сужденій о Гоголѣ, Бѣлинскій не написалъ ни одной большой статьи ни о „Ревизорѣ“, ни о „Мертвыхъ Душахъ“. Все собирался, не разъ печатно обѣщалъ дать исчерпывающій разборъ этихъ великихъ, по его-же опредѣленіямъ, произведеній, которыми онъ прямо бредилъ, а написать не написалъ.

И тѣмъ не менѣе роль Бѣлинскаго въ истолкованіи литературной дѣятельности Гоголя, а главное въ томъ, чтобы это истолкованіе прочно вошло въ сознаніе читающей публики, по прежнему остается рѣшающей. Не написавъ большой, „настоящей“ статьи, о которой всегда мечталъ, Бѣлинскій написалъ, однако, нѣсколько цѣннѣйшихъ рецензій и замѣтокъ. Небольшія по объему, онѣ важны по тѣмъ мыслямъ, которыя Бѣлинскій, хотя и торопливо, но проникновенно въ нихъ бросалъ на лету. А всего больше и чаще говорилъ Бѣлинскій о Гоголѣ въ столь излюбленныхъ имъ отступленіяхъ по поводамъ случайнымъ, въ статьяхъ, посвященныхъ совсѣмъ другимъ темамъ. И въ общемъ, Бѣлинскій говорилъ такъ много и такъ часто о Гоголѣ, что для читающей публики именно онъ въ теченіе всего періода 40-хъ годовъ былъ глашатаемъ растущей славы Гоголя и истолкователемъ

его творческихъ намѣреній, провозвѣстникомъ его геніальности.

Утвержденіе Гоголя въ рангѣ генія было всецѣло дѣломъ Бѣлинскаго. И если Гоголь столь безмѣрно возгордился, то больше всего благодаря тому, что Бѣлинскій превозносилъ его до небесъ. Подчеркиваю это еще разъ— „гоголефильство“ Шевырева и другихъ друзей не шло дальше признанія за Гоголемъ серьезнаго таланта.

Правда, въ домѣ Аксаковыхъ Гоголь всегда встрѣчалъ отношеніе восторженное. Константинъ Аксаковъ произвелъ даже его въ Гомеры. Но что изъ этого вышло? Получился одинъ только конфузъ, (см. въ III томѣ настоящаго собранія).

Въ восторгахъ Бѣлинскаго дѣло было не въ чрезмѣрности похвалъ, а въ ихъ убѣдительности. Аксаковскіе приравниванія къ „Иліадѣ“ повредили репутаціи Гоголя, восторги Бѣлинскаго властно покоряли.

И лично Бѣлинскій полюбилъ Гоголя, котораго такъ трудно было любить какъ человѣка. „Поклонись отъ меня Гоголю“, пишетъ онъ Константину Аксакову въ январѣ 1840 г. и „скажи ему, что я такъ люблю его, и какъ поэта и какъ человѣка, что и тѣ немногія минуты, въ которыя я встрѣчался съ нимъ въ Петербургѣ, были для меня отрадою и отдыхомъ.“

Чѣмъ отплачивалъ Гоголь своему восторженному поклоннику?

Слѣдуетъ прямо сказать—однимъ лукавствомъ. Гоголь былъ чрезвычайно неискрененъ въ своихъ отношеніяхъ къ тому, кто такъ безконечно много сдѣлалъ для его возвеличенія.

Отчасти Гоголь относился къ Бѣлинскому какъ къ чудаку. Онъ даже чувствовалъ себя нѣсколько неловко въ обществѣ этого энтузіаста, всѣмъ своимъ существомъ ему столь чуждаго, ему—великому скептику и насмѣшнику.

А самое главное — Гоголь боялся открыто съ нимъ дружить, водилъ съ нимъ знакомство контрабандой, тайкомъ отъ Шевырева, котораго Бѣлинскій нещадно выпучивалъ. Позднѣе знакомство шло тайкомъ и отъ Аксаковыхъ—когда Бѣлинскій разошелся съ Константиномъ и тоже нещадно сталъ съ нимъ полемизировать.

Бѣлинскій къ серединѣ 40-хъ годовъ уже нѣсколько разобрался въ Гоголѣ-человѣкѣ и понялъ, какъ они далеки другъ отъ друга. Сталъ онъ также побаиваться, какъ-бы элементы мистицизма, сказавшіеся въ концѣ первой части „Мертвыхъ Душъ“ не получили печальнаго развитія въ тѣсномъ содружествѣ Гоголя съ московскимъ славянофильствомъ и Шевыревымъ.

Но все это были страхи, нашедшіе себѣ отраженіе только въ перепискѣ Бѣлинскаго и разговорахъ съ друзьями. Литературно Гоголь и Бѣлинскій вплоть до 1847 г. шли по одной и той-же дорогѣ, пріучая читателя къ острому анализу окружающей дѣйствительности. Прекрасенъ и плодотворенъ былъ для русской литературы духовный симбіозъ этихъ двухъ самыхъ великихъ людей эпохи, раздѣлившихъ между собою власть надъ современниками: одинъ въ области теоріи искусства, другой въ области практическаго воплощенія новыхъ литературныхъ идей.

III.

Первыя нападки Бѣлинскаго на „Переписку“ Гоголя.

Но вотъ Гоголь совершаетъ роковую ошибку: изъ художника становится проповѣдникомъ.

И не въ этомъ еще была бѣда. Всего хуже было то, что, какъ я уже объ этомъ говорилъ выше, (стр. 89—92) удивительно некстати раздалась проповѣдь Гоголя.

Въ воздухѣ чувствовалось что-то весеннее, всѣ такъ или иначе, въ большей или меньшей степени, опредѣленно или неопредѣленно, но все-же жаждали какого-то обновленія, какого-то движенія впередъ. Даже Николаевскій режимъ какъ будто дрогнулъ, были сдѣланы какіе-то шаги къ подготовленію освобожденія крестьянъ.

Образовалась странная entente cordiale между императоромъ Николаемъ и Бѣлинскимъ, который въ интимныхъ письмахъ къ друзьямъ прославлялъ добрыя намѣренія Государя.

И вотъ въ этотъ-то короткій мигъ просвѣтлѣнія изъ устъ любимѣйшаго писателя раздается столь рѣшительный окрикъ: „осади назадъ“.

Конфликтъ былъ неизбѣженъ.

И кто какъ не Бѣлинскій, который весь теперь былъ во власти общественности, долженъ былъ поднятъ столь неосторожно брошенную перчатку? Уже неся въ груди своей смерть онъ все еще не переставалъ быть „неистовымъ Виссаріономъ“, все еще съ прежнею страстью отдавался всѣмъ своимъ переживаніямъ.

И „Переписка“ привела его прямо въ изступленіе, которое все усиливалось и усиливалось и наконецъ получило столь яркое литературное выраженіе въ знаменитомъ Зальцбруннскомъ письмѣ. Бѣлинскій, какъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Боткину, „залаялъ собакой, завылъ шакаломъ, зажмурилъ глаза“ и отдался негодованію и „бѣшенству“.

Первымъ выстрѣломъ была маленькая рецензія на 2-ое изд. „Мертвыхъ Душъ“, снабженное, какъ извѣстно, предисловіемъ. Оно внушало критику „живыя опасенія за авторскую славу въ будущемъ (въ прошломъ она непоколебимо прочна) творца „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ; она грозитъ русской литературѣ новою великою потерею прежде времени“.

Уже въ первомъ изданіи, въ самомъ текстѣ великой „поэмы“ были мѣста,

„гдѣ изъ поэта, изъ художника силится авторъ стать какимъ-то прорицателемъ, впадаетъ въ нѣсколько надутый и напыщенный лиризмъ“.

Предисловіе ко второму изданію показало, что

«къ несчастію, мистико-лирическія выходки въ „Мертвыхъ Душахъ“ были не простыми случайными ошибками со стороны ихъ автора, но зерномъ, можетъ быть, совершенной утраты его таланта для русской литературы... Все болѣе и болѣе забывая свое значеніе художника, принимаетъ онъ тонъ глашатая какихъ-то великихъ истинъ, которыя въ сущности отзываются ни чѣмъ инымъ, какъ парадоксами человѣка, сбившагося съ своего настоящаго пути ложными теоріями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта“.

Какъ ни враждебенъ тутъ тонъ Бѣлинскаго, онъ все-же несравненно мягче того прямого глумленія, которымъ полонъ появившійся въ слѣдующемъ, 2-мъ № „Современника“ за 1847 г. большой отзывъ о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“.

Бѣлинскаго за это глумленіе винить трудно. Мы сейчасъ узнаемъ изъ письма Бѣлинскаго къ Боткину, какъ безжалостно была изуродована статья. Спорить по существу не было никакой возможности. По поводу тѣхъ мѣстъ, ко-

торыя особенно возмутили Бѣлинскаго, приходилось довольствоваться такими вялыми отписками:

„Хорошъ и этотъ совѣтъ: „Мужика не бей: съѣздить его въ рожу еще не большое искусство: это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста, мужикъ къ этому уже привыкъ, и только что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ". Затѣмъ авторъ учитъ помѣщика ругаться съ мужиками... Что это такое? Гдѣ мы? Ужъ не перенеслись-ли мы въ давно-прошедшія времена?..."

Только въ насмѣшкахъ Бѣлинскій и имѣлъ кое-какой просторъ. Это и дало окраску статьѣ и сообщило ей характеръ какого-то сплошного издѣвательства. А заканчивалась статья такъ:

„Горе человѣку, котораго сама природа создала художникомъ, горе ему, если, недовольный своею дорогою, онъ ринется въ чуждый ему путь! На этомъ новомъ пути ожидаетъ его неминуемое паденіе, послѣ котораго не всегда бываетъ возможно возвращеніе на прежнюю дорогу... При этомъ мы, почему-то, вспомнили эти стихи Крылова:

Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ,
А сапоги тачать пирожникъ".

И только въ самыхъ послѣднихъ строкахъ статьи былъ данъ нѣкоторый намекъ на то, что не такъ-бы была статья написана, если-бы, да кабы:

„Приходили намъ въ голову и другіе выводы изъ книги „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями", но... статья наша и такъ вышла черезчуръ длинна..."

Такъ, такъ! Бѣлинскій, для котораго всякая статья была листкомъ изъ дневника, который въ состояніи былъ по поводу всякой дрянной книжонки написать по печатному листу и высказывать самыя дорогія ему мысли, вдругъ не захотѣлъ писать черезъ чуръ длинно по вопросу, волновавшему его до физическаго изнеможенія! Очень, очень похоже на правду.

Статья Бѣлинскаго не удовлетворила ни его самого, ни его друзей. Самый близкій изъ нихъ, Василій Боткинъ, въ утерянномъ письмѣ, видимо, писалъ ему, что ждалъ чего-нибудь болѣе тонкаго. Бѣлинскій не обидѣлся и только

изложилъ скорбную повѣсть о томъ, при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, и внѣшнихъ, и внутреннихъ, писалась статья. У него была прямо-физіологическая потребность „выть“ и „лаять“, а приходилось острить и иронизировать. А затѣмъ, что сдѣлала съ нимъ цензура?

„О статьѣ моей о Гоголѣ мнѣ не хотѣлось бы писать къ тебѣ, ибо я положилъ себѣ за правило—никогда и ни съ кѣмъ не спорить о моихъ статьяхъ, защищая ихъ. Но на этотъ разъ нарушаю мое правило, потому что ты боленъ и что въ твоемъ положеніи письмо пріятеля тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше въ немъ разныхъ вздоровъ... Видишь-ли въ чемъ дѣло: ты рѣшительно не понимаешь меня, хотя и знаешь меня довольно. Я не юмористъ, не острякъ; иронія и юморъ—не мои оружія. Если мнѣ удалось въ жизнь мою написать статей пятокъ, въ которыхъ иронія играетъ видную роль и съ большимъ или меньшимъ умѣніемъ выдержана,—это произошло совсѣмъ не отъ спокойствія, а отъ крайней степени бѣшенства, породившаго, своею сосредоточенностью, другую крайность—спокойствіе. Когда я писалъ „типъ“ на Шевырева и статью о „Тарантасѣ“, я былъ не красенъ, а блѣденъ, и у меня сохло во рту, отъ чего на губахъ и не было пѣны. Я могу писать порядочно только на основаніи моей натуры, моихъ естественныхъ средствъ. Выходя изъ нихъ по разсчету или по необходимости,—я дѣлаюсь ни то, ни сё, ни ракъ, ни рыба. Теперь слушай: кромѣ того, что я боленъ и что мнѣ опротивѣла и литература и критика, такъ что не только писать, читать ничего не хотѣлось бы,—я еще принужденъ дѣйствовать внѣ моей натуры, моего характера. Природа осудила меня лаять собакою и выть шакаломъ, а обстоятельства велятъ мнѣ мурлыкать кошкою, вертѣть хвостомъ по-лисьи. Ты говоришь, что статья „написана безъ довольной обдуманности и нѣсколько съ плеча, тогда (какъ) за дѣло надо было взяться съ тонкостью“. Другъ ты мой, потому то, напротивъ, моя статья и не могла никакъ своею замѣчательностью соотвѣтствовать важности (хотя и отрицательной) книги, на которую писана, что я ее обдумалъ. Какъ ты мало меня знаешь! Всѣ лучшія мои статьи нисколько не обдуманы. Это импровизаціи; садясь за нихъ, я не зналъ, что я буду

писать. Если первая строка хватитъ издалека—статья болтлива, о дѣлѣ мало сказано; если первая строка ближе къ дѣлу,—статья хороша. И чѣмъ больше я ее запущу, чѣмъ меньше мнѣ времени писать ее, тѣмъ она энергичнѣе и горячѣе. Вотъ какъ я пишу!... Статья о гнусной книгѣ Гоголя могла бы выдти замѣчательно хорошею, если бы я въ ней могъ, зажмуривъ глаза, отдаться моему негодованію и бѣшенству. Мнѣ очень нравится статья Губера (читалъ-ли ты ее)? Именно потому, что она писана прямо, безъ лисьихъ верченій хвостомъ. Мнѣ кажется, что она—моя, украдена у меня и только немножко ослаблена. Но мою статью я обдумалъ, и потому впередъ зналъ, что отличною она не будетъ, и бился изъ того только, чтобы она была дѣльна и показала гнусность подлеца. И она такою и вышла у меня, а не такою, какою ты прочелъ ее. Вы живете въ деревнѣ и ничего не знаете. Эффектъ этой книги былъ таковъ, что Никитенко, ее пропустившій, вычеркнулъ у меня часть выписокъ изъ книги, да еще дрожалъ и за то что оставилъ въ моей статьѣ. Моего онъ и цензора вычеркнули цѣлую треть, а въ статьѣ обдуманной помарка слова—важное дѣло. Ты упрекаешь меня, что я разсердился и не совладѣлъ съ моимъ гнѣвомъ? Да (*я*) этого и не хотѣлъ. Терпимость къ заблужденію я еще понимаю и цѣню, по крайней мѣрѣ въ другихъ, если не въ себѣ, но терпимости къ подлости я не терплю. Ты рѣшительно не понялъ этой книги, если видишь въ ней *только* заблужденіе, а вмѣстѣ съ нимъ не видишь артистически-разсчитанной подлости. Гоголь—совсѣмъ не К. С. Аксаковъ. Это—Талейранъ, кардиналъ Фешъ, который всю жизнь обманывалъ Бога, а при смерти надулъ сатану... И отзывъ Анненкова о книгѣ Гоголя тоже не отзывается терпимостью. Повторяю тебѣ: умѣю вчужѣ понимать и цѣнить терпимость, но останусь гордо и убѣжденно нетерпимымъ. И если сдѣлаюсь терпимымъ,—знай, что съ той минуты... во мнѣ умерло то прекрасное человѣческое, за которое столько хорошихъ людей (а въ числѣ ихъ и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоилъ того". (*Пыпинъ*, Бѣлинскій, изд. 2-ое, стр. 519—21).

IV.

Первое письмо Гоголя къ Бѣлинскому.

Велико было впечатлѣніе, которое произвела на Гоголя рецензія Бѣлинскаго. Онъ настолько былъ встревоженъ нападками самаго восторженнаго, а главное—самаго вліятельнаго изъ своихъ поклонниковъ, что рѣшилъ даже написать ему письмо по этому поводу. Покойный Кирпичниковъ *), отлично изучившій Гоголя для составленной имъ цѣнной канвы Гоголевской біографіи, такъ освѣщаетъ исторію этого письма:

„Два первые №№ „Современника" Гоголь получилъ 23 апрѣля еще въ Неаполѣ **), гдѣ онъ проживалъ „подъ крылышкомъ" Софьи Петровны Апраксиной, безъ всякаго сомнѣнія, прежде всего прочелъ статьи Бѣлинскаго и былъ глубоко огорченъ ими. Онъ могъ оставить безъ возраженія статьи Н. Ф. Павлова и всякихъ другихъ „наѣздниковъ", но Бѣлинскій—слишкомъ крупная величина; къ его голосу прислушивается почти вся интеллигентная молодежь, вся будущая Россія. У Гоголя является страстное желаніе отвѣтить ему, оправдать хоть отчасти свою книгу въ его глазахъ.

Но какимъ способомъ онъ можетъ отвѣтить? Печатно,

---

*) Въ интересной статьѣ „Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій лѣтомъ 1847 года" (Сборникъ въ честь Н. Н. Стороженки „Подъ знаменемъ науки").

**) „Рус. Ст." 1884, № 1, стр. 171.

въ какомъ-нибудь журналѣ? Это неудобно по многимъ причинамъ: у Гоголя и нѣтъ своего органа, и полемика противорѣчила бы всему тону его книги, и неприлично выдѣлять Бѣлинскаго изъ среды другихъ рецензентовъ-хулителей, и Бѣлинскій слишкомъ опытный и искусный боецъ, который сумѣетъ сдѣлать своего противника смѣшнымъ.

Написать прямо Бѣлинскому письмо? Но негодующій Бѣлинскій можетъ его презрительно бросить подъ столъ, и Гоголь никогда не узнаетъ даже о томъ, было ли его письмо получено и прочитано. Гоголь раскинулъ своимъ тонкимъ умомъ и придумалъ очень хитрый способъ. Въ Петербургѣ живетъ и состоитъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Бѣлинскимъ школьный товарищъ и старый другъ Гоголя Прокоповичъ, который такъ честно и усердно, хотя, можетъ быть, и не во всемъ искусно, поработалъ на пользу Гоголя надъ первымъ изданіемъ собранія его сочиненій, за что вынесъ отъ Гоголя массу упрековъ, былъ имъ отданъ въ подчиненіе Шевыреву и вообще несправедливо разобиженъ, какъ это признавали даже наиболѣе горячіе поклонники Гоголя, напр., Плетневъ.

$3^1/_2$ года назадъ между Гоголемъ и Прокоповичемъ прекратились сношенія. Черезъ 5 дней по полученіи „Современника“ Гоголь вдругъ вспомнилъ о Прокоповичѣ и написалъ ему короткое, но дружеское письмо“.

Я сейчасъ приведу это письмо, впервые изданное профессоромъ Е. В. Пѣтуховымъ („Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу“. 1832—1850. Кіевъ. 1895). Оно собственно не даетъ прямого основанія для категорическаго утвержденія Кирпичникова, что письмо имѣло своею *единственною* цѣлью завязать въ приличной формѣ переписку съ Бѣлинскимъ. Вотъ о чемъ говорится въ письмѣ непосредственно:

„Неаполь. Апрѣля 28.

„Давно уже я не писалъ къ тебѣ. Ты также давно не писалъ ко мнѣ. Если ты думаешь (особенно послѣ прочтенія моей книги), что я перемѣнился или сталъ не тотъ, что былъ прежде, то я скажу тебѣ, что я все тотъ же и почти то же самое люблю, что и любилъ въ юности моей, хотя и не

открывалъ никому многихъ сокровенныхъ чувствъ: разница вся въ томъ, что теперь многое во мнѣ стало проще (по книгѣ не суди), и что я больше, чѣмъ когда либо, люблю старинныя мои связи и прежнихъ друзей моихъ, особенно тѣхъ, съ которыми отъ незабвеннаго Нѣжина началась моя дружба. А потому, напиши мнѣ хоть нѣсколько словечекъ о себѣ: что ты теперь дѣлаешь? Что приходитъ тебѣ на мысль? Какъ тебѣ живется и какъ все, что составляетъ домашній кругъ твой, и все, что вокругъ тебя? Этимъ ты меня очень порадуешь, если тебѣ пріятно меня порадовать. Письма адресуй на имя Жуковскаго во Франкфуртъ. Отъ Данилевскаго я получилъ письмо, который тоже о тебѣ спрашиваетъ. Онъ тоже о тебѣ не знаетъ ничего. Увѣдоми меня также о всѣхъ изустныхъ толкахъ, какіе тебѣ случается слышать о моей книгѣ. Я бы очень желалъ знать, что говорятъ о ней разные чиновники средней руки, всѣхъ сортовъ учителя, равно какъ люди намъ обоимъ знакомые. Прощай! Болѣе не распространяюсь, потому что пишу наугадъ, не зная, по прежнему ли ты живешь на 9 линіи, и придетъ ли къ тебѣ въ руки письмо мое.

Не поскупись и пиши побольше. Обнимаю тебя.

Твой Г.".

Бѣлинскій здѣсь ни разу не названъ, и потому нельзя говорить такъ рѣшительно, какъ это дѣлаетъ Кирпичниковъ. Но что внезапное желаніе возобновить сношенія съ забытымъ пріятелемъ создалось подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ чтенія рецензій въ „Современникѣ"—сомнѣваться едва-ли можно. Ясно, что Гоголь увидѣлъ, что неудача принимаетъ очень уже большіе размѣры и надо ее чѣмъ-нибудь парализовать. Но думается мнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что тѣ чиновники „средней руки", о настроеніи которыхъ Гоголь хотѣлъ быть освѣдомленнымъ, не были тутъ ширмой, за которою скрывалась главная, по мнѣнію Кирпичникова, цѣль письма. Психологически вполнѣ правдоподобна и такая догадка: убѣдившись, что литературные круги всѣхъ направленій безусловно противъ него, Гоголь

могъ мечтать о томъ, чтобы хоть гдѣ-нибудь создать себѣ опору. Можетъ быть, хоть „средніе“ люди его не такъ ругательски ругаютъ.

Но, какъ-бы то ни было, сношенія съ Прокоповичемъ, при посредствѣ котораго Гоголь въ слѣдующемъ письмѣ уже прямо вступаетъ въ переписку съ Бѣлинскимъ, были возобновлены.

Прокоповичъ отнесся къ письму стараго пріятеля съ большимъ достоинствомъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ далъ понять, что не очень-то вѣритъ въ столь внезапно-пробудившійся интересъ Гоголя къ его, Прокоповича, житью-бытью, но вмѣстѣ съ тѣмъ исполнилъ просьбу друга и сообщилъ ему о толкахъ, вызванныхъ „Перепискою“ въ разныхъ кругахъ общества.

Гоголь получилъ отвѣтное письмо Прокоповича въ началѣ іюня 1847 г., когда пріѣхалъ во Франкфуртъ, и немедленно, 8/20 іюня, пишетъ второе письмо. На этотъ разъ побудительная причина такой необычной для Гоголя быстроты—онъ былъ одинаково медлителенъ и въ творчествѣ и въ корреспонденціи—уже совершенно ясна. Весьма вяло надававъ Прокоповичу совѣтовъ заняться литературою, „попробовать пера“, весьма бѣгло, въ нѣсколькихъ строкахъ, объяснивъ затѣмъ, почему онъ „такъ жаденъ слышать толки“ о своей книгѣ, Гоголь переходитъ in medias res—къ Бѣлинскому. При этомъ онъ хочетъ сдѣлать видъ, что совершенно спокоенъ и что совсѣмъ не сердится на Бѣлинскаго. Но старанія удаются весьма плохо, и достаточно одного интереса Гоголя къ „расположенію духа“ Бѣлинскаго, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ онъ былъ взволнованъ и встревоженъ. Обычно Гоголь не только не прилаживался къ чьему-нибудь „расположенію духа“, но даже самыхъ близкихъ людей оскорблялъ своимъ невниманіемъ и важничаніемъ.

„Кстати о толкахъ“, какъ-бы мимоходомъ начинаетъ Гоголь разговоръ о томъ, что его такъ волнуетъ. „Я прочелъ *на дняхъ* (sic) критику во 2-мъ № „Современника“ Бѣлинскаго. Онъ, кажется, принялъ всю книгу написанною на его собственный счетъ и прочиталъ въ ней формальное нападеніе на всѣхъ не раздѣляющихъ его мысли.

Это не правда; въ книгѣ моей, какъ видишь, есть нападеніе на всѣхъ и на все, что переходитъ въ крайность. Вѣроятно, онъ принялъ на свой счетъ козла, который былъ обращенъ къ журналисту вообще *). Мнѣ было очень прискорбно это раздраженіе не по причинѣ жестокости словъ, которыхъ, будто бы, я не умѣю перенесть,—ты знаешь, что я могу выслушать самыя жестокія слова,—но потому, что, какъ бы то ни было, человѣкъ этотъ говорилъ обо мнѣ съ участіемъ въ продолженіе десяти лѣтъ; человѣкъ этотъ, несмотря на излишества и увлеченія, указалъ справедливо однакожъ на многія такія черты въ моихъ сочиненіяхъ, которыхъ не замѣтили другіе, считавшіе себя на высшей точкѣ разумѣнія передъ нимъ. И я заплатилъ бы этому человѣку неблагодарностью, когда я умѣю отдавать справедливость даже тѣмъ, которые выставляютъ на видъ и отыскиваютъ во мнѣ одни недостатки. Напротивъ, я въ этомъ случаѣ только обманулся: я считалъ Бѣлинскаго возвышеннѣе, менѣе способнымъ къ такому близорукому взгляду и мелкимъ заключеніямъ... Пожалуйста, переговори съ Бѣлинскимъ и напиши мнѣ, въ какомъ онъ находится расположеніи духа относительно меня. Если въ немъ кипитъ желчь, пусть онъ ее выльетъ противъ меня въ „Современникѣ“ въ какихъ ему заблагоразсудится выраженіяхъ, но пусть не хранитъ ея противъ меня въ сердцѣ своемъ. Если же въ немъ угомонилось неудовольствіе, то дай ему при семъ прилагаемое письмецо, которое можешь прочесть и самъ“.

Сколько тутъ близорукости и полнаго непониманія того впечатлѣнія, которое „Переписка“ должна была произвести

---

*) Гоголь тутъ говоритъ о слѣдующемъ мѣстѣ въ „Перепискѣ“, гдѣ рѣчь идетъ о переводѣ „Одиссеи“:

„Какъ очаровываться, такъ и разочаровываться устали и перестали. Даже эти судорожныя, больныя произведенія вѣка, съ примѣсью всякихъ непереварившихся идей, нанесенныхъ политическими и прочими броженіями, стали значительно упадать; только одни задніе чтецы, привыкшіе держаться за хвосты журнальныхъ вождей, еще кое что перечитываютъ, не замѣчая въ простодушіи, что *козлы*, ихъ предводившіе, давно уже остановились въ раздумьѣ, не зная сами, куда повести заблудшія стада свои“.

на людей такого склада, какъ Бѣлинскій! Къ тому-же и фактическаго основанія не было для личнаго раздраженія. Какъ могъ Бѣлинскій принять мѣсто о „козлѣ“ на свой счетъ? Развѣ онъ, неистовый и всегда бившій въ одну и ту же точку, „остановился въ раздумьѣ“?

И Прокоповичъ достодолжнымъ образомъ отпарировалъ нелѣпое объясненіе Гоголя въ письмѣ отъ 27 іюня, которымъ сообщилъ ему, куда направлено „письмецо“ къ Бѣлинскому:

„Я нѣсколько виноватъ передъ тобою, что не извѣстилъ тебя въ прошломъ письмѣ объ отъѣздѣ Бѣлинскаго за границу; тогда письмо твое къ нему не прогулялось-бы понапрасну сюда. Но, все равно, оно отправилось по первой же почтѣ къ нему въ Силезію, въ Зальцбруннъ, откуда ты, вѣроятно, и получишь отъ него отвѣтъ.

Эта поѣздка была необходима для Бѣлинскаго; только отъ нея одной зависитъ спасеніе жизни его, бывшей, въ продолженіе послѣдней зимы, не одинъ разъ на волоскѣ и сохранившейся въ противность всѣхъ правилъ и приговоровъ медицины.

Пользуясь твоимъ позволеніемъ, я прочиталъ письмо твое къ нему. Мнѣ кажется, ты очень ошибаешься, воображая, что статью свою Б. (Бѣлинскій) написалъ, принявъ на свой счетъ нѣкоторыя выходки твои вообще противъ журналистовъ. Зная Бѣлинскаго давно, я не могу не быть увѣреннымъ, что ни одна строчка его не назначалась мщенію за личное оскорбленіе. Почему не судить проще, и не принимать всего сказаннаго имъ встрѣчѣ совершенно противоположныхъ другъ другу убѣжденій, искреннихъ въ немъ, и, конечно, непритворныхъ въ твоей книгѣ? Бѣлинскій не говорилъ хладнокровно о прежнихъ твоихъ сочиненіяхъ: могъ-ли онъ говоритъ хладнокровно и о послѣднихъ? Впрочемъ, онъ самъ, вѣроятно, въ отвѣтѣ своемъ выскажетъ тебѣ всѣ свои побужденія“ [1]).

Пересланное Прокоповичемъ „письмецо“ не датировано, но, приблизительно, относится къ тому-же 8/20 іюня 1847 г., когда писано письмо къ Прокоповичу:

---

[1]) Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу. Кіевъ. 1895, стр. 55.

„Я прочелъ съ прискорбіемъ статью вашу обо мнѣ въ „Современникѣ“,—не потому, чтобы мнѣ прискорбно было униженіе, въ которое вы хотѣли меня поставить въ виду всѣхъ, но потому, что въ немъ слышенъ голосъ человѣка, на меня разсердившагося. А мнѣ не хотѣлось бы разсердить человѣка, даже не любящаго меня, тѣмъ болѣе васъ, который—думалъ я—любилъ меня. Я вовсе не имѣлъ въ виду огорчить васъ ни въ какомъ мѣстѣ моей книги. Какъ же вышло, что на меня разсердились всѣ до единаго въ Россіи? Этого, покуда, я еще не могу понять. Восточные, западные, нейтральные—всѣ огорчились. Это правда, я имѣлъ въ виду небольшой щелчекъ каждому изъ нихъ, считая это нужнымъ, испытавшій надобность его на собственной кожѣ [всѣмъ намъ нужно побольше смиренія]; но я не думалъ, чтобы щелчекъ мой вышелъ такъ грубо неловокъ и такъ оскорбителенъ. Я думалъ, что мнѣ великодушно простятъ все это и что въ книгѣ моей зародышъ примиренія всеобщаго, а не раздора. Вы взглянули на мою книгу глазами человѣка разсерженнаго, а потому почти все приняли въ другомъ видѣ. Оставьте всѣ тѣ мѣста, которыя, покамѣстъ, еще загадка для многихъ, если не для всѣхъ, и обратите вниманіе на тѣ мѣста, которыя доступны всякому здравому и разсудительному человѣку, и вы увидите, что вы ошиблись во многомъ.

Я не даромъ молилъ всѣхъ прочесть мою книгу нѣсколько разъ, предугадывая впредь всѣ недоразумѣнія. Повѣрьте, что не легко судить о книгѣ, гдѣ замѣшалась собственная душевная исторія автора, скрытно и долго жившаго въ самомъ себѣ и страдавшаго неумѣньемъ выразиться. Не легко также было и рѣшиться на подвигъ выставить себя на всеобщій позоръ и посмѣяніе, выставивши часть той внутренней своей исторіи, настоящій смыслъ которой не скоро почувствуется. Уже одинъ такой подвигъ долженъ былъ бы заставить мыслящаго человѣка задуматься и, не торопясь подачею своего голоса о ней, прочесть ее въ различные часы душевнаго расположенія, болѣе спокойнаго и болѣе настроеннаго къ собственной исповѣди, потому что только въ такія минуты душа способна понимать душу, а въ книгѣ моей—дѣло души. Вы бы не сдѣлали тогда тѣхъ оплошныхъ

выводовъ, которыми наполнена ваша статья. Какъ можно, напримѣръ, изъ того, что я сказалъ, что въ критикахъ, говорившихъ о недостаткахъ моихъ, есть много справедливаго, вывести заключеніе, что критики, говорившіе о достоинствахъ моихъ, несправедливы? Такая логика можетъ присутствовать только въ головѣ разсерженнаго человѣка, ищущаго только того, что способно раздражать его, а не оглядывающаго предметъ спокойно со всѣхъ сторонъ. Я долго носилъ въ головѣ, какъ заговорить о критикахъ, которые говорили о достоинствахъ моихъ и которые, по поводу моихъ сочиненій, распространили много прекрасныхъ мыслей объ искусствѣ; я безпристрастно хотѣлъ опредѣлить достоинство каждаго и оттѣнки эстетическаго чутья, которымъ болѣе или менѣе одаренъ былъ каждый, я выжидалъ только времени, когда мнѣ можно будетъ сказать объ этомъ, чтобы не говорили потомъ, что я руководствовался какой нибудь своекорыстной цѣлью, а не чувствомъ безпристрастія и справедливости. Пишите критики самыя жестокія, прибирайте всѣ слова, какія знаете, на то, чтобъ унизить человѣка, способствуйте (къ осмѣянію) меня въ глазахъ вашихъ читателей, не пожалѣвъ самыхъ чувствительныхъ струнъ, можетъ быть, нѣжнѣйшаго сердца,—все это вынесетъ душа моя, хотя и не безъ боли, и не безъ скорбныхъ потрясеній; но мнѣ тяжело, очень тяжело—говорю вамъ это искренно—когда противъ меня питаетъ личное озлобленіе даже и злой человѣкъ, а васъ я считалъ за добраго человѣка. Вотъ вамъ искреннее изліяніе моихъ чувствъ“ (*Шенрокъ*, Переписка, т. III, 491—493).

V.

Какъ писалось зальцбруннское письмо.

Въ драгоцѣнныхъ для исторіи людей 40-хъ годовъ воспоминаніяхъ Анненкова сохранился обстоятельный разсказъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело на Бѣлинскаго неапольское письмо Гоголя. Добрый и симпатичный Анненковъ исполнялъ тогда роль няньки при лѣчившемся въ Силезскомъ курортѣ Зальцбруннѣ Бѣлинскомъ, и при немъ получилось пересланное Прокоповичемъ письмо Гоголя.

Въ разсказѣ есть кое-какія неточности, которыя указаны въ нижеслѣдующемъ примѣчаніи, но несомнѣнно, что общее передано высоко-правдивымъ Анненковымъ вѣрно.

„Приближалось время окончанія лечебнаго курса и нашего отъѣзда изъ Зальцбрунна. Бѣлинскій чувствовалъ себя гораздо лучше, кашель уменьшился, ночи сдѣлались покойнѣе—онъ уже поговаривалъ о скукѣ житья въ захолустьи. Почти наканунѣ нашего выѣзда изъ Зальцбрунна въ Парижъ я получилъ неожиданно письмо отъ Н. В. Гоголя, извѣщавшаго, что изданная имъ „Переписка съ друзьями“ надѣлала ему много непріятностей, что онъ не ожидаетъ отъ меня благопріятнаго отзыва о его книгѣ, но всетаки желалъ бы знать настоящее мое мнѣніе о ней, какъ отъ человѣка, кажется, не страдающаго заносчивостью и самообожаніемъ. Это было первое письмо послѣ короткой встрѣчи нашей въ Парижѣ и Бамбергѣ. Оно довольно ясно обнаруживало въ Гоголѣ желаніе, если не

утѣшенія и поддержки, то по крайней мѣрѣ тихой бесѣды. Въ концѣ письма Гоголь неожиданно вспоминалъ о Бѣлинскомъ и кстати посылалъ ему дружескій поклонъ, вмѣстѣ съ письмомъ прямо на его имя, въ которомъ упрекалъ его за сердитый разборъ „Переписки“ въ № 2 „Современника“ [1]). Это и вызвало знаменитое письмо Бѣлинскаго о его послѣднемъ направленіи, какого Гоголь еще не выслушивалъ доселѣ, не смотря на множество перьевъ, занимавшихся разоблаченіемъ недостатковъ „Переписки“, попреками, бранью на ея автора. Когда я сталъ читать вслухъ письмо Гоголя, Бѣлинскій слушалъ его совершенно безучастно и разсѣянно, но, пробѣжавъ строки Гоголя къ нему самому, Бѣлинскій вспыхнулъ и промолвилъ: „А! Онъ не понимаетъ, за что люди на него сердятся—надо растолковать ему это—я буду ему отвѣчать“.

Онъ понялъ вызовъ Гоголя.

Въ тотъ же день небольшая комната, рядомъ съ спальней Бѣлинскаго, которая снабжена была диванчикомъ по одной стѣнѣ и круглымъ столомъ передъ нимъ, на которомъ мы свершали наши, довольно скучныя, послѣ-обѣденныя упражненія въ пикетъ—превратилась въ письменный кабинетъ. На кругломъ столѣ явилась чернильница, бумага, и Бѣлинскій принялся за письмо къ Гоголю, какъ за работу, и съ тѣмъ же пыломъ, съ какимъ производилъ свои срочныя журнальныя статьи въ Петербургѣ. То была именно статья, но писанная подъ другимъ небомъ...

Три дня сряду Бѣлинскій уже не поднимался, возвращаясь съ водъ домой, въ мезонинъ моей комнаты, а приходилъ прямо въ свой импровизированный кабинетъ. Все это время онъ былъ молчаливъ и сосредоточенъ. Каждое

---

[1]) Тутъ память нѣсколько измѣнила Анненкову. Гоголь написалъ Анненкову не до, а *послѣ* полученія отъ Бѣлинскаго зальцбруннскаго письма. Это письмо датировано 12 Августа 1847, а зальцбруннское письмо Бѣлинскаго имѣетъ дату 15 Іюля 1847. Да и самое письмо Гоголя къ Анненкову прямо съ того и начинается, что: „я получилъ письмо отъ Бѣлинскаго, которое меня огорчило не столько оскорбительными словами, устремленными лично на меня, сколько чувствомъ ожесточенья вообще“ („П. В. Анненковъ и его друзья“, стр. 500 и переписка, изд., *Шенрокомъ* т. IV, стр. 44). Неапольское письмо Гоголя къ Бѣлинскому, какъ уже сказано въ предыдущей главѣ, было доставлено Прокоповичемъ.

утро, послѣ обязательной чашки кофе, ждавшей его въ кабинетѣ, онъ надѣвалъ лѣтній сюртукъ, садился на диванчикъ и наклонялся къ столу. Занятія длились до часового нашего обѣда, послѣ котораго онъ не работалъ. Не покажется удивительнымъ, что онъ употребилъ три утра на составленіе письма къ Гоголю, если прибавить, что онъ часто отрывался отъ работы, сильно взволнованный ею, и отдыхалъ отъ нея, опрокинувшись на спинку дивана. Притомъ же и самый процессъ составленія былъ довольно сложный. Бѣлинскій набросалъ сперва письмо карандашемъ на разныхъ клочкахъ бумаги, затѣмъ переписалъ его четко и аккуратно на-бѣло, и потомъ снялъ еще съ готоваго текста копію для себя. Видно, что онъ придавалъ большую важность дѣлу, которымъ занимался, и какъ-будто понималъ, что составляетъ документъ, выходящій изъ рамки частной, интимной корреспонденціи. Когда работа была кончена, онъ посадилъ меня передъ круглымъ столомъ своимъ и прочелъ свое произведеніе.

Я испугался и тона, и содержанія этого отвѣта, и, конечно—не за Бѣлинскаго, потому что особенныхъ послѣдствій заграничной переписки между знакомыми тогда еще нельзя было предвидѣть: я испугался за Гоголя, который долженъ былъ получить отвѣтъ, и живо представилъ себѣ его положеніе въ минуту, когда онъ станетъ читать это страшное бичеваніе. Въ письмѣ заключалось не одно только опроверженіе его мнѣній и взглядовъ: письмо обнаруживало пустоту и безобразіе всѣхъ идеаловъ Гоголя, всѣхъ его понятій о добрѣ и чести, всѣхъ нравственныхъ основъ его существованія—вмѣстѣ съ дикимъ положеніемъ той среды, защитникомъ которой онъ выступилъ. Я хотѣлъ объяснить Бѣлинскому весь объемъ его страстной рѣчи, но онъ зналъ это лучше меня, какъ оказалось: „А что же дѣлать?—сказалъ онъ.—Надо всѣми мѣрами спасать людей отъ бѣшенаго человѣка, хотя бы взбѣсившійся былъ самъ Гомеръ. Что же касается до оскорбленія Гоголя, я никогда не могу такъ оскорбить его, какъ онъ оскорблялъ меня въ душѣ моей и въ моей вѣрѣ въ него“.

Письмо было послано, и затѣмъ уже ничего не оставалось дѣлать въ Зальцбруннѣ. Мы выѣхали въ Дрезденъ, по направленію къ Парижу.

Здѣсь, забѣгая впередъ, скажу, что, по прибытіи въ Парижъ, Герценъ, уже поджидавшій насъ, явился въ отель Мишо́, гдѣ мы остановились, и Бѣлинскій тотчасъ же разсказалъ ему о вызовѣ, полученномъ имъ отъ Гоголя, и объ отвѣтѣ, который онъ ему послалъ. Затѣмъ онъ прочелъ ему черновое своего письма. Во время чтенія уже знакомаго мнѣ письма я былъ въ сосѣдней комнатѣ, куда, улучивъ минуту, Герценъ шмыгнулъ, чтобы сказать мнѣ на ухо: „Это—геніальная вещь, да это, кажется, и завѣщаніе его“ (*Анненковъ*, Воспоминанія и крит. очерки, т. III, стр. 211—213)

VI.

Текстъ Зальцбруннскаго письма.

Изъ сейчасъ приведеннаго разсказа Анненкова мы совершенно опредѣленно знаемъ, что Бѣлинскій не сдѣлалъ тайны изъ своего отвѣта Гоголю. Вѣроятно, первый разъ въ жизни онъ самъ снялъ копію со своего писанія. Обыкновенно вѣдь статьи писались въ послѣднюю минуту, когда разсыльный изъ типографіи сидѣлъ въ кухнѣ и ждалъ „оригиналъ“.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что въ свою очередь и друзья Бѣлинскаго, которые читали письмо, сняли себѣ копію. Въ тѣ времена всякаго рода списки были въ чрезвычайномъ ходу. Объемъ не служилъ препятствіемъ. Вспомнимъ сотни списковъ такой громоздкой вещи какъ „Горе отъ ума“. Списывали не только все запрещенное или исключенное Николаевской цензурой, но зачастую и многое, что можно прочитать въ печатномъ видѣ. Бѣлинскій, напр., когда былъ женихомъ, чтобы оказать невѣстѣ вниманіе, собственноручно переписалъ для нея всего лермонтовскаго „Демона“.

Легко представить себѣ, съ какимъ захватывающимъ интересомъ стали списывать письмо Бѣлинскаго—этотъ первый русскій политическій памфлетъ.

Совершенно несомнѣнно то, однакоже, что распространеніе письма началось *послѣ* смерти Бѣлинскаго. Говорю—несомнѣнно, потому что иначе Бѣлинскому пришлось-бы очень плохо. Извѣстно приглашеніе Бѣлинскаго въ III от-

дѣленіе, изображенное на картинѣ Наумова. „Приглашеніе“ послѣдовало вслѣдствіе доноса Булгарина. Былъ найденъ въ апрѣлѣ 1848 г. какой-то рукописный „пасквиль“ противъ правительства, и остроумный Булгаринъ, состоявшій, какъ это теперь установлено, своего рода экспертомъ по литературнымъ дѣламъ при III отдѣленіи, усмотрѣлъ въ немъ стиль Бѣлинскаго. Это было настолько нелѣпо, что покровителю Бѣлинскаго,—М. М. Попову, нѣкогда учителю его, а потомъ чиновнику III отдѣленія,—не трудно было отвратить грозу. Достаточно было Попову показать Дубельту письмо больного Бѣлинскаго въ отвѣтъ на приглашеніе „пожаловать“ и сравнить его съ почеркомъ „пасквиля“ (См. замѣтку *П. Е. Щеголева* въ № 10 „Былого“ за 1906 г.)

Но что-бы могъ сдѣлать не то что средней руки чиновникъ какъ Поповъ, а самъ Дубельтъ, еслибы до III отдѣленія дошло зальцбруннское письмо? Мы сейчасъ увидимъ, въ какое великое преступленіе было вмѣнено Петрашевцамъ простое чтеніе письма Бѣлинскаго. Такъ какое-же наказаніе постигло-бы самого автора письма?

Едва-ли поэтому можно сомнѣваться въ томъ, что и тѣ изъ пріятелей Бѣлинскаго, которые сняли копіи съ письма, все-же таки, не давали имъ сколько-нибудь широкаго распространенія.

Со смертью Бѣлинскаго, конечно, исчезло всякое основаніе мѣшать ознакомленію русскаго общества съ „геніальнымъ“, по выраженію такого цѣнителя, какъ Герценъ, памфлетомъ.

И тогда-то началось то огромное, небывалое распространеніе письма, благодаря которому Иванъ Аксаковъ въ первой половинѣ 50-хъ годовъ могъ констатировать, что въ *каждомъ* губернскомъ городѣ *каждый* порядочный человѣкъ знаетъ письмо наизусть.

Естественно, что, когда въ 1855 г. въ Лондонѣ возникла свободная русская печатня, задавшаяся, между прочимъ, тѣмъ, чтобы вытащить на свѣтъ Божій всѣ подспудныя произведенія, то въ первую очередь попало Зальцбруннское письмо. Оно, вмѣстѣ съ отвѣтомъ Гоголя, было напечатано въ I-й книжкѣ „Полярной Звѣзды“. Въ предисловіи Гер-

ценъ, сообщая о присланныхъ ему изъ Россіи для напечатанія матеріалахъ, говоритъ, между прочимъ:

„Другой анонимъ прислалъ намъ „Переписку Бѣлинскаго съ Гоголемъ". Переписку эту мы знали прежде отъ самого Бѣлинскаго, она надѣлала нѣкоторый шумъ въ 1847 году [1]). Во всякомъ случаѣ, нѣтъ никакой нескромности ее напечатать; она прошла черезъ столько рукъ, даже полицейскихъ, что, печатая ее, мы собственно печатаемъ извѣстное. Бѣлинскій и Гоголь не существуютъ болѣе, Бѣлинскій и Гоголь принадлежатъ къ русской исторіи; полемика между ними слишкомъ важный документъ, чтобы не обнародовать его изъ малодушной деликатности" (стр. X).

„Полярная Звѣзда" долго была единственнымъ источникомъ, по которому можно было ознакомиться съ зальцбруннскимъ письмомъ. Лишь въ 1880 г. Драгомановъ издалъ его отдѣльною брошюрою въ Женевѣ, со своимъ предисловіемъ. Это перепечатка изъ „Полярной Звѣзды".

Въ Россіи письмо, съ значительнѣйшими опущеніями, впервые было напечатано Пыпинымъ въ его „Характеристикахъ Лит. Мнѣній" („Вѣст. Евр." 1872, № 7 и въ отд. изданіи). По тексту это тоже перепечатка изъ „Полярной Звѣзды".

Не имѣлъ Пыпинъ возможности дать что-нибудь новое по тексту и черезъ 2 года, когда приступилъ къ своей біографіи Бѣлинскаго, главнымъ образомъ основанной на перепискѣ „неистоваго Виссаріона". Какъ разъ самаго неистоваго эпистолярнаго произведенія Бѣлинскаго Пыпинъ въ подлинникѣ не могъ разыскать, и опять пришлось пользоваться текстомъ „Полярной Звѣзды". Что касается полноты, то и теперь изслѣдователь дѣлалъ оговорку, что „не имѣетъ возможности представить письмо вполнѣ".

Въ 1894 г. Н. П. Барсуковъ въ 8-мъ томѣ своего забавно-обскурантскаго, но чрезвычайно цѣннаго по матеріаламъ, сочиненія „Жизнь и труды М. П. Погодина" напечаталъ

---

[1]) Тутъ есть кое-какія неточности. Въ 1847 г. письмо „шума" не надѣлало, какъ я объ этомъ сейчасъ говорилъ. А позднѣе былъ не „нѣкоторый" шумъ, а безпримѣрный. Но вѣдъ Герценъ жилъ внѣ Россіи, и вѣсти съ родины доходили до него скудно.

письмо Бѣлинскаго, по копіи, сохранившейся въ бумагахъ Краевскаго, какъ образчикъ „анти-православнаго и слѣдовательно анти-Русскаго міросозерцанія“. Кое-что Барсуковъ не помѣстилъ по собственной иниціативѣ: „Нравственное чувство (!) не дозволяетъ намъ привести письмо въ его цѣльномъ видѣ“. 8 мѣстъ опустилъ Барсуковъ, но въ общемъ его текстъ даетъ значительно больше, чѣмъ вынужденно-сдержанныя извлеченія Пыпина.

Изъ книги Барсукова письмо было перепечатано въ „Мірѣ Божіемъ“. Хотя журналъ выходилъ подъ предварительной цензурой, но все-же общія представленія о свободѣ печати настолько поднялись, что препятствій къ перепечаткѣ не встрѣтилось.

Наконецъ, въ 1905 г. я, въ выходившей подъ моей редакціей „Библіотекѣ Свѣточа“ (въ серіи „Избранныя произведенія политической литературы“) напечаталъ, особою брошюрою, письмо цѣликомъ. Въ томъ-же году оно тоже цѣликомъ было издано фирмою Павленкова.

Для популярной брошюры не было надобности углубляться въ изученіе текста, и я взялъ его изъ „Полярной Звѣзды“, прибавивъ только одну, весьма характерную фразу (о ней ниже) изъ текста, напечатаннаго Барсуковымъ по копіи Краевскаго.

Переиздавая теперь здѣсь письмо уже не въ популярной брошюрѣ, я счелъ нужнымъ заняться выясненіемъ вопроса: какая-же изъ двухъ редакцій цѣннѣе въ историко-литературномъ отношеніи?

Сличивъ текстъ „Полярной Звѣзды“ съ копіею Краевскаго (находится въ Публичной Библіотекѣ), я прихожу къ заключенію, что послѣдняя безусловно цѣннѣе того списка, который прислали Герцену. *Кромѣ двухъ-трехъ незначительныхъ словъ, все, что есть въ „Полярной Звѣздѣ“, есть и въ копіи Краевскаго*, а, кромѣ того, есть очень много такого, чего въ „Полярной Звѣздѣ“ нѣтъ.

Всѣхъ разночтеній—64. Многія изъ нихъ не имѣютъ значенія, но есть слова, обороты и даже цѣлыя предложенія, которыя усиливаютъ сочность письма и дѣлаютъ нѣкоторыя непонятныя мѣста вполнѣ ясными.

Такъ, напр., въ общераспространенномъ текстѣ „Поляр-

ной Звѣзды“ одна тирада читается такъ: „А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго?“.

Обыкновенно не обращаешь вниманія на это мѣсто, но если задуматься надъ нимъ, оно поражаетъ своею неожиданностью. „Поговорка“—вѣдь это народная мудрость, и неужели народъ могъ додуматься до такой удивительной морали?

На самомъ дѣлѣ и „поговорки“ такой нѣтъ, и ни на какую „поговорку“ Бѣлинскій не ссылался. Въ копіи Краевскаго мы читаемъ:

„А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго *нашли вы въ словахъ глупой бабы въ повѣсти Пушкина*[1]), *и по разуму которой должно* пороть и праваго и виноватаго?“

Изъ опущенныхъ въ „Полярной Звѣздѣ“ мѣстъ отмѣчу строку въ характеристикѣ .....:

„Кого русскій народъ называетъ: *дурья порода, колыханы* (?) *жеребцы?*—. . . . . .“.

Очень повышаетъ авторитетность копіи Краевскаго одна деталь.

Почти въ самомъ концѣ письма мы въ текстѣ „Полярной Звѣзды“ читаемъ:

„Нынѣшнимъ лѣтомъ начинающаяся чахотка прогнала меня за границу. Неожиданное полученіе вашего письма“ и т. д.

Въ копіи Краевскаго между этими фразами очень интересная вставка:

„Но нынѣшнее лѣто начинающаяся чахотка прогнала меня за границу *и Некрасовъ переслалъ мнѣ ваше письмо въ Зальцбургъ* (ошибка — надо Зальцбруннъ. *С. В.*), *откуда я сегодня же ѣду съ Анненковымъ въ Парижъ, черезъ Франкфуртъ на Майнъ.* Неожиданное полученіе“ и т. д.

Эта цѣнная своею интимностью деталь показываетъ, что копія Краевскаго снята не съ обычныхъ списковъ, одинъ изъ которыхъ былъ доставленъ Герцену, а съ какого-то

---

[1]) Конечно, жена коменданта въ „Капитанской Дочкѣ“.

особеннаго, значительно болѣе полнаго. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что Краевскій, заинтересовавшись письмомъ, обратился непосредственно къ Анненкову или къ кому-либо другому изъ близкихъ Бѣлинскому лицъ.

Есть, однакоже, въ копіи Краевскаго явныя искаженія. Такъ, напр., знаменитое мѣсто:

„Проповѣдникъ кнута, *апостолъ* невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ,—что вы дѣлаете!“

въ копіи начинается такъ:

„Проповѣдникъ кнута, *а потомъ* невѣжества“. Искаженіе очевидное.

Такихъ безспорныхъ искаженій всего нѣсколько, но, все-же, наличность погрѣшностей дѣлаетъ необходимымъ дать письмо въ сводной редакціи. Въ основу я кладу копію Краевскаго, а безспорныя ошибки исправляю по „Полярной Звѣздѣ“, каждый разъ дѣлая соотвѣтственную оговорку.

VII.

Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю.

Вы только отчасти правы, у́видавъ въ моей статьѣ разсерженнаго человѣка: этотъ эпитетъ слишкомъ слабъ и нѣженъ для выраженія того состоянія, въ которое привело меня чтеніе вашей книги. Но вы вовсе неправы, приписавши это вашимъ, дѣйствительно, не совсѣмъ лестнымъ отзывамъ о почитателяхъ вашего таланта. Нѣтъ, тутъ была причина болѣе важная. Оскорбленное чувство самолюбія еще можно перенести, и у меня достало бы ума промолчать объ этомъ предметѣ, если бы все дѣло заключалось въ немъ; но нельзя перенести оскорбленнаго чувства истины, человѣческаго достоинства; нельзя молчать, когда подъ покровомъ религіи и защитою кнута проповѣдуютъ ложь и безнравственность, какъ истину и добродѣтель.

Да, я любилъ васъ со всею страстью, съ какою человѣкъ, кровно связанный съ своей страною, можетъ любить ея надежду, честь, славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса. И вы имѣли основательную причину хоть на минуту выйти изъ спокойнаго состоянія духа, потерявши право на такую любовь. Говорю это не потому, чтобы я считалъ любовь свою наградою великаго таланта, а потому, что въ этомъ отношеніи я представляю не одно, а множество лицъ, изъ которыхъ ни вы, ни я не видали самаго большого числа, и которые въ свою очередь тоже никогда не видали васъ. Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодо-

ваніи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши, и нелитературные (Чичиковы, Ноздревы, Городничіе и т. д.) и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны. Вы сами видите, что отъ вашей книги отступились даже люди, повидимому, одного духа съ ея духомъ. Если бы она и была написана вслѣдствіе глубокаго, искренняго убѣжденія, и тогда бы она должна была произвести на публику то же впечатлѣніе. И если ее приняли всѣ (за исключеніемъ немногихъ людей, которыхъ надо видѣть и знать, чтобы не обрадоваться ихъ одобренію) за хитрую, но черезчуръ нецеремонную продѣлку для достиженія небеснымъ путемъ чисто земной цѣли,—въ этомъ виноваты только вы. И это нисколько не удивительно, а удивительно то, что вы находите это удивительнымъ. Я думаю, это оттого, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы такъ неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ. И это не потому, чтобы вы не были мыслящимъ человѣкомъ, а потому, что вы столько уже лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего *прекраснаго далека;* а вѣдь извѣстно, что ничего нѣтъ легче, какъ издалека видѣть предметы такими, какими намъ хочется ихъ видѣть; потому, что въ этомъ *прекрасномъ далекѣ* вы живете совершенно чуждымъ ему, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому вы не замѣтили, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди, довольно она слышала ихъ, не молитвы, довольно она твердила ихъ [1]), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и навозѣ,—права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе.

---

[1]) Словъ—„не молитвы, довольно она твердила ихъ"—въ копіи Краевскаго нѣтъ. Но, очевидно, переписчики не сочинили ихъ.

А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе плантаторы, утверждая, что негръ не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ не только никакихъ гарантій для личностей, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе[2]) тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго исполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ, и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

Вотъ вопросы, которыми тревожно занята Россія въ ея апатическомъ полуснѣ! И въ это-то время великій писатель, который своими дивно-художественными, глубоко-истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давши ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ больше денегъ, ругая ихъ *неумытыми рылами* побольше... И это не должно было привести меня въ негодованіе...? Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки... И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не дьяволовымъ ученіемъ—совсѣмъ не то написали бы

---

[2]) Въ копіи Краевскаго—„ослабленіе". Но вѣроятно-ли, чтобы Бѣлинскій требовалъ только „ослабленія", а не „отмѣненія тѣлеснаго наказанія"?

вы вашему адепту изъ помѣщиковъ. Вы написали-бы ему, что, такъ какъ его крестьяне его братья о Христѣ, а какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать имъ свободу, или хотя по-крайней-мѣрѣ пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя, въ глубинѣ своей совѣсти,[1]) въ ложномъ въ отношеніи къ нимъ положеніи.

А выраженіе: *„Ахъ ты неумытое рыло!“* Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ словахъ глупой бабы въ повѣсти Пушкина, и по разуму которой должно пороть и праваго и виноватаго? Да это и такъ дѣлается у насъ въ частую, хотя чаще всего порютъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія—быть *безъ вины виноватъ!* И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтленія! [2]) Не можетъ быть! Или вы больны — и вамъ надо спѣшить лѣчиться, или... не смѣю досказать моей мысли!..

Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ—что вы дѣлаете! Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною... Что вы подобное ученіе опираете на ...., это еще понимаю: она всегда была опорою кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то зачѣмъ вы примѣшали тутъ? Что вы нашли общаго между нимъ и какою-нибудь ....? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія. И оно только до тѣхъ поръ и было спасеніемъ

---

[1]) „Въ глубинѣ своей совѣсти“ нѣтъ въ копіи Краевскаго, но мало вѣроятно, чтобы такія сочныя слова выдумали переписчики.

[2]) Въ копіи Краевскаго—„просвѣщенія“. Но по смыслу фразы „просвѣтленія“ гораздо больше подходитъ.

людей, пока не организовалось въ ..... и не приняло за основаніе принципа ортодоксіи. ..... же явилась іерархіей, стало быть поборницей неравенства, льстецомъ власти, врагомъ и гонительницею братства между людьми,— чѣмъ продолжаетъ быть и до сихъ поръ. Но смыслъ Христова слова открытъ философскимъ движеніемъ прошлаго вѣка. И вотъ почему какой-нибудь Вольтеръ, орудіемъ насмѣшки погасившій въ Европѣ костры фанатизма и невѣжества, конечно, болѣе сынъ Христа, плоть отъ плоти его и кость отъ костей его, нежели всѣ ваши ....., ..., ..., ...! Неужели вы этого не знаете! А вѣдь это теперь не новость для всякаго гимназиста... А потому неужели вы, авторъ „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, неужели вы искренно отъ души пропѣли гимнъ ..... русскому духовенству, поставили его неизмѣримо выше духовенства католическаго? Положимъ, вы не знаете, что второе когда-то было чѣмъ-то, между тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было, кромѣ какъ слугою и рабомъ свѣтской власти; но неужели же въ самомъ дѣлѣ вы не знаете, что .... находится во всеобщемъ презрѣніи у русскаго общества и русскаго народа? Про кого русскій народъ разсказываетъ похабную сказку? Про ....., ..., ... Кого русскій народъ называетъ ....., *колыханы*, ...?— ..... Не есть ли .... на Руси для всѣхъ русскихъ представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, безстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По вашему, русскій народъ самый религіозный въ мірѣ: ложь! [1]) Основа религіозности есть піэтизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій. А русскій человѣкъ произноситъ ...., почесывая себѣ ..... Онъ говоритъ объ .....: годится— ....., а негодится—горшки покрывать.

Приглядитесь попристальнѣе и вы убѣдитесь, что это по натурѣ глубоко-атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ слѣда религіозности. Суевѣріе проходитъ съ успѣхами цивилизаціи, но религіозность часто уживается и съ ними; живой примѣръ Франція, гдѣ и те-

[1]) Въ копіи Краевскаго слова „ложь“ нѣтъ, вѣроятно, по ошибкѣ.

перь много искреннихъ католиковъ между людьми просвѣщенными и образованными и гдѣ многіе, отложившись отъ христіанства, все еще упорно стоятъ за какого-то Бога. Русскій народъ не таковъ; мистическая экзальтація не въ его натурѣ; у него слишкомъ много для этого здраваго смысла, ясности и положительности въ умѣ, и вотъ въ этомъ-то, можетъ быть, огромность историческихъ судебъ его въ будущемъ. Религіозность не прививалась въ немъ даже къ духовенству, ибо нѣсколько отдѣльныхъ, исключительныхъ личностей, отличавшихся тихою холодною аскетическою созерцательностью, ничего не доказываютъ. Большинство-же нашего ..... всегда отличалось только толстыми брюхами, схоластическимъ педантствомъ, да дикимъ невѣжествомъ. Его грѣхъ обвинить въ религіозной нетерпимости и фанатизмѣ, но его скорѣе можно похвалить за образцовый индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Религіозность проявилась у насъ только въ раскольничьихъ сектахъ, столь противуположныхъ, по духу своему, массѣ народа и столь ничтожныхъ передъ нею числительно.

Не буду распространяться о вашемъ дифирамбѣ любовной связи русскаго народа къ его владыкамъ. Скажу прямо: этотъ дифирамбъ ни въ комъ не встрѣтилъ себѣ сочувствія и уронилъ васъ въ глазахъ даже людей, въ другихъ отношеніяхъ очень близкихъ къ вамъ по направленію. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совѣсти упиваться созерцаніемъ божественной красоты самодержавія (оно покойно, да, говорятъ, и выгодно для васъ), только продолжайте благоразумно созерцать его изъ вашего прекраснаго далека: вблизи-то оно не такъ прекрасно и не такъ безопасно... Замѣчу одно: когда Европейцемъ, особенно католикомъ, овладѣваетъ религіозный духъ, онъ дѣлается обличителемъ неправой власти, подобно еврейскимъ пророкамъ, обличавшимъ беззаконія сильныхъ земли. У насъ-же наоборотъ: постигаетъ человѣка (даже порядочнаго) болѣзнь, извѣстная у врачей-психіатровъ подъ именемъ religiosa mania, онъ тотчасъ-же земному богу подкуритъ болѣе, нежели небесному, да еще такъ хватитъ черезъ край, что тотъ и хотѣлъ бы его наградить за рабское усердіе, да видитъ, что этимъ окомпрометировалъ бы себя

въ глазахъ общества... Бестія нашъ братъ, русской человѣкъ!..

Вспомнилъ я еще, что въ вашей книгѣ вы утверждаете, за великую и неоспоримую истину, будто простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна.— Что сказать вамъ на это? Да проститъ васъ вашъ византійскій богъ за эту византійскую мысль, если только, передавши ее бумагѣ, вы не знали, что говорили... Но, можетъ быть, вы скажете: „Положимъ, что я заблуждался, и всѣ мои мысли ложь, но почему же отнимаютъ у меня право заблуждаться и не хотятъ вѣрить искренности моихъ заблужденій?“ Потому, отвѣчаю я вамъ, что подобное направленіе въ Россіи давно уже не новость. Даже еще недавно оно было вполнѣ исчерпано Бурачкомъ съ братіею. Конечно, въ вашей книгѣ болѣе ума и даже таланта (хотя того и другого не очень богато въ ней), чѣмъ въ ихъ сочиненіяхъ; но зато они развили общее имъ съ вами ученіе съ большей энергіей и съ большей послѣдовательностью, смѣло дошли до его послѣднихъ результатовъ, все отдали византійскому богу, ничего не оставили сатанѣ; тогда какъ вы, желая поставить по свѣчѣ и тому и другому, впали въ противорѣчіе, отстаивали, напримѣръ, Пушкина, литературу и театры, которые съ вашей точки зрѣнія, если бы вы только имѣли добросовѣстность быть послѣдовательнымъ, нисколько не могутъ служить къ спасенію души, но много могутъ служить къ ея погибели... Чья же голова могла переварить мысль о тождественности Гоголя съ Бурачкомъ? Вы слишкомъ высоко поставили себя во мнѣніи русской публики, чтобы она могла вѣрить въ васъ искренности подобныхъ убѣжденій. Что кажется естественнымъ въ глупцахъ, то не можетъ казаться такимъ въ геніальномъ человѣкѣ. Нѣкоторые остановились было на мысли, что ваша книга есть плодъ умственнаго разстройства, близкаго къ положительному сумасшествію. Но они скоро отступились отъ такого заключенія—ясно, что книга писана не день, не недѣлю, не мѣсяцъ, а, можетъ быть, годъ, два или три; въ ней есть связь; сквозь небрежное изложеніе проглядываетъ обдуманность, а гимнъ властямъ предержащимъ хорошо устраиваетъ земное положеніе

набожнаго автора. Вотъ почему въ Петербургѣ распространился слухъ, будто вы написали эту книгу съ цѣлью попасть въ наставники къ сыну Наслѣдника. Еще прежде въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстнымъ письмо ваше къ Уварову, гдѣ вы говорите съ огорченіемъ, что вашимъ сочиненіямъ въ Россіи даютъ превратный толкъ, затѣмъ обнаруживаете недовольствіе своими прежними произведеніями и объявляете, что только тогда останетесь довольны своими сочиненіями, когда ими будетъ доволенъ тотъ, который и т. д. [1]). Теперь судите сами, можно ли удивляться тому, что ваша книга уронила васъ въ глазахъ публики и какъ писателя, и еще болѣе какъ человѣка?

Вы, сколько я вижу, не совсѣмъ хорошо понимаете русскую публику. Ея характеръ опредѣляется положеніемъ русскаго общества, въ которомъ кипятъ и рвутся наружу свѣжія силы, но, сдавленныя тяжелымъ гнетомъ, не находя исхода, производятъ только уныніе, тоску, апатію. Только въ одной литературѣ, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движеніе впередъ. Вотъ почему званіе писателя у насъ такъ почетно, почему у насъ такъ легокъ литературный успѣхъ даже при маленькомъ талантѣ. Титло поэта, званіе литератора у насъ давно уже затмили мишуру эполетъ и разноцвѣтныхъ мундировъ. И вотъ почему у насъ въ особенности награждается общимъ вниманіемъ всякое такъ называемое либеральное направленіе, даже и при бѣдности таланта, и почему такъ скоро падаетъ популярность великихъ талантовъ, отдающихъ себя искренно или неискренно въ услуженіе православію, самодержавію и народности. Разительный примѣръ Пушкина, которому стоило написать только два-три вѣрноподданическихъ стихотворенія и надѣть камеръ-юнкерскую ливрею, чтобы вдругъ лишиться народной любви! И вы сильно ошибаетесь, если не шутя думаете, что ваша книга пала не отъ ея дурного направленія, а отъ рѣзкости истинъ, будто бы высказанныхъ вами всѣмъ и каждому. Положимъ, вы могли это думать о пишущей братіи, но публика-то какъ могла попасть въ эту категорію? Неужели въ „Ревизорѣ“ и „Мерт-

---

[1]) Въ „Поляр. Звѣздѣ“—„царь“.

выхъ Душахъ“ вы менѣе рѣзко, съ меньшею истиною и талантомъ и менѣе горькія правды высказали ей? И старая школа [1]), дѣйствительно, сердилась на васъ до бѣшенства, но „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“ отъ того не пали, тогда какъ ваша послѣдняя книга позорно провалилась сквозь землю. И публика тутъ права: она видитъ въ русскихъ писателяхъ своихъ единственныхъ вождей, защитниковъ и спасителей отъ русскаго самодержавія, православія и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не проститъ ему зловредной книги. Это показываетъ, сколько лежитъ въ нашемъ обществѣ, хотя еще въ зародышѣ, свѣжаго, здороваго чутья, и это же показываетъ, что у него есть будущность. Если вы любите Россію, порадуйтесь вмѣстѣ со мною, порадуйтесь паденію вашей книги!..

Не безъ нѣкотораго чувства самодовольствія скажу вамъ, что мнѣ кажется, что я немного знаю русскую публику. Ваша книга испугала меня возможностью дурного вліянія на правительство, на цензуру, но не на публику. Когда пронесся въ Петербургѣ слухъ, что правительство хочетъ напечатать вашу книгу въ числѣ многихъ тысячъ экземпляровъ и продавать ее по самой низкой цѣнѣ,—мои друзья пріуныли; но я тогда-же сказалъ имъ, что, несмотря ни на что, книга не будетъ имѣть успѣха, и о ней скоро забудутъ. И дѣйствительно, она памятнѣе теперь всѣмъ статьями о ней, нежели сама собою. Да, у русскаго человѣка глубокъ, хотя и не развитъ еще инстинктъ истины.

Ваше обращеніе, пожалуй, могло быть и искренно, но мысль—довести о немъ до свѣдѣнія публики—была самая несчастная. Времена наивнаго благочестія давно уже прошли и для нашего общества. Оно уже понимаетъ, что молиться вездѣ все равно и что въ Іерусалимѣ ищутъ Христа только люди, или никогда не носившіе его въ груди своей, или потерявшіе его. Кто способенъ страдать при видѣ чужого страданія, кому тяжко зрѣлище угнетенія чуждыхъ ему людей,—тотъ носитъ Христа въ груди своей и тому незачѣмъ ходить пѣшкомъ въ Іерусалимъ. Смире-

---

[1]) Въ копіи Краевскаго: „и она“—явная нелѣпость.

ніе, проповѣдуемое вами, во-первыхъ, не любовь [1]), а, во-вторыхъ, отзывается, съ одной стороны, страшною гордостію, а съ другой—самымъ позорнымъ униженіемъ своего человѣческаго достоинства. Мысль сдѣлаться какимъ-то абстрактнымъ совершенствомъ, стать выше всѣхъ смиреніемъ можетъ быть плодомъ или гордости или слабоумія и въ обоихъ случаяхъ ведетъ неизбѣжно къ лицемѣрію, ханжеству, китаизму. И при этомъ вы позволили себѣ цинически - грязно выражаться не только о другихъ (это было бы только невѣжливо), но и о самомъ себѣ — это уже гадко; потому что если человѣкъ, бьющій своего ближняго по щекамъ, возбуждаетъ негодованіе, то человѣкъ, бьющій по щекамъ самъ себя, возбуждаетъ презрѣніе. Нѣтъ, вы только омрачены, а не просвѣтлены; вы не поняли ни духа, ни формы христіанства нашего времени. Не истиной христіанскаго ученія, а болѣзненною боязнію смерти, чорта и ада вѣетъ отъ вашей книги!

И что за языкъ, что за фразы?—„Дрянь и тряпка сталъ теперь вашъ всякъ человѣкъ“, неужели вы думаете, что сказать *всякъ* вмѣсто *всякій*—значитъ выражаться библейски? Какая это великая истина, что когда человѣкъ весь отдается лжи, его оставляетъ умъ и талантъ. Не будь на вашей книгѣ выставлено вашего имени, и будь изъ нея выключены тѣ мѣста, гдѣ вы говорите о себѣ какъ писатель, кто бы подумалъ, что эта надутая и неопрятная шумиха словъ и фразъ—произведеніе автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“?!

Что-же касается до меня лично, повторяю вамъ: вы ошиблись, сочтя мою статью выраженіемъ досады за вашъ отзывъ обо мнѣ, какъ объ одномъ изъ вашихъ критиковъ. Если бы только это разсердило меня, я только объ этомъ и отозвался бы съ досадою, а обо всемъ остальномъ выразился бы спокойно, безпристрастно. А это правда, что вашъ отзывъ о вашихъ почитателяхъ вдвойнѣ нехорошъ. Я понимаю необходимость щелкнуть иногда глупца, который своими похвалами, своимъ восторгомъ ко мнѣ только дѣлаетъ меня смѣшнымъ, но и эта необходимость тяжела,

---

[1]) Въ „Поляр. Звѣздѣ“—„не ново“, и это, можетъ быть, точнѣе.

потому что какъ-то по-человѣчески неловко даже за ложную любовь платить враждою. Но вы имѣли въ виду людей, если не съ отличнымъ умомъ, то все-же не глупцовъ. Эти люди въ своемъ удивленіи къ вашимъ твореніямъ надѣлали, быть можетъ, гораздо больше восклицаній, нежели сколько высказали о нихъ дѣла; но все же ихъ энтузіазмъ къ вамъ выходитъ изъ такого чистаго и благороднаго источника, что вамъ вовсе не слѣдовало бы выдавать ихъ головою общимъ ихъ и вашимъ врагамъ, да еще вдобавокъ обвинить ихъ въ намѣреніи дать какой-то превратный толкъ вашимъ сочиненіямъ. Вы, конечно, сдѣлали это по увлеченію главной мыслію вашей книги и по неосмотрительности, а Вяземскій, этотъ князь въ аристократіи и холопъ въ литературѣ, развилъ вашу мысль, напечаталъ на вашихъ почитателей (стало быть на меня всѣхъ болѣе) чистый доносъ. Онъ это сдѣлалъ, вѣроятно, въ благодарность вамъ за то, что вы его, плохого риѳмоплета, произвели въ великіе поэты, кажется, сколько я помню, за его „вялый, влачащійся по землѣ стихъ“ [1]). Все это нехорошо. А что вы ожидали только времени, когда вамъ можно будетъ отдать справедливость и почитателямъ вашего таланта (отдавши ее съ гордымъ смиреніемъ вашимъ врагамъ), этого я не зналъ; не могъ, да признаться, и не хотѣлъ бы знать. Передо мной была ваша книга, а не ваши намѣренія: я читалъ ее и перечитывалъ сто разъ и все-таки не нашелъ въ ней ничего, кромѣ того, что въ ней есть, а то, что въ ней есть, глубоко возмутило и оскорбило мою душу.

Если бы я далъ полную волю моему чувству, письмо это скоро бы превратилось въ толстую тетрадь. Я никогда не думалъ писать къ вамъ объ этомъ предметѣ, хотя и мучительно желалъ этого, и хотя вы всѣмъ и каждому печатно дали право писать къ вамъ безъ церемоній, имѣя въ виду одну правду. Живя въ Россіи, я не могъ бы этого сдѣлать, ибо тамошніе „Шпекины“ распечатываютъ чужія письма не изъ одного личнаго удовольствія, но и по долгу службы, ради доносовъ. Въ нынѣшнее лѣто начинающаяся

---

[1]) Въ копіи Краевскаго нѣтъ ковычекъ, которыя, однако, здѣсь совершенно необходимы.

чахотка прогнала меня за границу и Некрасовъ переслалъ мнѣ ваше письмо въ Зальцбруннъ [1]), откуда я сегодня же ѣду съ Анненковымъ въ Парижъ, черезъ Франкфуртъ на Майнѣ. Неожиданное полученіе вашего письма дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ-половину, не умѣю хитрить; это не въ моей натурѣ. Пусть вы или само время докажетъ мнѣ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ. Я первый порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что сказалъ вамъ. Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но даже и васъ; тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи.

И вотъ мое послѣднее заключительное слово: если вы имѣли несчастье съ гордымъ смиреніемъ отречься отъ вашихъ истинно-великихъ произведеній, то теперь вамъ должно съ искреннимъ смиреніемъ отречься отъ послѣдней вашей книги, и тяжкій грѣхъ ея изданія въ свѣтъ искупить новыми твореніями, которыя бы напомнили ваши прежнія.

Зальцбруннъ [2]).
15 іюля 1847 года.

---

[1]) Въ копіи Краевскаго по ошибкѣ „Зальцбургъ".

[2]) Въ копіи Краевскаго и здѣсь „Зальцбургъ" вмѣсто „Зальцбруннъ".

VIII.

Отвѣтъ Гоголя.

Когда я въ 1905 г. издалъ отдѣльной брошюрой зальцбруннское письмо, меня нѣкоторые упрекали за то, что я, вслѣдъ за письмомъ Бѣлинскаго, не привелъ отвѣта Гоголя.

Audiatur et altera pars,—говорили мнѣ.

Упрекъ этотъ не принимаю, потому что единственною цѣлью моею было воспользоваться освобожденіемъ печати и дать то произведеніе русской политической литературы, которое по справедливости должно считаться родоначальникомъ ея. Комментарій въ брошюрѣ сводился къ небольшому предисловію.

Теперь, издавая письмо съ комментаріемъ болѣе обстоятельнымъ, я, конечно, считаю нужнымъ дать и отвѣтъ Гоголя.

Но, право-же, мало тутъ выигрываетъ altera pars.

Отвѣтъ, или—вѣрнѣе—отвѣты Гоголя, производятъ крайне невыгодное впечатлѣніе и своею полною растерянностью и своею неискренностью.

Я говорю „отвѣ*ты*“, потому что есть двѣ редакціи того письма, которое Гоголь, получивъ зальцбруннское письмо послалъ Бѣлинскому изъ Остенде 10 авг. 1847 г.

Характерною чертою окончательной редакціи является его, несомнѣнно, неискреннее смиреніе, котораго весьма мало въ огромномъ черновикѣ. Конечно, простою вѣжливостью были и разспросы и заботы о здоровьѣ Бѣлинскаго.

Вотъ эта окончательная редакція:

„Остенде, 10 августа 1847 г.

Я не могъ отвѣчать такъ скоро на ваше письмо. Душа моя изнемогла, все во мнѣ потрясено. Могу сказать, что не осталось чувствительныхъ струнъ, которымъ не было бы нанесено пораженія еще прежде, нежели я получилъ письмо ваше. Письмо ваше я прочелъ почти безчувственно, но тѣмъ не менѣе былъ не въ силахъ отвѣчать. Да и что́ мнѣ отвѣчать? Богъ вѣсть, можетъ-быть, въ словахъ вашихъ есть часть правды. Скажу вамъ только, что я получилъ около пятидесяти разныхъ писемъ по поводу моей книги, но ни одно изъ нихъ не похоже на другое; нѣтъ двухъ человѣкъ, согласныхъ во мнѣніяхъ объ одномъ и томъ же предметѣ: что́ отвергаетъ одинъ, то утверждаетъ другой. И между тѣмъ на всякой сторонѣ есть равно благородные и умные люди, но мнѣ показалось только непреложной истиной, что я не знаю вовсе Россіи, что многое измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я въ ней не былъ, что нынѣ нужно почти сызнова узнавать все то, что́ есть въ ней теперь, а выводъ изъ всего этого вывелъ я для себя тотъ,—что не слѣдуетъ выдавать въ свѣтъ ничего, не только никакихъ живыхъ образовъ, но даже и двухъ строкъ какого бы то ни было писанія, покуда, проживши въ Россіи, не увижу многаго собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что укорявшіе меня въ незнаніи многихъ вещей, несоображеніи многихъ сторонъ, обнаружили передо мною собственное незнаніе многаго и собственное несоображеніе многихъ сторонъ. Не всѣ вопли услышаны, не всѣ страданія взвѣшены. Мнѣ кажется даже, что не всякій изъ насъ понимаетъ нынѣшнее время, въ которомъ такъ явно проявляется духъ нестроенія полнѣйшій, нежели когда-либо прежде. Какъ бы то ни было, но все выходитъ теперь наружу: всякая вещь проситъ принять ее въ соображеніе, старое и новое выходитъ на борьбу и чуть только на одной сторонѣ перельютъ и попадутъ въ излишество, какъ въ отпоръ тому переливается и на другую сторону. Настоящій вѣкъ есть вѣкъ весьма разумнаго сознанія; не горячась, онъ взвѣшиваетъ все,

принимаетъ всѣ стороны къ свѣдѣнію, безъ чего не узнать разумной средины вещей. Онъ велитъ оглядывать многостороннимъ взглядомъ старца, а не показывать горячую прыткость рыцаря прошедшихъ временъ. Мы ребенки (sic) передъ этимъ вѣкомъ. Повѣрьте мнѣ, что вы и я равно виноваты передъ нимъ. Я, по крайней мѣрѣ, сознаюсь въ этомъ, но сознаетесь ли вы? Точно такъ же, какъ я упустилъ изъ виду современныя дѣла и множество вещей, которыя слѣдовало сообразить, точно также упустили и вы; какъ я слишкомъ усредоточился въ себѣ, такъ и вы слишкомъ разбросались. Какъ мнѣ нужно многое узнать изъ того, что́ знаете вы и чего я не знаю, такъ и вамъ слѣдуетъ узнать хотя часть того, что́ знаю я и чѣмъ вы напрасно пренебрегаете. А покамѣстъ помните прежде всего ваше здоровье; оставьте на время современные вопросы. Вы потомъ возвратитесь къ нимъ съ большею свѣжестью и, стало быть, съ бо́льшею пользою какъ для себя, такъ и для нихъ. Желаю вамъ отъ всего сердца спокойствія душевнаго, первѣйшаго блага, безъ котораго нельзя дѣйствовать и поступать разумно ни на какомъ поприщѣ.

Н. Гоголь".

Въ огромномъ черновикѣ, очень малая часть котораго вошла въ отправленное письмо, нѣтъ и слѣда той кротости, которою полонъ только что приведенный отвѣтъ.

По объему и общему характеру своему это въ такой-же степени мало напоминаетъ частное письмо, какъ и письмо Бѣлинскаго.

Черновикъ не дошелъ до насъ въ полномъ видѣ. Вотъ что сообщаетъ о немъ первый издатель писемъ Гоголя— Кулишъ:

„Письмо это найдено въ черновомъ видѣ. Оно было написано на двухъ тетрадкахъ почтовой бумаги, въ осьмушку. Обѣ тетрадки изорваны Гоголемъ въ клочки, такъ что изъ каждаго листка вышло по десяти лоскутковъ (считая и потерянные). Издатель сложилъ лоскутки, списалъ

и, по возможности, дополнилъ нѣкоторыя фразы словами въ скобкахъ. Недостающія слова означены точками“ [1]).

Черновикъ отвѣта Гоголя на зальцбруннское письмо.

„Съ чего начать мой отвѣтъ на ваше письмо, если не съ вашихъ же словъ: „Опомнитесь, вы стоите на краю бездны!“. Какъ далеко вы сбились съ прямого пути! въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи! въ какомъ грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ приняли вы мою книгу! какъ вы ее истолковали!... О, да внесутъ святыя силы миръ въ вашу страждущую душу! Зачѣмъ было вамъ перемѣнять разъ выбранную, мирную дорогу? Чтó могло быть прекраснѣе, какъ показывать читателямъ красоты въ твореньяхъ нашихъ писателей, возвышать ихъ душу и силы до пониманія всего прекраснаго, наслаждаться трепетомъ пробужденнаго въ ихъ сочувствія и такимъ образомъ невидимо дѣйствовать на ихъ души? Дорога эта привела бы васъ къ примиренію съ жизнью, дорога эта заставила бы васъ благословлять все въ природѣ. А теперь уста ваши дышатъ желчью и ненавистью... Зачѣмъ вамъ, вамъ, съ вашею пылкою душой, вдаваться въ этотъ омутъ политической (жизни), и въ эти мутныя событія современности, среди которой и твердая осмотрительность многосторонняго (ума) теряется? Какъ же съ вашимъ одностороннимъ, пылкимъ какъ порохъ умомъ, уже вспыхивающимъ прежде, чѣмъ еще успѣли узнать, чтó истина, а чтó (ложь), какъ вамъ не потеряться? Вы сгорите, какъ свѣчка, и другихъ сожжете... О, какъ сердце мое ноетъ въ эту минуту за васъ! Чтó, если и я виноватъ? чтó, если и мои сочиненія послужили вамъ къ заблужденію? Но нѣтъ, какъ не разсмотрю всѣ прежнія сочиненія (мои), вижу, что они не могли (соблазнить васъ). — — Когда я писалъ ихъ, я благоговѣлъ передъ (всѣмъ, передъ) чѣмъ человѣкъ долженъ благоговѣть. Насмѣшки и нелюбовь слышались у меня не надъ властью, не надъ коренными законами нашего государства,

---

[1]) Слѣдуя примѣру позднѣйшаго издателя писемъ Гоголя—Шенрока, считаю болѣе удобнымъ недостающія слова обозначать черточками — — —, чтобы не вышло смѣшенія съ многоточіями самого Гоголя.

но надъ извращеніемъ, надъ уклоненьемъ, надъ неправильными толкованьями, надъ дурнымъ (приложеніемъ ихъ). Никогда не было у меня насмѣшки надъ тѣмъ, что́ составляетъ основаніе русскаго характера и его великія силы. Насмѣшка была только надъ мелочью, несвойственной его характеру. Моя ошибка въ томъ, что я мало обнаружилъ русскаго человѣка, я не развергнулъ его, не обнажилъ до тѣхъ великихъ родниковъ, которые хранятся въ его душѣ. Но это нелегкое дѣло. Хотя я и больше наблюдалъ за русскимъ человѣкомъ, хотя мнѣ могъ помогать нѣкоторый даръ ясновидѣнья, но я не былъ ослѣпленъ собой, глаза у меня были ясны. Я видѣлъ, что я еще незрѣлъ для того, чтобы бороться съ событіями выше тѣхъ, какія доселѣ были въ моихъ сочиненіяхъ, и съ характерами сильнѣйшими. Все могло показаться преувеличеннымъ и напряженнымъ. Такъ и случилось съ этой моей книгой, на которую вы такъ напали. Вы взглянули на нее распаленными глазами, и все вамъ представилось въ ней въ другомъ видѣ. Вы ее не узнали. Не стану защищать мою книгу. Я самъ на нее напалъ и нападаю. Она была издана въ торопливой поспѣшности, несвойственной моему характеру, разсудительному и осмотрительному. Но движеніе было честное. Никому я не хотѣлъ ею польстить, или покадить. Я хотѣлъ только остановить нѣсколько пылкихъ головъ, готовыхъ закружиться и потеряться въ этомъ омутѣ и безпорядкѣ, въ какомъ вдругъ очутились всѣ вещи міра, когда внутренній духъ сталъ померкать, какъ-бы готовый погаснуть. Я попалъ въ излишества, но—говорю вамъ—я этого даже не замѣтилъ. Своекорыстныхъ же цѣлей я и прежде не имѣлъ, когда меня еще нѣсколько занимали соблазны міра, а тѣмъ болѣе (теперь, когда мнѣ) пора подумать о смерти... Ничего не хотѣлъ (я) ею выпрашивать. Это не въ моей натурѣ. Слава Богу, я возлюбилъ свою бѣдность и не промѣняю ее на тѣ блага, которыя вамъ кажутся такъ обольстительными. Вспомнили бы вы по крайней мѣрѣ, что у меня нѣтъ даже угла, и я стараюсь о томъ, какъ бы еще облегчить мой небольшой походный чемоданъ, чтобъ легче было разставаться съ міромъ. Стало быть, вамъ бы слѣдовало поудержаться клеймить меня тѣми обидными подозрѣ-

ніями, которыми, признаюсь, я бы не имѣлъ духа запятнать послѣдняго мерзавца... Вы извиняете себя (тѣмъ, что вы писали) въ гнѣвномъ расположеніи духа. Но въ какомъ же (расположеніи духа) вы рѣшаетесь говорить неуважительно о такихъ) важныхъ предметахъ? — — —

Какъ мнѣ защищаться противъ вашихъ нападеній, когда нападенія невпопадъ? — — Нѣтъ, каждому изъ насъ слѣдуетъ напоминать, что званье его свято. — — Пусть вспомнитъ, какой строгій отвѣтъ потребуется отъ него... Но если каждаго изъ насъ званье свято, то тѣмъ болѣе того, кому достался трудный и страшный удѣлъ заботиться о милліона(хъ). Да, мы должны даже другъ другу напоминать о свя(тости на)шихъ обязанностей. Безъ (этого человѣкъ) погрязнетъ въ матеріальныхъ чувст(вахъ). — — Или, вы думаете, этого не знаетъ никто изъ русскихъ? Разсмотримъ пристально, отчего это? Не оттого ли эта склонность (къ роскоши) и чудовищное накопленіе (пороковъ), что мы всѣ—„кто въ лѣсъ, кто по дрова?". Одинъ смотритъ въ Англію, другой въ Пруссію, третій во Францію; тотъ выѣзжаетъ на однихъ началахъ, другой на другихъ; одинъ суетъ тотъ проектъ, другой (—другой, третій—) опять иной. Что́ ни человѣкъ, (то и ра)зныя мысли... (Какъ же не) образоваться посреди (такой разладицы во)рамъ и всевозможнымъ (плутнямъ и несправе)дливостямъ, когда всякій (видитъ, что вездѣ) завелись препятствія, (всякій) думаетъ только о себѣ и о томъ, какъ бы себѣ запасти потеплѣй квартиру?... Вы говорите, что спасенье Россіи въ европейской *цивилизаціи;* но какое это безпредѣльное и безграничное слово! Хоть бы вы опредѣлили, что́ такое нужно разумѣть подъ именемъ европейской цивили(заціи)! тутъ и фаланстьеры, и красные, и всякіе, и всѣ другъ друга готовы съѣсть, и всѣ носятъ такія разрушающія, такія уничтожающія начала, что трепещетъ въ Европѣ всякая мыслящая голова и спрашиваетъ невольно: гдѣ наша цивилизація? Пустой призракъ явился въ видѣ этой цивилизаціи...

Отчего вамъ показалось, что я сплелъ тоже пѣснь нашему — — духовенству? Я сказалъ, что проповѣдникъ восточной церкви долженъ жизнью и дѣлами проповѣдать.

И отчего у васъ такой духъ ненависти? Я очень много зналъ дурныхъ поповъ и могу вамъ разсказать множество смѣшныхъ про нихъ анекдотовъ, но встрѣчалъ зато и такихъ, которыхъ святости жизни и подвигамъ я дивился, и видѣлъ, что они—созданіе нашей восточной церкви, а не западной. Итакъ я вовсе не думалъ воздавать пѣснь духовенству, опозорившему нашу церковь, но духовенству, возвысившему нашу церковь.

Какъ странно мое положеніе, что я долженъ защищаться противъ тѣхъ нападеній, которыя всѣ направлены не противъ меня и не противъ моей книги! Вы говорите, что вы прочли будто сто разъ мою книгу, тогда какъ ваши же слова говорятъ, что вы ее не читали ни разу. Гнѣвъ отуманилъ глаза вамъ и ничего не далъ вамъ увидѣть въ настоящемъ смыслѣ. Блуждаютъ кое-гдѣ блестки правды посреди огромной кучи софизмовъ и необдуманныхъ юношескихъ увлеченій. Но какое невѣжество! Какъ дерзнуть съ такимъ малымъ запасомъ свѣдѣ(ній) толковать о такихъ велик(ихъ явленіяхъ)? Вы отдѣляете церковь отъ... христіанства, ту самую церковь, тѣхъ самыхъ пастырей, которые мученичествомъ свой смерти запечатлѣли истину всякаго слова Христова, которые тысячами гибли подъ ножами и мечами убійцъ, молясь о нихъ, и наконецъ утомили самихъ палачей, такъ что побѣдители упали къ ногамъ побѣжденныхъ, и весь міръ исповѣдалъ (ея ученіе). И этихъ самыхъ пастырей, этихъ мучениковъ-епископовъ, (которые) вынесли на плечахъ святыню церкви, вы хотите отдѣлить отъ Христа, называя ихъ несправедливыми истолкователями Христа! Кто же, по-вашему, ближе и лучше можетъ истолковать теперь Христа? Неужели нынѣшніе коммунисты и соціалисты, объясняющіе, что Христосъ повелѣлъ отнимать имущества и грабить тѣхъ, которые нажили себѣ состояніе? Опомнитесь, куда вы зашли! Вольтера называ(ете вы) оказавшимъ услугу христіанс[тву] и говорите, что это извѣстно всякому ученику гимна(зіи). Да я, когда былъ еще въ гимназіи, я и тогда не восхищался Вольтеромъ. У меня и тогда было настолько ума, чтобъ видѣть въ Вольтерѣ ловкаго остроумца, но далеко не глубокаго человѣка. Вольтеромъ не могли восхищаться ни Пуш-

кинъ, ни Суворовъ, ни всѣ сколько нибудь полные умы. Вольтеръ, не смотря на всѣ блестящія замѣтки, остался тотъ же французъ, который увѣренъ, что можно говорить обо всѣхъ предметахъ высокихъ шутя и легко. О немъ можно сказать то, что Пушкинъ [1]) говоритъ вообще о французѣ:

„Французъ — дитя:
Онъ такъ, шутя,
Разрушитъ тронъ,
Издастъ законъ;
И быстръ, какъ взоръ,
И пустъ, какъ вздоръ,
И удивитъ,
И насмѣшитъ".
. . . . . .

Нельзя, получа легкое журнальное образованіе, (судить) о такихъ предметахъ. Нужно для этого изучить исторію церкви. Нужно сызнова прочитать съ размышленіемъ всю исторію человѣчества въ источникахъ, а не въ нынѣшнихъ легкихъ брошюркахъ, (написанныхъ) Богъ вѣсть кѣмъ. Эти поверхностные (энциклопед)ическія свѣдѣнія разбрасываютъ умъ, а не сосредоточиваютъ его.

Чтó мнѣ сказать вамъ на рѣзкое замѣчаніе (о) русско(мъ) мужик(ѣ) — — замѣчаніе, которое вы съ такой самоувѣренностью произносите, какъ-будто вѣкъ обращались съ русскимъ мужикомъ? Чтó мнѣ тутъ говорить, когда такъ краснорѣчиво говорятъ тысячи церквей и монастырей, покрывающихъ (русскую землю), которые они строятъ не дарами богатыхъ, но бѣдными лептами неимущихъ? — — Нѣтъ, нельзя судить о русскомъ народѣ тому, кто прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ, безпрестанно занятый легкими журнальными (статейками) французскихъ ро(манистовъ, которые) такъ пристрастн(ы къ своимъ идеямъ, и не замѣ-

---

[1]) Странно, что Гоголь, такъ хорошо знавшій Пушкина, приписалъ обожаемому имъ поэту извѣстные стихи Полежаева [„Четыре націи"], уже по одному размѣру мало общаго съ Пушкинымъ имѣющіе. Невѣрно также, что Пушкинъ „не могъ восхищаться Вольтеромъ". Только въ концѣ жизни Пушкинъ дѣйствительно относился къ Вольтеру отрицательно. Но въ общемъ слѣды вліянія Вольтера на творчествѣ Пушкина очень значительны.

чаетъ) того, какъ уродливо и (нелѣпо) изобра(жена у) нихъ жизнь. Позвольте также сказать, что я болѣе предъ вами имѣю право заговорить (о русскомъ) народѣ. Всѣ мои сочиненія, по единодушному убѣжденію, показываютъ знаніе природы русскаго человѣка, (какъ въ писателѣ), который былъ съ народомъ наблюд(ателенъ и, можетъ) быть, уже имѣетъ даръ входить (въ его жизнь)., что́ подтвердили (и вы) въ вашихъ критикахъ. А что́ же *вы* представите въ доказательство вашего знанія... природы русскаго народа? Что́ вы произвели такого, въ которомъ видно (это знаніе)? Предметъ (этотъ) великъ, и объ этомъ я могъ бы вамъ (написать цѣлыя) книги. Вы бы устыдились сами того грубаго смысла, который вы придали совѣтамъ моимъ помѣщику. Какъ эти совѣты ни (маловажны), но въ нихъ нѣтъ протеста противъ грамотности... развѣ протестъ противъ развращенія (народа русск)аго грамотою, намѣсто того, что грамота намъ дана, чтобъ стремить къ высшему свѣту человѣка. Отзывы ваши о помѣщикѣ вообще отзываются временами Фонвизина. Съ тѣхъ поръ много, много измѣнилось въ Россіи, и теперь показалось многое другое. Что для крестьянъ выгоднѣе правленіе одного помѣщика, который воспитался въ университетѣ и, стало быть, уже многое долженъ чувствовать. — — — — — — — — — — Да и много (есть такихъ предмето)въ, о которыхъ слѣдуетъ (каждому изъ насъ) подумать заблаговременно, прежде нежели съ пылкостью невоздержаннаго рыцаря и юноши тол(ковать)ь — — Вообще (у на)съ какъ-то болѣе заботятся о перемѣнѣ (назв)аній и именъ, (нежели о сущности дѣла)... Не стыдно ли вамъ въ уменьшительныхъ именахъ нашихъ, которыя даемъ мы иногда и товарищамъ, видѣть (порабощеніе)? Вотъ до какихъ ребяческихъ выводовъ доводитъ невѣрный взглядъ на главный предметъ!

Еще изумила меня эта отважная самонадѣянность, съ которою вы говорите, что: «Я знаю общество наше и духъ его». Какъ можно ручаться за этотъ ежеминутно мѣняющійся хамелеонъ? Какими данными вы можете удостовѣрить, что знаете общество? Гдѣ ваши средства къ тому? Показали ли вы гдѣ нибудь въ сочиненьяхъ своихъ, что вы глубокій вѣдатель души человѣка? Живя почти безъ

прикосновенія съ людьми и свѣтомъ, ведя мирную жизнь журнальнаго сотрудника, во всегдашнихъ занятіяхъ фельетонными статьями, какъ вамъ имѣть понятіе объ этомъ громадномъ страшилищѣ, которое (неожи)данными явленіями (ловитъ насъ) въ ту ловушку, въ которую (попадаютъ) всѣ молодые писатели, (разсуждающіе обо) всемъ мірѣ и человѣчествѣ, тогда какъ (довольно) заботъ намъ и вокругъ себя. Нужно (прежде всего) ихъ исполнить, такъ общество (само) собой пойдетъ хорошо. А если (пренебрежемъ) свои обязанности относительно лицъ (близкихъ и погонимся) за обществомъ, (то запутаемся)... такъ же точно. Я (встрѣчалъ) въ послѣднее время много прекрасныхъ людей, (которые) совершенно сбились на этомъ (предметѣ)..

Многіе, видя, что общество идетъ дур(ной дорогой), что порядокъ дѣлъ безпрестанно запутывается, думаютъ, что преобразованьями и реформами, обращеньемъ на такой и на другой ладъ можно поправить міръ. Другіе думаютъ, что посредствомъ какой-то особенной, довольно посредственной литературы, которую вы называете беллетристикой, можно подѣйствовать на воспитаніе общества. Мечты! кромѣ того, что прочитанная книга лежитъ (безъ примѣненія)... плоды если происходятъ, то вовсе не тѣ, о которыхъ думаетъ авторъ, а чаще такіе, отъ которыхъ онъ съ испугомъ отскакиваетъ самъ... Общество образуется само собою слагается изъ единицъ. (Надобно, чтобы каждая) единица исполнила (должность свою)... (Пускай) вспомнитъ человѣкъ, (что) онъ вовсе не матеріальная скотина, а высокій гражданинъ высокаго небеснаго гражданства, и до тѣхъ поръ, покуда (каждый) сколько-нибудь не будетъ жить жизнью небеснаго гражданства, до тѣхъ поръ не придетъ въ порядокъ и земное гражданство.

(Вы) говорите, что Россія долго (и напрасно) молилась. Нѣтъ, Россія... помолилась въ 1612, и спасла отъ поляковъ; она помолилась въ 1812 и спасла отъ французовъ. Или это вы называете молитвою, что одна тысячная молится, а всѣ прочіе кутятъ... съ утра до вечера на всякихъ зрѣлищахъ, закладывая послѣднее свое имущество, чтобы насладиться всѣмъ комфортомъ, которымъ надѣлила насъ эта (безтолковщина) европейской цивилизаціи?...

Нѣтъ, оставимъ (подобныя мечты)... Будемъ исполнять (свое) дѣло честно. (Будемъ) стараться, чтобъ не зарыть въ землю талантовъ. Будемъ отправлять (по совѣсти) свое ремесло. Тогда все будетъ хорошо, и состояніе (общества) поправится само собою. — — — Владѣльцы разъѣдутся по помѣстьямъ. Чиновники увидятъ, что не нужно жить богато, перестанутъ (брать взятки); а честолюбецъ, увидя, что важныя мѣста не награждаютъ ни деньгами, (н)и богатымъ жалованьемъ.,. ни вы, ни я не рождены. . . . . Позвольте мнѣ напомнить (вамъ) прежнюю вашу дорогу. Литераторъ сущ(ествуетъ для истины). Онъ долженъ служить искусству (честно), вносить въ души міра примиреніе... а не вражду... Начните ученье. Примитесь за тѣхъ поэтовъ и мудрецовъ, которые воспитываютъ душу. Журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу, и вы замѣчаете наконецъ пустоту въ себѣ. Вспомните, что вы учились коекакъ, не кончили даже университетскаго курса. Вознаградите (это) чтеньемъ большихъ сочиненій, а не современныхъ брошюръ, писанныхъ разгоряченнымъ (умомъ), совращающимъ съ прямого взгляда.

Отрывокъ изъ того же письма, найденнаго въ другомъ мѣстѣ.

Слова мои о грамотности вы приняли въ буквальномъ, тѣсномъ смыслѣ. Слова эти были сказаны помѣщику, у котораго крестьяне земледѣльцы. Мнѣ даже было смѣшно, когда изъ этихъ словъ вы поняли, что (я) вооружился противъ грамотности; точно какъ-будто бы объ этомъ теперь вопросъ,—когда (это) вопросъ, рѣшенный уже давно нашими отцами. Отцы (и) дѣды наши, даже безграмотные, рѣшили, что грамота нужна. Не въ этомъ дѣло. Мысль, которая проходитъ сквозь всю мою книгу, есть та, какъ просвѣтить прежде тѣхъ, которые имѣютъ близкія столкновенія съ народомъ, чѣмъ самый народъ. Всѣ эти мелкіе чиновники и власти, которые всѣ грамотны и которые между тѣмъ много дѣлаютъ злоупотребленій... Повѣрьте, что для этихъ господъ нужнѣе издавать тѣ книги, которыя, вы думаете, полезны для народа. Народъ меньше испорченъ, чѣмъ все это грамотное населеніе. Но издавать книги для

этихъ господъ, которыя бы открывали имъ тайну, какъ быть съ народомъ и съ подчиненными, которые имъ поручены,—не въ томъ обширномъ смыслѣ, въ которомъ повторяются слова *„не крадь, соблюдай правду“*, или: *„помни, что твои подчиненные люди такіе же, какъ и ты“*, но которыя могли бы ему открыть, какъ именно не красть (и) чтобы, точно, то была правда...

Нельзя, конечно, быть чрезмѣрно строгимъ къ черновику. Однако, основной характеръ каждаго произведенія ясно намѣченъ и въ его черновомъ наброскѣ. Въ окончательной редакціи вѣдь мѣняются только отдѣлка, нюансы, а не планъ и не главные аргументы. И вотъ планъ-то отвѣта Гоголя поражаетъ своимъ ничтожествомъ и полною растерянностью.

Какъ и въ неапольскомъ письмѣ, все опять близоруко и грубо-невѣрно, сведено не къ идеямъ и чувству Бѣлинскаго, а къ личности его.

Бѣлинскій мало образованъ, его образованіе „журнальное“, ему нужно „начать ученье“, вѣдь онъ „не кончилъ даже университетскаго курса“.

Удивительные аргументы въ устахъ именно Гоголя. Когда еще Шевыревъ позволялъ себѣ въ отвѣтъ на убійственныя для него статьи Бѣлинскаго называть своего противника недоучившимся студентомъ, это было очень пошло, но въ устахъ профессора формально-правильно. Но къ лицу-ли были такіе упреки Гоголю? Онъ-то гдѣ „университетскій курсъ“ прошелъ? Въ Нѣжинскомъ Лицеѣ что-ли, который давалъ знаній меньше, чѣмъ иная хорошо поставленная гимназія.

Еще болѣе печальное впечатлѣніе производитъ, во многихъ мѣстахъ отвѣта проскальзывающее, пренебрежительное отношеніе къ дѣятельности Бѣлинскаго. Жизнь Бѣлинскаго проходитъ въ „занятіяхъ фельетонными статьями“, его профессія—„журнальныя занятія вывѣтриваютъ душу“, эти занятія оставляютъ „пустоту въ себѣ“ и неудивительно, потому что состоятъ онѣ въ томъ, что „безпрестанно“ читаются „легкія журнальныя статейки французскихъ романистовъ“.

Очень печально, если все это сказано съ цѣлью, наперекоръ истинѣ, уязвить противника. А еще печальнѣе, если это сказано искренно. Гоголь, значитъ, не имѣлъ никакого представленія о той интенсивнѣйшей работѣ надъ эстетикой, философіей, политич. экономіей и тѣмъ, что можно назвать по нынѣшнему соціологіей, которая шла въ кружкахъ, близкихъ къ Бѣлинскому, и въ которой онъ самъ кипѣлъ и горѣлъ пламеннѣе всѣхъ другихъ друзей своихъ. По Гоголю это все „легкія журнальныя статейки французскихъ романистовъ".

Думается, однако, что все это сказано отъ растерянности. Гоголь, конечно, зналъ и о серьезности философскихъ увлеченій Бѣлинскаго, да и его огромную роль какъ критика отлично сознавалъ и не считалъ ее „фельетонными статьями".

Въ своей растерянности и въ стремленіи перенести споръ съ предмета спора на личности спорящихъ Гоголь счелъ нужнымъ ссылатьея на то, что онъ „былъ съ народомъ наблюдателенъ". Бѣлинскій не имѣетъ права „судить о русскомъ народѣ", потому что „прожилъ вѣкъ въ Петербургѣ". А гдѣ Гоголь „прожилъ вѣкъ" и гдѣ онъ наблюдалъ „народъ"? Мы знаемъ, что до выхода въ свѣтъ „Мертвыхъ Душъ", т. е. до 1842 года, Гоголь „наблюдалъ народъ", проскакавши въ почтовой повозкѣ 50 дней. А съ 1842 по 1847 онъ *ни разу не былъ въ Россіи*, все время разъѣзжалъ по Европѣ и по собственному признанію утратилъ чутье русской дѣйствительности.

Больше всего, однако, какъ мнѣ кажется, растерянность Гоголя сказалась въ той слабости, съ которою онъ защищаетъ вѣроисповѣдную часть своей книги.

Тутъ-то бы Гоголю и стать во весь ростъ, тутъ-то-бы разразиться грозной филиппикой, которая, можетъ быть, не всѣхъ убѣдила-бы въ своей логической части, но произвела-бы впечатлѣніе силою чувства.

Къ тому-же, какъ высоко ни ставить значеніе письма Гоголя, какъ благоговѣйно ни смотрѣть на него и какъ на блистательный памфлетъ, и какъ на пламенное выраженіе смѣлаго міросозерцанія, нельзя, однако-же, не признать, что та часть письма, гдѣ Бѣлинскій серьезно говоритъ объ

атеизмѣ русскаго народа, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Гоголь могъ-бы его прямо сокрушить на этомъ пунктѣ и фактами и глубиною своей вѣры. А онъ спѣшитъ отрекаться отъ такого обвиненія, которое для него даже и не обвиненіе, онъ считаетъ нужнымъ опровергать утвержденіе Бѣлинскаго, что авторъ „Переписки“ хотѣлъ „сплесть пѣснь нашему духовенству“. Ну, хотѣлъ „сплести“, такъ хотѣлъ---почему надо этого бояться ортодоксально-мыслящему и примитивно-вѣрующему человѣку? Но подъ вліяніемъ буйной хулы Бѣлинскаго Гоголю вдругъ стало страшно оказаться въ клерикалахъ и ретроградахъ. Не хватило мужества гордо сказать: да, таковы мои убѣжденія, внѣ восточнаго самодержавія и восточнаго православія нѣтъ спасенія. А вы крамольникъ и безбожникъ и будете ввергнуты въ геену огненную.

IX.

Роль письма Бѣлинскаго въ дѣлѣ Петрашевскаго.

Ближайшимъ образомъ роль письма Бѣлинскаго какъ перваго политическаго памфлета въ Россіи сказалась въ такъ называемомъ дѣлѣ Петрашевскаго.

Петрашевцамъ будетъ удѣлено особое вниманіе въ одномъ изъ томовъ настоящаго собранія. Тамъ будетъ приведенъ рядъ документальныхъ опроверженій неправильнаго представленія о дѣлѣ Петрашевскаго, которое до сихъ поръ держится, благодаря тому, что оно долго составляло предметъ государственной тайны. Эта-то таинственность въ связи съ суровымъ наказаніемъ, понесеннымъ участниками мнимаго „Общества пропаганды“ и создало представленіе о Петрашевцахъ, какъ о серьезныхъ политическихъ „заговорщикахъ“, которыхъ ставятъ въ одинъ рядъ съ декабристами. До сихъ поръ, когда рѣчь идетъ о русскихъ революціонныхъ движеніяхъ, всегда перечисленіе начинаютъ такъ: декабристы, петрашевцы.

Смѣшно поддерживать такое представленіе теперь, когда обнародованные документы и воспоминанія петрашевцевъ совершенно безспорно показываютъ, въ какой мѣрѣ тутъ и намека не было на какой-то заговоръ. За исключеніемъ двухъ, трехъ лицъ дѣйствительно съ нѣкоторою революціонною окраскою, петрашевцы пали исключительно жертвою болѣзненной подозрительности, наступившей благодаря европейскимъ событіямъ 1848 года. Безсовѣстнѣйшему слѣдователю Липранди нужно было показать, что его прони-

цательностью отечество спасено отъ величайшей опасности, и дѣло было чудовищно извращено.

Но категорически отрицая элементы заговора въ дѣлѣ петрашевцевъ, я всего менѣе хочу пріуменьшить огромное политическое значеніе того настроенія, которое сказалось на знаменитыхъ журфиксахъ Петрашевскаго.

Въ донесеніяхъ Липрандіевскаго шпіона они назывались „засѣданіями", и можетъ быть за ними слѣдуетъ оставить этотъ торжественный титулъ.

Надо только прибавить, что такія „засѣданія", на которыхъ обсуждались „три главные вопроса" (отмѣна крѣпостного права, гласное судопроизводство, свобода печати), происходили по всѣмъ угламъ Россіи, когда сходились люди, не утратившіе человѣческаго образа, такой „гнусный либерализмъ", такія вредныя идеи „пропагандировались" всякимъ, въ комъ житейская грязь не поглотила послѣднихъ проблесковъ сердца и совѣсти. Правильно говорилъ Липранди въ первомъ пунктѣ своего безчестнѣйшаго доклада:

„Я никакъ не могъ остаться при мысли, чтобы злоумышленное общество состояло изъ тѣхъ только людей, которыхъ агентъ мой видѣлъ и слушалъ въ собраніяхъ Петрашевскаго".

Правильно говоритъ онъ затѣмъ о провинціальныхъ „паствахъ" петрашевцевъ, о томъ, что идеи ихъ „посѣяны" и принесли „болѣе или менѣе плоды въ разныхъ мѣстахъ государства".

Нелѣпо только, что во всемъ этомъ ему мерещились „обширныя и далеко пущенныя отрасли" организованнаго заговора, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ тутъ было цѣлое общественное теченіе, считающее своихъ приверженцевъ тысячами. Могучее общественное движеніе, наступившее послѣ крымской войны такъ внезапно и стремительно, было бы совершенно непонятнымъ явленіемъ, если бы мы не знали, что сѣмена новаго міросозерцанія были брошены раньше, что кружокъ петрашевцевъ былъ только однимъ изъ многочисленныхъ ему подобныхъ кружковъ.

Бесусловно справедливо говоритъ Достоевскій въ „Дневникѣ писателя".

„Названіе *петрашевцевъ* по моему неправильное, ибо чрез-

мѣрно большое число, въ сравненіи съ стоявшими на эшафотѣ, но совершенно такихъ-же какъ мы „петрашевцевъ“ осталось совершенно нетронутымъ и необезпокоеннымъ“.

Къ числу этихъ „необезпокоенныхъ“ петрашевцевъ, хотя и не потому, что о немъ не знали, принадлежитъ и Бѣлинскій, какъ авторъ письма къ Гоголю.

Его-то уже только смерть избавила отъ эшафота. И отъ пережитыхъ всѣми Петрашевцами на Семеновскомъ плацу страшныхъ минутъ ожиданія казни.

Можно-ли сомнѣваться въ томъ, что онъ за свое письмо былъ-бы причисленъ къ преступнѣйшей категоріи „общества“, когда многіе изъ петрашевцевъ только и были повинны, что въ распространеніи этого письма. Окончательный т. е, *смягченный* приговоръ генералъ-аудиторіата относительно Плещеева мотивированъ такъ:

„Плещеева, *за распространеніе преступнаго письма Бѣлинскаго*, наполненнаго дерзкихъ выраженій противъ верховной власти и православной церкви, лишить всѣхъ правъ и сослать въ каторжную работу на заводахъ на 4 года“.

Еще интереснѣе *первоначальный* приговоръ надъ 3 другими петрашевцами:

„Головинскаго, Достоевскаго, Пальма за *недонесеніе о распространеніи письма Бѣлинскаго* и сочиненія Григорьева *), лишить чиновъ и всѣхъ правъ состоянія и *подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ*“.

Разстрѣляніе за недонесеніе о распространеніи письма Бѣлинскаго—что-же самому автору письма по этой милой юстиціи полагалось-бы?

Четвертованіе по меньшей мѣрѣ, если бы оно въ то время уже не было отмѣнено.

„Недонесеніе о распространеніи“, главнымъ образомъ, заключалось въ томъ, что всѣ повинные въ этомъ тяжкомъ преступленіи присутствовали 15 апрѣля 1849 г. на той очередной „пятницѣ“ Петрашевскаго, когда читалось преступное письмо.

Внимательно слѣдилъ Липрандіевскій агентъ за тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производило чтеніе и всякое про-

*) Офицеръ Григорьевъ написалъ „Солдатскую бесѣду“, трактовавшую о дурномъ положеніи солдатъ.

явленіе чувствъ заносилъ въ свой рапортъ. Такъ мы узнаемъ, что Ястржембскій

„при прочтеніи письма Бѣлинскаго, выражалъ часто восторгъ, приговаривая: „отто-такъ, отто-такъ“.

Болоссоглу „приходилъ отъ восторга въ изступленіе“. Чириковъ „при чтеніи письма Бѣлинскаго улыбался и про себя что-то говорилъ“.

Филипповъ ничего не говорилъ, но за то онъ принесъ самое письмо въ собраніе. А читалъ въ слухъ письмо составленное „въ самыхъ дурныхъ и преступныхъ выраженіяхъ“ Достоевскій.

Момбелли „слышалъ чтеніе письма Бѣлинскаго и намѣренъ былъ распространить это письмо, для чего и отдалъ списывать съ него копіи“.

Плещеева 15 апрѣля въ Петебургѣ не было, но за то онъ еще въ мартѣ въ письмѣ изъ Москвы писалъ Дурову: „Рукописная литература въ Москвѣ въ большомъ ходу. Теперь всѣ восхищаются письмомъ Бѣлинскаго къ Гоголю“. Онъ переслалъ письмо Достоевскому, который раньше, чѣмъ прочесть его 15 апрѣля у Петрашевскаго, прочелъ его въ мартѣ у Дурова (Дуровъ тоже „завелъ вечера, на которыхъ читались сочиненія въ либеральномъ духѣ“).

Достоевскій-же далъ свой экземпляръ Момбелли „для списанія копіи“ и такимъ образомъ усерднѣе другихъ „распространялъ“ его. Этимъ объясняется то, что ему какъ и Плещееву, „преступное письмо литератора Бѣлинскаго“ было поставлено въ особенную вину.

Во вниманіе къ „молодымъ его лѣтамъ“ генералъ-аудиторіатъ постановилъ Плещеева „лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ Сибирь на поселеніе“ Николай Павловичъ положилъ резолюцію: „Рядовымъ въ Оренбургскіе линейные баталіоны“.

Достоевскому было уже 27 лѣтъ и его приговорили къ 8 годамъ каторги. Конфирмованъ приговоръ такъ: „На 4 года, а потомъ рядовымъ“.

Въ одномъ письмѣ, писанномъ около 1850 года, Грановскій, хотя и недумая при этомъ о дѣлѣ Петрашевскаго, писалъ Герцену: „Благо Бѣлинскому, умершему во время“.

Истинно во время.

X.

Всѣ были на сторонѣ Бѣлинскаго.

Кошмарно-жестокое наказаніе, постигшее людей за недонесеніе о распространеніи письма Бѣлинскаго ни мало, однако, не остановило это „распространеніе“. Все шире и шире становился кругъ его читателей и въ заключеніе я приведу опять полностью свидѣтельство Ивана Аксакова:

„Много я ѣздилъ по Россіи — писалъ онъ отцу въ первой половинѣ 1850-хъ гг.—имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько нибудь мыслящему юношѣ, всякому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который не зналъ бы наизусть письма Бѣлинскаго къ Гоголю; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ...—Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ, — говорятъ мнѣ вездѣ молодые, честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ, — въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны, взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, крестовъ и чиновъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущающихся зломъ и гнетомъ, поборниковъ эмансипаціи и всякаго простора, съ идеями гуманными. Если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастьямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣ-

дователя, который полѣзъ-бы на борьбу—ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго".

И только съ этой точки зрѣнія огромнаго оздоровляющаго вліянія письма на лучшіе элементы общества и должно судить о значеніи его.

Тутъ не споръ и не состязаніе между двумя писателями и не въ томъ дѣло, справедливо или несправедливо отнесся Бѣлинскій къ намѣреніямъ Гоголя. Я уже достаточно опредѣленно высказался въ послѣднихъ главахъ основного этюда настоящаго тома (стр. 95—107) о глубочайшей искренности „Переписки". Первый изъ всѣхъ, кто писалъ о „Перепискѣ", я указывалъ, сколько добрыхъ намѣреній было у Гоголя даже въ ужасномъ письмѣ къ помѣщику. И вообще я стремился показать, что вся „Переписка" была зеркаломъ, хотя и кривымъ, того самаго прилива любви къ обездоленнымъ, которымъ знаменуется конецъ 40-хъ годовъ.

Но, вѣдь, всякое большое, какъ историческое, такъ и литературное событіе нельзя судить по намѣреніямъ дѣйствующихъ лицъ. Когда рѣчь идетъ о произведеніи, имѣвшемъ большой отзвукъ, то наступаетъ воздѣйствіе того мало еще изслѣдованнаго явленія, которое можно назвать *сотворчествомъ читателя*. Когда-нибудь подробно остановлюсь на этомъ сотворчествѣ, изученіе котораго, думается, внесетъ очень много плодотворнаго въ пониманіе исторіи литературы. Пока-же отмѣчу, что сплошь да рядомъ читатель безконечно дальше раздвигаетъ скромныя рамки писательскаго замысла и, наоборотъ, въ широко поставленной задачѣ рѣшающе и властно усматриваетъ такіе скрытые въ элементы, которые эту задачу уродуютъ до неузнаваемости.

Въ исторіи „Переписки" и письма Бѣлинскаго мы имѣемъ яркій образчикъ рѣшающаго значенія читательскаго сотворчества и въ томъ и въ другомъ направленіи. Прямо грандіозно задумалъ Гоголь свою книгу и получился одинъ изъ самыхъ страшныхъ литературныхъ провалов. И наоборотъ, простое письмо написалъ Бѣлинскій и хотя тщательно его обработалъ, все-же, не имѣлъ и малѣйшаго предчувствія о его будущей огромной извѣстности.

Все это рѣшилъ читатель, и вотъ куда слѣдуетъ изслѣ-

дователю направить свое вниманіе. Было-же въ „Перепискѣ“ что-то ужасное, когда безпощадное бичеваніе Бѣлинскаго доставляло прямо физіологическое удовольствіе. Ястржембскій „выражалъ часто восторгъ, приговаривая: отто-такъ, отто-такъ“, Толь „приходилъ отъ восторга въ изступленіе“, Чириковъ просто тихо улыбался, въ Москвѣ „*всѣ* теперь восхищаются“ и т. д. Именно *всѣ* восхищались Бѣлинскимъ и никто не защищалъ того писателя, котораго вообще ставили на недосягаемый пьедесталъ. Тутъ, значитъ, уже споръ не между двумя писателями, а схватка двухъ основныхъ факторовъ русской общественности. Конечно, Гоголь искренно думалъ сдѣлать хорошее дѣло, но сдѣлалъ онъ дѣло несомнѣнно дурное, разъ онъ столько горечи вливалъ въ радостное ожиданіе читателя второй половины 40-хъ годовъ. А Бѣлинскій въ буквальномъ смыслѣ слова ударилъ по сердцамъ съ невѣдомою силою не только потому, что въ его пламенной проповѣди сказался яркій индивидуальный талантъ, даже геній великаго писателя-трибуна, но, главнымъ образомъ, потому, что его негодованіе было крикомъ ужаса цѣлаго поколѣнія и вообще всего мыслящаго въ Россіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Отъ автора V

I. Писатель-Гражданинъ. . . . . 1—115

II. Гоголь совершенно не зналъ реальной русской жизни . . . . . 117—142

III. Гоголь-Ученый . . . . . 143—164

IV. Письмо Бѣлинскаго къ Гоголю . . . . . 165—240

Труды проф. С. А. Венгерова.

Собраніе сочиненій:

Т. I. Героическій характеръ рус. литературы Ц. 1 р.

Т. II. Писатель - Гражданинъ. Гоголь. Ц. 1 р. 25 к.

Т. III. Передовой боецъ славянофильства. Константинъ Аксаковъ. Ц. 1 р. 50 к.

Т. V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемскій. Ц. 1 р. 50 к.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Крит.-біогр. этюдъ. СПБ. 1875 — 77 Ц. 2 р. (*Распродано*).

Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій. Крит.-біогр. этюдъ. Соб. 1885. Ц. 1 р. (*Распродано*).

Рудольфъ Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи. Пер. съ нѣм. подъ ред. *С. А. Венгерова*. М. 1885. Ц. 4 р. 50 к.

Русская Поэзія. Собр. произвед. рус. поэтовъ, съ критико-біографическими статьями, библіографич. примѣч. и портретами. Т. I (вып.1—6).XVIII вѣкъ. СПб. 1897. Съ 23 портр. Ц. 8 р. Вып. VII. Ц. 1 р.

Русскія книги. Съ біографич. данными объ авторахъ и переводч. Редакція *С. А. Венгерова*. Изданіе *Г. В. Юдина*. СПБ. 1896—1898. Вышло 3 тома (А—Вавиловъ). Ц. кажд. тома 5 р. 30 к., съ перес. 4 р.

Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Изд. 2-е. Съ приб. этюда: „*Побѣдители или побѣжденные*?". Ц. 40 к. (*Распродано*).

Источники словаря русскихъ писателей т. I. (Ааронъ—Гоголь). Собралъ *С. А. Венгеровъ*. СПб. 1900. (*Распроданъ*). Изд. Императорской Академіи Наукъ. Ц. 2 р. 50 к., т. II (*Гогоцкая—Карамзинъ*). Спб. 1910. Ц. 4 р.

Собраніе сочиненій Шиллера въ перев. рус. писат. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 4 т. Ц. т. 6 р. 50 к., въ пер. 8 р.

Полное собр. сочин. Шекспира въ перев. рус. писат. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 5 томовъ. Ц. т. 6 р. 50 к. въ пер. 8 р.

Полное собр. сочин. Байрона въ пер. рус. писат Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 3 тома. Ц. т. 6 р. 50 к. въ пер. 8 р.

Полное собраніе сочиненій Пушкина. Подъ. ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изд. Вышло 5 т. Ц. тома 6 р. 50 к., въ переплетѣ 8 р

Полное собраніе сочиненій Мольера. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изд. 2 тома. Ц. тома. 6 р. 50 к., въ переплетѣ 8 р.

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ ред. *С. А. Венгерова*. СПБ. 1903 г. Ц. 2 р.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. Историко-литературный сборникъ. 6 томовъ. (СПб. 1886—1904). Ц. I т. 5 р. 25 к., (*Отдѣльно не продается*) II т. 2 р. 25 к., остальные по 2 р. 50 к.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова*. Вышло 9 томовъ. Ц. тома 1 р. 75 к.

Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Публичная лекція (Библіотека „Свѣточа", № 3). СПБ. 1905. Ц. 20 к. (*Распродано*).

В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ *С. А. Венгерова*. Библіотека „Свѣточа", № 2). СПб. 1905. Ц. 10 к. (*Распродано*).

Очерки по исторіи русской литературы. 2-е изданіе безъ перемѣнъ. СПб. 1907. Ц. 2 р. 50 к. (*Распродано*).

Въ чемъ очарованіе русской литературы. Рѣчь, сказанная въ Москвѣ, 22 окт. 1911 г., на празднованіи 100 лѣт. юбилея Об. Любителей Рос. Словесности. Соб. 1912. Ц. 15 к.

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3335
Z8V43

Vengerov, Semen Afanas'evich
Pisatel'-grazhdanin

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 09 19 07 09 021 5